ЧЕРКЪ

ИСТОРІИ КРЕСТЬЯНСКАГО СОСЛОВІЯ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ

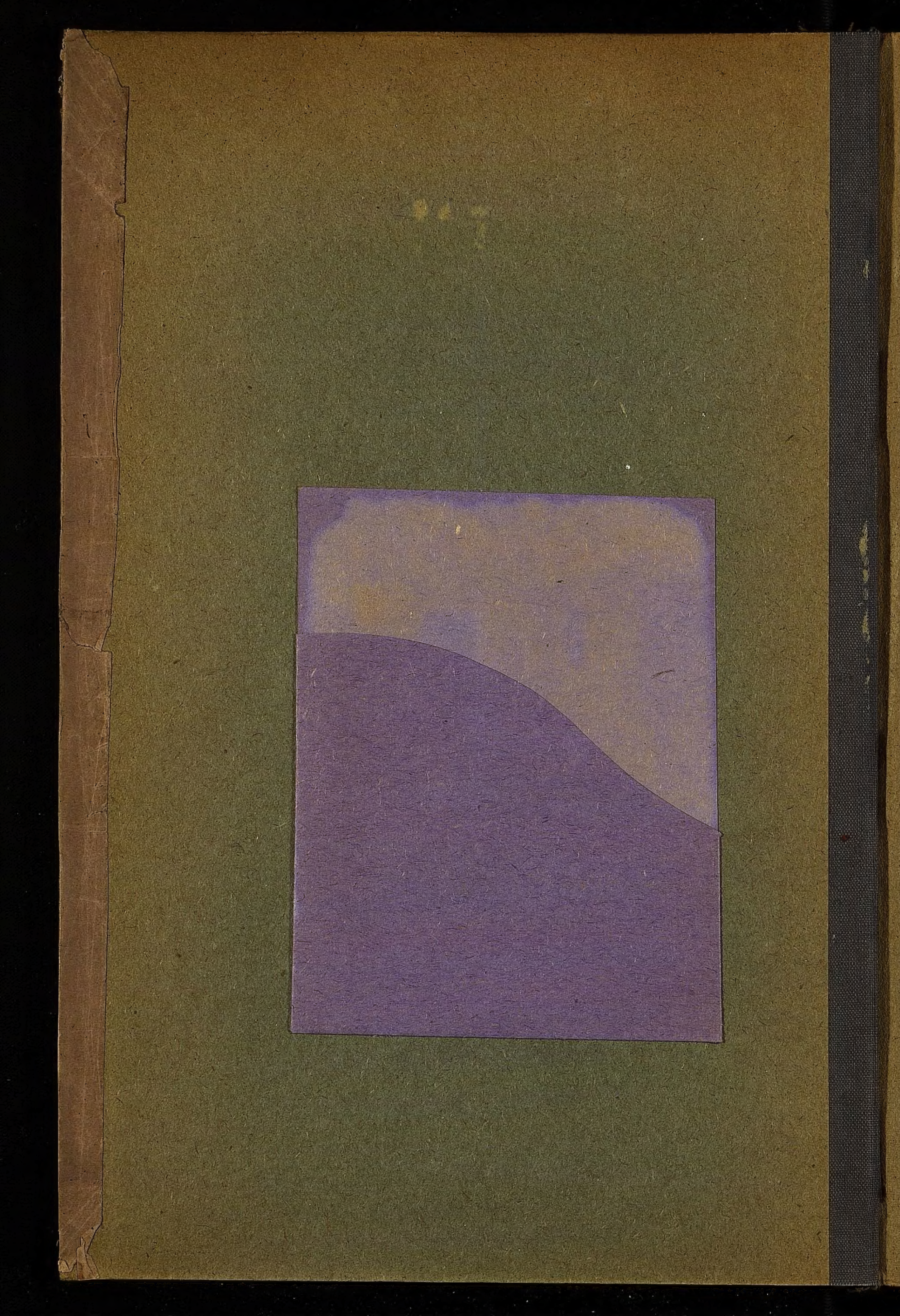
ВЪ XV—XVIII ВѢКѢ.

СОСТАВИЛЪ

ИВАНЪ НОВИЦКІЙ.

(Предисловіе къ I тому VI части «Архива Юго-западной России»).

КІЕВЪ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (І. ЗАВАДЗКАГО).
1876.



ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ КРЕСТЬЯНСКАГО СОСЛОВІЯ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ

ВЪ XV—XVIII ВѢКѢ.

СОСТАВИЛЪ

ИВАНЪ НОВИЦКІЙ.

(Предисловіе къ I тому VI части «Архива Юго-западной Россіи«).

КІЕВЪ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (І. ЗАВАДЗКАГО).
1876.

Печатать разрѣшается. 17 іюня 1876 года.

Предсѣдатель Коммиссіи тайный совѣтникъ *М. Юзефовичъ.*

I.

Общественно-бытовое устройство Литовско-Русскаго великаго княжества въ періодъ до изданія Статута.

Общественное устройство Западно-Русскихъ областей, вошедшихъ въ составъ великаго княжества Литовскаго, сословныя подраздѣленія, права и обязанности каждаго сословія, отношенія ихъ между собою и къ власти государственной,—все это въ XV и XVI вѣкахъ подвергалось медленному, постепенному, но радикальному измѣненію, при сильномъ вліяніи порядковъ, сложившихся въ Польшѣ, съ которою княжество это вступало все въ болѣе и болѣе тѣсныя связи, пока наконецъ не слилось съ нею въ одно государство. Люблинская унія, представляющая собою весьма важный моментъ сознанія и признанія совершавшагося переворота, не была однако ни его исходной точкой, ни полнымъ завершеніемъ, какъ ее нерѣдко изображаютъ. Отклоненія отъ господствовавшихъ первоначально въ Литовскомъ княжествѣ древне-Русскихъ началъ общественнаго быта замѣчаются гораздо раньше, и уже первый опытъ общей кодификаціи существовавшихъ отношеній, Статутъ 1529 года,

во многомъ съ ними расходится. Параллели, преводимыя обыкновенно между этимъ памятникомъ и Русскою Правдою, страдаютъ по большей части тѣмъ недостаткомъ, что въ нихъ обращается вниманіе почти исключительно на черты сходства обоихъ кодексовъ, оставляя въ сторонѣ различія, тогда какъ послѣднія-то, частію накопившіяся путемъ самостоятельнаго послѣдовательнаго развитія, частію составляющія послѣдствіе внѣшняго вліянія, именно и заключаютъ въ себѣ результаты пятивѣковой исторической жизни Западно-Русскаго народа.

Положеніе крестьянскаго сословія, опредѣлившееся послѣднею редакціею Статута въ формѣ полнѣйшаго безправія, до того времени подвергалось, на ряду со всѣми прочими сословіями, значительнымъ модификаціямъ, постоянно клонившимся не въ его пользу—и мало по малу доводившимъ его права до минимума. Приписывать такое ограниченіе правъ крестьянства исключительно одному лишь Польскому вліянію было-бы неосновательно, такъ какъ оно обусловливалось и многими другими причинами, вызывавшими аналогическія явленія, и притомъ почти въ то же самое время, въ Россіи Восточной, вліянію этому не подчинявшейся. Польскіе порядки отразились лишь на тѣхъ *окончательныхъ формахъ*, въ какія сложился общественный бытъ Западной Руси, и которыя рѣзко отличались отъ бытового уклада Московскаго государства, въ свою очередь подвергавшагося нѣкоторымъ чуждымъ вліяніямъ совершенно иного характера. Время, когда все съ большею силою стали обнаруживаться и развиваться различія въ положеніи и правахъ крестьянскаго населенія обѣихъ половинъ Россіи, были XV и XVI вѣкъ, которые по этому и послужатъ исходною точкою настоящаго изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что отъ предшествующей эпохи въ источникахъ, которыми мы располагаемъ, не имѣется почти никакихъ данныхъ, относящихся спеціально къ Западной Россіи. Даже и XV столѣтіе не представ-

ляетъ намъ достаточно матеріаловъ, по которымъ бы можно прослѣдить исторически измѣненія въ положеніи крестьянъ въ этотъ періодъ, такъ что мы должны ограничиться общимъ сводомъ отрывочныхъ указаній памятниковъ за все почти время, предшествовавшее изданію Статута.

Сословное дѣленіе Западно-Русскаго населенія въ эту эпоху и въ эпоху крайняго развитія шляхетскаго господства представляетъ одну сходную черту: какъ тамъ, такъ и здѣсь мы находимъ два главныя подраздѣленія жителей—на свободныхъ и несвободныхъ. Но громаднѣйшее различіе заключается, во-первыхъ, въ численномъ отношеніи обѣихъ категорій, и вовторыхъ, въ дальнѣйшемъ ихъ развѣтвленіи: тогда какъ шляхтичи, единственно полноправные, считались въ эпоху своего господства, т. е. послѣ Люблинской уніи, вполнѣ равными между собою по закону, а всѣ остальныя сословія принадлежали къ числу болѣе или менѣе зависимыхъ,—въ XV столѣтіи было совершенно наоборотъ. Тогда существовало весьма немногочисленное—на сколько можно заключать по дошедшимъ до насъ памятникамъ того времени—сословіе вполнѣ безправныхъ рабовъ, но въ то же время лица свободнаго состоянія далеко не пользовались равноправностію, а распадались на множество разрядовъ, стоявшихъ на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, отъ живущаго на чужой землѣ крестьянина и кончая владѣтельными князьями, причемъ отношенія между сопредѣльными разрядами были почти тождественны и носили въ извѣстной степени феодальный характеръ.

Эта послѣдняя черта, то-есть феодальный оттѣнокъ во взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ классовъ населенія, многими признается непосредственнымъ результатомъ соприкосновенія Литовскаго княжества съ сосѣдями Нѣмцами и ихъ бытомъ [1]). Но едва ли не вѣрнѣе будетъ объяснять ее преемст-

---

[1]). Напримѣръ: «Весь строй государственнаго устройства, об-

веннымъ развитіемъ тѣхъ бытовыхъ условій, какія существовали уже раньше во всѣхъ Русскихъ земляхъ; Литовскіе завоеватели находили въ пріобрѣтеніи областей Западной Руси не одну только безформенную экономическую или боевую силу, которую они могли безпрепятственно организовать по любому предвзятому образцу. Они встрѣчали здѣсь и извѣстную силу культурно-общественную, во всякомъ случаѣ высшую степени ихъ собственнаго развитія, а потому не только имъ не подчинявшуюся, но даже покорявшую ихъ своему вліянію. Весьма трудно было бы допустить даже a priori, чтобы Западная Русь, послужившая для Литвы первымъ источникомъ христіанства, письменности, многихъ правовыхъ понятій, терминовъ и учрежденій, въ то же время могла бы подвергнуться радикальному измѣненію въ бытѣ общественномъ, и притомъ безъ всякой борьбы, на которую мы не имѣемъ ни малѣйшихъ, хотя бы даже самыхъ отдаленныхъ указаній. Но кромѣ этихъ общихъ соображеній, мы имѣемъ болѣе прямое свидѣтельство въ замѣчательномъ параллелизмѣ государственнаго устройства

разовавшійся въ Литвѣ, основанъ исключительно на военномъ началѣ» (Антоновичъ, изслѣдованіе о городахъ, 3) — «Военное устройство новозавоеванныхъ земель и извлеченіе изъ нихъ возможнаго количества боевыхъ силъ, вотъ задача, господствовавшая попреимуществу при первоначальномъ устройствѣ великаго Литовско Русскаго княжества; общественное устройство этого княжества и должно было сложиться подъ вліяніемъ этой необходимости. Форма, представлявшаяся при этомъ сама собою, вытекавшая изъ господствовавшихъ въ то время понятій натурально хозяйственнаго государственнаго устройства, образецъ которой въ возможномъ совершенствѣ былъ на лицо въ устройствѣ нѣмецкихъ государствъ, — форма феодальная была примѣнена литвинами» (его же, изслѣд. о крестьянахъ, 9). «Такимъ образомъ въ Литвѣ образуется *самостоятельный* феодальный строй жизни». (Изслѣд. о городахъ, 4).

Руси Западной и Восточной, въ періодъ до болѣе тѣснаго сближенія первой изъ нихъ съ Польшею и до полнаго объединенія второй подъ властью князей Московскихъ. Такой параллелизмъ могъ возникнуть только вслѣдствіе общности происхожденія.

Изъ двухъ главныхъ факторовъ древне-Русскаго общественнаго быта, связь одного изъ нихъ, именно общины, со многими позднѣйшими явленіями Западно-Русской жизни, которыя этимъ только путемъ и могутъ быть объяснены, достаточно уже въ настоящее время доказана; но точно также не исчезъ внезапно и безслѣдно и другой элементъ, — опирающаяся на дружину княжеская власть, — а продолжалъ существовать въ обѣихъ половинахъ Русской земли, постепенно лишь измѣняясь въ объемѣ и формахъ, современемъ весьма далеко разошедшихся тамъ и здѣсь, подъ вліяніемъ различія историческихъ обстоятельствъ.

Упроченіе удѣловъ за извѣстными отраслями княжескаго рода естественно вызывало стремленіе князей придать территоріальный характеръ и своимъ дружинамъ, находившимся до той поры въ услуженіи какъ бы личномъ. Главнымъ средствомъ къ достиженію этого послужила, въ концѣ удѣльнаго періода, постепенная замѣна выдававшейся дружинникамъ въ вознагражденіе платы—пожалованіемъ имъ собственности поземельной, которую князья считали себя вправѣ раздавать, — безразлично, были ли то земли пустыя или уже вошедшія въ составъ округа той или другой общины [1]. Вся разница могла заключать-

---

[1] Болѣе подробное изложеніе этого предмета см. у г. Сергѣевича, „*Вѣче и Князь*“, стр. 410—411. — Слѣды замѣны земельнымъ жалованьемъ денежнаго можно видѣть въ Литовскій періодъ въ тѣхъ пожалованьяхъ, когда имѣніе записывалось въ извѣстной суммѣ, съ правомъ окупа ее княземъ. Акты Зап. Рос. I, №№ 22, 32, — Ак. Южн. и Зап. Рос., I, № 17, 20,

ся лишь въ томъ, что при пожалованіи земли общинной подразумѣвалось первоначально отчужденіе въ частную собственность не самой земли, а тѣхъ правъ на нее князя, которыя выражались въ обязанности населенія уплачивать князю часть произведеній своей земли, въ формѣ различнаго рода даней или своего личнаго труда, т. е. натуральныхъ повинностей [1]). Такія именно раздачи и послужили источникомъ *русскаго* феодализма, выразившагося въ Московскомъ государствѣ въ помѣстной системѣ, въ Литвѣ,—еще съ большей послѣдовательностью и опредѣленностью, но уже съ замѣтною узурпаціей правъ низшихъ сословій,—узаконеннаго было первымъ Статутомъ, но впослѣдствіи, подъ преобладающимъ вліяніемъ Польши, замѣненнаго полною частною собственностью, какъ ее понимаетъ римское право.

Еще однимъ весьма важнымъ доказательствомъ аналогіи и общаго происхожденія феодальной собственности въ Литвѣ съ помѣстной системою Руси Восточной служитъ Русь Галицкая, перешедшая непосредственно во владѣніе Поляковъ, заставшихъ и здѣсь тѣ же отношенія, но конечно, возникшія помимо всякаго Литовскаго вліянія, и довольно быстро уступившія мѣсто порядку Польскому [2]).

---

[1]) Слѣды именно такого воззрѣнія на *объемъ* пожалованій въ Литовскій уже періодъ заключаются въ тѣхъ грамотахъ на отдачу людей съ *ихъ* землями, многія изъ которыхъ цитируются г. Антоновичемъ въ его Изслѣдованіи о крестьянахъ, стр. 16.

[2]) См. объ этомъ у Шараневича: Rys wewnętrznych stosunków Galicyi wschodniey w drugiej połowie XV wieku, Львовъ, стр. 56—68, гдѣ приведены указанія на слѣды феодализма въ Галиціи въ XIV и въ XV вѣкѣ, хотя въ коренной Польшѣ тогда господствовала уже собственность частная.—Ср. жалованную грамоту на имѣніе въ *Перемышльскомъ* повѣтѣ *съ обязанностью службы*, 1408 года. Акт. Юж. и Зап. Рос., I, № 10.—Такое же пожалованіе въ *Снятинской волости*. Тамже, № 15.

Русскій феодализмъ получилъ наибольшее развитіе въ государствѣ Литовскомъ, такъ какъ эта форма общественныхъ отношеній имѣла здѣсь, сравнительно съ другими частями Руси, еще одно существенное основаніе—именно право завоеванія, а отчасти, быть можетъ, въ томъ же направленіи дѣйствовало и соприкосновеніе съ Нѣмцами. Во всякомъ случаѣ, здѣсь феодализмъ развился въ цѣльную законченную систему, проникавшую всѣ общественныя отношенія, начиная съ землевладѣнія, которое здѣсь не имѣло почти вовсе вотчинной формы, столь затрудняющей его пониманіе въ Восточной Руси. Въ Литвѣ всѣ почти княжескія пожалованія условны, несутъ на себѣ не только служебную, но и податныя повинности, а княжеское право на всѣ земли de jure сохраняется даже до второй половины XVI вѣка, когда, въ виду подготовлявшейся уніи съ Польшею, отрекся отъ него Жигомонтъ—Августъ [1]).—Пожалованія на Литовско-Русскомъ правѣ имѣли все значеніе двухсторонихъ обязательствъ и иногда даже принимали вполнѣ ихъ форму, сопровождаясь записью на вѣрность службы [2]); въ этомъ ихъ значеніи кроется и источникъ происхожденія многочисленныхъ подтвердительныхъ грамотъ на имѣнія, выдававшихся тѣмъ

---

[1]) Существуютъ однако указанія, что нѣкоторыя земли составляли частную собственность; по всей вѣроятности, онѣ были таковыми еще въ эпоху до Литовскаго завоеванія и названы въ грамотахъ землями боярскими, въ смыслѣ обѣльныхъ, въ отличіе отъ земель тяглыхъ, т. е. несущихъ государственныя повинности. См. грамоты Казиміра о пожалованіи Ходкевичу четырехъ человѣкъ, и другую, Богдану Вояковичу, на село Привередовъ: «и перво сего за бояры бывали тыи люди»; «тое имѣнье *изъ вѣка боярьское, а не тяглое*». Акты Зап. Рос. 1, стр. 58, 72. Въ этихъ и нѣсколькихъ другихъ грамотахъ пожалованія не обусловлены служебною повинностью.

[2]) Акт. Зап. Рос. I, стр. 67.

же лицамъ новыми государями, или отъ того же государя наслѣдникамъ прежняго владѣльца. Отсюда же вытекли и постановленія Статута о неотчуждаемости земскихъ имѣній безъ разрѣшенія государя, ни путемъ продажи, ни черезъ завѣщаніе [1]).

Точно въ такомъ же отношеніи, какъ большіе поземельные собственники (отчасти еще удѣльные князья) стояли къ государямъ,—такъ же и къ нимъ относились жившіе въ ихъ имѣніяхъ второстепенные князья и бояре. Лица, получившія отъ великаго князя обширныя волости, въ свою очередь раздавали части ихъ отъ себя уже, и такимъ образомъ имѣли этихъ болѣе мелкихъ владѣльцевъ подъ своею рукою на такихъ же феодальныхъ началахъ. Такъ напримѣръ, внукъ Ольгерда, князь Андрей Владиміровичъ, завѣщавая въ 1446 году свои имѣнія (свою отчину и свою выслугу) женѣ и дѣтямъ, говоритъ между прочимъ: «а что есмь подалъ имѣнія боярамъ своимъ, хто всхочетъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ служити, и они служатъ съ тѣхъ имѣній женѣ моей и дѣтемъ моимъ; а хто не всхочетъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ служити, и азъ тые имѣнія далъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ» [2]). Въ 1483 году вдова Слуцкаго князя Михаила Александровича, княгиня Анна, жаловалась королю Казимиру, что нѣкоторые изъ «еѣ» князей и бояръ не хотятъ служить ей со своихъ имѣній, поэтому Казиміръ подтвердилъ «тымъ княземъ, и боярамъ, и слугамъ, изъ ихъ имѣній ей служити и послушными быти, какъ князю Михайлу служили и послушны были» [3]). Первый изъ только что приведенныхъ документовъ показываетъ, что обя-

---

[1]) Первой редакціи раздѣлъ I, артикулъ 15 и 17; второй ред. III, 2 и 36, VII, 3 и 5.

[2]) Акты Зап. Рос., I, стр. 59.

[3]) Тамъ же стр. 104.

занность службы прямо зависѣла отъ пользованія землею, т. е. отъ желанія лица, получившаго имѣніе, удерживать его за собою; кто изъ бояръ захочетъ, говоритъ завѣщатель, тѣ и будутъ служить; имѣнія будутъ отняты только у тѣхъ, кто откажется отъ службы; но онъ вовсе не предоставляетъ своимъ наслѣдникамъ права отнимать земли по своему произволу, пока условія пожалованія выполнялись другою стороною исправно. Иногда, въ случаѣ пожалованія великимъ княземъ кому либо земель, на которыхъ уже жили бояре, такая условная неприкосновенность владѣній послѣднихъ прямо охранялась властью государя. Такъ напримѣръ, это всего яснѣе выражено въ жалованной грамотѣ в. кн. Александра князю Михаилу Жеславскому на Мстиславль и Мглинъ, 1499 года; опредѣляя обязанность тамошнихъ бояръ служить со своихъ имѣній новому »вотчинному« владѣльцу [1]), грамота добавляетъ однако: »а онъ ихъ безъ вины не маетъ рушати;...... а которыи бы бояре зъ нихъ не хотѣли ему служити, ино имъ ѣхати прочъ вольно со всими своими статки, куды хотять, а имѣнья оставивъ« [2]). Изъ этихъ данныхъ мы видимъ, что отношенія бояръ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ, къ своимъ князьямъ были вполнѣ аналогичны съ отношеніями послѣднихъ къ великому князю. Они также пользовались и правомъ отчужденія недвижимой собственности, съ разрѣшенія своего князя, какъ это мы видимъ

---

[1]) Хотя въ грамотѣ пожалованіе названо »вотчиною«, но изъ того самого, что она только подтверждаетъ Михаилу Жеславскому право на имѣнія, находившіяся въ »держаньи« его предковъ, скорѣе можно признать это пожалованіемъ леннымъ.

[2]) Акты Зап. Рос., I, № 172. Заслуживаютъ вниманія слова этой грамоты:.. „дали есмо ему (такія то имѣнія) со всими людми и зъ ихъ землями..., и *со всими бояры и зъ ихъ имѣньи*", т. е. и относительно бояръ употреблена та же формула, какая обычно употреблялась говоря о крестьянахъ, чѣмъ и подтверждается высказанное выше замѣчаніе о ея значеніи.

изъ разрѣшенія, даннаго Слуцкимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ своему боярину Царю на покупку и отчужденіе въ пользу церкви »дворца«, т. е. мызы [1]).

Относительно городскихъ жителей мы не знаемъ порядка и ограниченій, какимъ они должны были подвергаться при отчужденіи имѣній; собственно въ городахъ мѣщане могли свободно распоряжаться своей недвижимостью и пользовались правомъ перехода [2]); но въ достатутовый періодъ они владѣли также и землями внѣгородскими, селами, имѣніями земскими или боярскими, а потому, по всей вѣроятности, пользовались въ отношеніи землевладѣнія одинаковыми правами какъ и бояре. Ограниченія правъ мѣщанъ на пріобрѣтеніе земель появились только въ концѣ XV вѣка; до тѣхъ же поръ такое владѣніе даже подтверждалось великими князьями. Такъ уставная грамота Полоцку (1499 года), хотя уже и пользовавшемуся магдебургскимъ правомъ, опредѣляетъ однако порядокъ судопроизводства »о земляномъ правѣ« между мѣщанами и боярами или путниками, подчиняя такія дѣла не войтовскому суду, но »намѣстнику съ старшими бояры«, т. е. по боярской подсудности; въ той же грамотѣ упоминается о селахъ и земляхъ, купленныхъ боярами у мѣщанъ и обратно [3]). То же мы находимъ и въ другой Полоцкой грамотѣ, съ тѣмъ важнымъ поясненіемъ, что мѣщане владѣли и заселенными имѣніями: »маютъ имѣнья свои и люди и земли сполна держати по давному«[4]). Кромѣ по-

---

[1]) Акт. Зап. Рос. I, № 56.—Ср. постановленія перваго статута объ имѣніяхъ, выслуженныхъ на князьяхъ или на панахъ; разд. III, арт. 15.

[2]) Акт. Зап. Рос. I, стр. 145, 351; II, стр. 90.

[3]) Тамъ же I, стр. 199.

[4]) Акт. Зап. Рос. I, стр. 215.

купки, мѣщане пользовались тѣмъ же самымъ средствомъ пріобрѣтенія, что и бояре: у нихъ тоже были свои *выслуги* [1]).

Но уже въ 1502 году, на просьбу городенскихъ мѣщанъ о подтвержденіи ихъ поземельныхъ правъ, король Александръ, подтверждая эти права, вмѣстѣ съ тѣмъ воспретилъ имъ на будущее время покупку земель безъ особаго разрѣшенія [2]). Это одна изъ первыхъ извѣстныхъ намъ попытокъ выдѣленія городского сословія изъ пользованія тѣми правами, какія были ему предоставлены въ 1457 году королемъ Казиміромъ наравнѣ съ шляхтичами-боярами [3]). Но мѣщанское землевладѣніе повидимому было настолько еще сильно и распространено въ XVI вѣкѣ, что даже Статутъ 1566 года упоминаетъ о немъ, обязывая военною службою мѣщанъ, владѣющихъ земскими имѣніями [4]). Конечно, при окончательномъ объединеніи Литовско-

[1]) Акт. Зап. Рос. I, стр. 353 (Daniłowicz. Skarbiec diplomatów, II, стр. 230).

[2]) Тамъ же. I, стр. 346. Дозволено, впрочемъ, мѣщанамъ принимать земли княжескихъ людей въ заставу, «не на вѣчность куповати».

[3]) Działyński. Zbiór praw Litewskich, I, стр. 23. Необходимо однако имѣть въ виду, что «мѣщане» въ эту эпоху включали въ себѣ не всѣхъ городскихъ жителей; это, повидимому, были только »лучшіе« изъ горожанъ, остальные составляли городское »поспольство«.

[4]) Разд. II, арт. 1:.... »Кождый князь и панъ духовный, и тежъ дворянинъ, бояринъ, кождые иные станы, и татарове наши, такъ *мѣщане* мѣстъ нашихъ, маючи *земское имѣнье*, винни будутъ войну служити.... то есть *зъ имѣней и людей*, яко отчызныхъ и похожыхъ, выслужоныхъ и купленыхъ». Эту обязанность службы *по владѣнію* не слѣдуетъ, конечно, смѣшивать съ такой же повинностью, лежавшей на всѣхъ вообще мѣщанахъ въ качествѣ городскаго сословія. О послѣдней см. Антоновичъ, Изслѣдованіе о городахъ, въ Архивѣ югозападной Россіи, ч. V, т. I.

русскихъ сословій съ польскими, это явленіе исчезло незамѣтно, путемъ включенія мѣщанъ-землевладѣльцевъ въ разрядъ шляхты, на основаніи самаго факта землевладѣнія.

Спускаясь еще ниже въ сословной іерархіи, къ сельскому земледѣльческому населенію, мы не только не находимъ какихъ либо особыхъ ограниченій относительно поземельныхъ правъ этого населенія, но скорѣе имѣемъ основаніе заключать, что права эти ничѣмъ не отличались отъ такихъ же правъ высшихъ сословій [1]. Сельскіе жители, въ разсматриваемую эпоху чаще всего именуемые «людьми», независимо отъ множества частныхъ разнообразныхъ названій, основанныхъ на ихъ спеціальныхъ повинностяхъ, на экономическихъ отношеніяхъ къ землевладѣльцу, и т. п., распадались на двѣ главныя группы, крестьянъ на княжескихъ земляхъ и на владѣльческихъ. Относительно послѣднихъ источники, къ сожалѣнію, скуднѣе всего; и объ условіяхъ ихъ быта мы можемъ заключить преимущественно лишь по той тождественности, какая замѣчается въ устройствѣ княжескихъ и частныхъ имѣній нѣсколько позже, а также изъ самаго отсутствія какихъ либо особыхъ установленій для частныхъ владѣній: князья жаловали ихъ съ тѣми самыми правами и на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, на какихъ сами владѣли ими, шляхетское же сословіе тогда еще не организовалось и не сплотилось настолько, чтобы взять на себя починъ въ измѣненіи общественно-экономическихъ отношеній, какъ оно это сдѣлало въ половинѣ XVI вѣка. Съ другой стороны, мы имѣемъ прямыя указанія, что—помимо землевладѣнія—въ отношеніи другихъ гражданскихъ правъ не дѣлалось вообще никакого различія между крестьянами на земляхъ господарскихъ и боярскими.

---

[1] Здѣсь разумѣется, конечно, только свободное сельское населеніе, о челяди же невольной и о закладпяхъ будетъ упомянуто ниже.

Поселенцы на княжескихъ земляхъ, «люди господарскіе», «волостные» или «тяглые», иногда не раздѣляемые отъ княжескихъ «слугъ», какъ напримѣръ путники [1]), владѣли поземельной собственностью тоже съ обязанностью службы, но только самая служба ихъ отбывалась въ иной формѣ. Такъ путная служба соотвѣтствовала ямской повинности въ восточной Россіи и состояла въ обязанности поставлять для княжескихъ пословъ и гонцовъ лошадей, а ѣздили съ послами городскіе дворяне [2]); люди *пригонные,* иногда отождествляемые съ сельскими путниками [3]), обязаны были издѣльной повинностью на потребу князя [4]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ они пользовались и правомъ отчужденія своихъ земель, съ тѣмъ только, чтобы новый владѣлецъ отбывалъ ту же, пріуроченную къ извѣстному земельному участку, повинность путную или пригонную [5]). Равно они могли покупать и земли у бояръ и мѣщанъ [6]). Отчужденіе земель путниками постороннимъ лицамъ происходило на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и у бояръ, т. е. съ разрѣшенія князя или его намѣстника [7]), и при соблюденіи этого условія признавалось верховною властью вполнѣ законнымъ. Такъ напримѣръ, даже еще въ 1499 году, когда нѣсколько путниковъ Полоцкаго повѣта, села Митковичъ, жаловались на сына

---

[1]) Они называются также путными *людьми,* сельскими путниками и путными *слугами,* а позже является и названіе путные *бояре.*

[2]) Акт. Зап. Рос., I, стр. 199; III, стр. 93.—Памятники, т. II, отд. II, стр. 227.

[3]) Тоже, стр. 214.

[4]) Пригонные люди съ тѣми же повинностями упоминаются и участныхъ лицъ. Тамже, I, стр. 357.

[5]) Тамже, I, стр. 215, 346.

[6]) Акт. зап. Рос., I, стр. 199.

[7]) Примѣръ такого разрѣшенія у Даниловича, Skarbiec diplomatów, I, стр. 296.

Полоцкаго епископа Луки о томъ, что онъ незаконно владѣетъ ихъ «отчиною и дѣдиною», то епископскій сынъ заявилъ, что земля куплена имъ у нихъ «обѣль вѣчно, зъ дозволеньемъ намѣстника Полоцкаго пана Юрья Пацовича», и король Александръ на этомъ основаніи оставилъ землю за нимъ [1]).

Что крестьяне, поселенные на земляхъ частныхъ лицъ, имѣли такое же право отчужденія земли, по разрѣшенію владѣльца и съ передачею повинностей, мы видимъ изъ выданной владѣльцемъ грамоты, 1421 г., которою онъ утверждаетъ продажу дворища однимъ крестьяниномъ другому, «на вѣкы вѣчнѣ, ему и потомкомъ», добавляя при этомъ, что покупатель «имаеть изъ того дворища платити чиншъ и роботы поступати»[2]). Есть даже указаніе, что люди, поселенные на земляхъ мѣщанъ магдебургскаго права, могли вести тяжбы о земляхъ между собою подобно мѣщанамъ, но подсудность уже измѣнена, сравнительно съ болѣе раннею грамотой, изъ общей земской въ войтовскую [3]). Но и послѣдеее постановленіе указываетъ между прочимъ на признаніе за мѣщанскими людьми одинаковыхъ гражданскихъ правъ съ мѣщанами, такъ какъ и тѣ и другіе подчинены одному и тому же присуду [4]). Однимъ изъ признаковъ самосто-

---

[1]) Акт. зап. Рос., I, № 173, стр. 197.

[2]) Тамже, I, № 29, стр. 41.

[3]) «Которому мѣщанину будетъ которое дѣло до мѣщанина, або *мѣщанскому чоловѣку* до мѣщанскаго чоловѣка о *земленомъ* дѣлѣ». Акт. зап. Рос., I, стр. 215.—Ср. тамже, стр. 199: здѣсь упомянуты также живущіе въ городѣ боярскіе люди на отчизныхъ и на *купленныхъ* земляхъ.

[4]) Ср. тамже стр. 180, гдѣ магдебургское право распространено на всѣхъ живущихъ «въ селѣхъ мѣщанскихъ», причемъ боярскіе люди, живущіе въ городѣ, категорически изъяты отъ зависимости своимъ владѣльцамъ (стр. 181).

ятельности въ поземельномъ отношеніи можетъ служить также право имѣть экономически зависимыхъ *отъ себя* людей, и мы видимъ, что и крестьяне, сидящіе на жеребьевомъ участкѣ земли, имѣли право держать у себя закладней [1]).

Изъ вышеизложенныхъ данныхъ можно съ достовѣрностью заключить, что въ достатутовый періодъ землевладѣніе, будучи одинаково условнымъ для всѣхъ частныхъ лицъ безъ исключенія, не составляло вмѣстѣ съ тѣмъ ничьей привилегіи [2]); что всѣ свободныя сословія, а слѣдовательно и самое многочисленное изъ нихъ, крестьяне, пользовались въ этомъ отношеніи одинаковыми правами; что всѣ земли, на основаніи признанія суверенной власти на нихъ великаго князя, были обложены въ пользу его повинностями, разнообразіе формъ которыхъ повело къ рѣзкому опредѣленію сословныхъ границъ лишь впослѣдствіи, а въ разсматриваемую эпоху служило только ближайшею причиною передачи князьями своихъ правъ на повинности отдѣльнымъ лицамъ, въ видахъ, такъ сказать, концентраціи этихъ повинностей и приведенія ихъ въ такую именно форму, какая наиболѣе соотвѣтствовала удовлетворенію потребностей государства въ данный моментъ [3]).

---

[1]) Годъ 1479: «на которомъ жеребьи одинъ чоловѣкъ сидитъ, а держитъ за собою закладни». Акты Зап. Рос., I, стр. 88.

[2]) Г. Леонтовичъ («Крестьяне югозападной Россіи», стр. 35) считая его шляхетскою привилегіею по литовскимъ законамъ, ошибочно распространяетъ положенія Статута, притомъ же въ отношеніи мѣщанъ непослѣдовательныя, и на болѣе раннее время, что у него замѣчается и въ другихъ случаяхъ. Замѣтимъ къ слову, что княжескими имѣніями могли владѣть даже и евреи. См. напр. Акт. Зап. Рос., I, № 151.—Ср. Статутъ 1566 г., разд. XII, арт. 5.

[3]) Для лучшаго доказательства, что формула пожалованія *людей съ ихъ землями* имѣетъ только такое значеніе, кромѣ приведенныхъ выше соображеній, укажемъ еще, что даже при порученіи из-

Чтобы судить, до какой степени подобный строй поземельно-сословныхъ отношеній въ *Литовскомъ* государствѣ былъ аналогиченъ съ бытомъ Руси восточной, — что и доказываетъ общность происхожденія этихъ отношеній, — достаточно будетъ привести слова великорусскаго изслѣдователя того же предмета и за тотъ же періодъ, такъ какъ сдѣланная имъ характеристика, за самымъ ничтожнымъ измѣненіемъ въ терминахъ, могла бы быть вполнѣ приложена и къ Руси Литовской. Вотъ что говоритъ г. Чичеринъ: «Сверху былъ князь — верховный землевладѣлецъ, затѣмъ бояринъ имѣвшій право суда и дани, затѣмъ монастырь, распоряжавшійся землею какъ собственностью, затѣмъ сынъ боярскій, владѣвшій ею временно подъ условіемъ службы, наконецъ крестьянинъ, платившій съ нея оброкъ. *На одной и той же землѣ лежало право цѣлой іерархіи лицъ, и всѣ держали ее одинъ надъ другимъ*» [1]).

Такимъ образомъ поземельная собственность, какъ мы старались доказать, не можетъ служить точнымъ признакомъ сословныхъ правъ въ Литовскорусскомъ государствѣ XIV—XV вѣка, а слѣдовательно ею не опредѣляются и права сословія крестьянскаго. Намъ остается разсмотрѣть, на сколько они могутъ быть опредѣлены другими существенными признаками, то есть родомъ повинностей и подсудностью.

Что касается подсудности, то она въ XIV—XV вѣкѣ является крайне неопредѣленною, такъ какъ нерѣдко жители различныхъ мѣстностей, находящіеся совершенно въ одинаковомъ по-

---

вѣстному лицу временно управленія какимъ нибудь округомъ княжескихъ земель, происходило *увязанье*, т. е. вводъ этого лица во владѣніе всѣми мѣстными жителями, въ томъ числѣ и боярами. См. Акты Южн. и Зап. Рос., I, № 39.

[1]) Чичеринъ. Опыты по исторіи русскаго права, стр. 84.

ложеніи во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, различаются по подсудности. Послѣдняя въ ту эпоху понималась вовсе не какъ функція государства, а преимущественно какъ регалія въ финансовомъ смыслѣ, которая, по этому самому, могла подлежать пожалованію и другого рода отчужденію; чаще всего она отчуждалась какъ одна изъ принадлежностей права землевладѣнія или, точнѣе говоря, какъ часть общаго права на доходы съ земледѣльческаго населенія. Необходимо впрочемъ замѣтить, что такое совпаденіе подсудности съ поземельнымъ владѣніемъ можетъ быть точно доказано только относительно земель высшихъ сословій, получившихъ ихъ непосредственно отъ великаго князя, и частію у монастырей. Что касается населенныхъ земель, принадлежавшихъ городскимъ общинамъ или отдѣльнымъ членамъ этихъ общинъ, то жители таковыхъ, подчинявшіеся прежде общему присуду, стали судиться на основаніи землевладѣльческаго отношенія только съ пожалованіемъ городамъ нѣмецкаго права, которому подлежали и жители мѣщанскихъ селъ, подчиняясь суду войтовскаго уряда, но не суду отдѣльныхъ землевладѣльцевъ [1]). Измѣненія въ правѣ подсудности начались вообще гораздо раньше, чѣмъ въ правахъ землевладѣнія, а потому уже въ XIV и XV вѣкахъ начинаютъ встрѣчаться здѣсь отклоненія отъ общаго всему населенію суда, основанныя на сословныхъ различіяхъ; отклоненія эти, вызванныя соединеніемъ съ католическою Польшею, относятся первоначально къ однимъ католическимъ членамъ сословія, въ видѣ привиллегіи, и составляютъ, въ сущности, начало тѣхъ измѣненій общественнаго быта, которыя постепенно привели къ объединенію Ли-

---

[1]) Замѣчательно, что въ Полоцкой землѣ, по грамотѣ 1511 (sic) года, мѣщане пользовались *личнымъ* правомъ суда своими *сябрами*, наравнѣ съ боярами, судившими своихъ людей. Акты Зап. Рос., II, стр. 87.

товскихъ сословій съ Польскими. Такъ уже Владиславъ Ягелло, во второмъ земскомъ привилеѣ 1387 года, освобождаетъ отъ общаго суда и «дѣтскихъ» имѣнія, пожалованныя въ Литвѣ католическому духовенству, а въ Городельской привилегіи 1413 г. права церковныхъ католическихъ имѣній вообще уравниваются съ польскими, равно какъ и права Литовскихъ пановъ и благородныхъ бояръ, исповѣдующихъ католицизмъ и получившихъ шляхетскіе гербы. Одновременно съ тѣмъ начинается и разложеніе общей подсудности городовъ: Вильно получаетъ магдебургское право въ 1387 г., а въ 1432 г. оно дается и Луцку; окончательно жители Вильна освобождены отъ подчиненія воеводскому суду тоже въ 1432 году, причемъ суду войтовскому предоставлено и право смертной казни. Въ теченіе XV вѣка обособленіе городской юрисдикціи распространилось уже на всѣ главнѣйшіе города западной Руси, причемъ прежніе отдѣльные разряды городскихъ жителей—бояре, мѣщане, городскіе дворяне и посполъство, за исключеніемъ перваго изъ нихъ, объединены въ одно мѣщанское сословіе и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко отдѣлены отъ жителей повѣтовъ и волостей въ отношеніи порядка управленія и суда. Ходъ этого обособленія горожанъ и возникшей впослѣдствіи борьбы между старостинскою властью и городскимъ самоуправленіемъ подробно изложенъ въ изслѣдованіяхъ г г. Антоновича и Владимірскаго-Буданова [1]), изъ которыхъ видно, что пожалованіе городамъ магдебургскаго права вызывалось необходимостью охранить по возможности города отъ печальныхъ послѣдствій начавшагося уже разложенія ихъ общиннаго быта, вслѣдствіе выдѣленія бояръ и мѣстичей, путемъ пріобрѣтенія земскихъ имѣній, въ высшее служилое сословіе; это послѣднее явленіе сопровождалось и неразрывно съ нимъ связаннымъ ограниченіемъ само-

---

[1]) Изслѣдованіе о городахъ въ «Архивѣ югозап. Рос.», ч. V, т. I.—Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ. Кіевъ. 1869.

суда сельскихъ жителей, по скольку занимаемыя ими земли перешли во владѣніе бояръ. Въ этомъ отношеніи особенно важное значеніе имѣетъ жалованная грамота короля Казиміра 1457 г., всему Литовскорусскому дворянству, которою жители шляхетскихъ имѣній изъемлются отъ присуда княжескихъ урядниковъ [1], —первая общая мѣра, которою вызывалось выдѣленіе крестьянскаго сословія въ одну, а шляхетскаго въ другую сторону. На переходной въ этомъ отношеніи характеръ эпохи указываетъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что изъятіе отъ подсудности княжескихъ судамъ и отъ требованія къ суду черезъ дѣтскихъ здѣсь еще не безусловно, а грамотою только опредѣляется, что ему должно предшествовать требованіе отъ владѣльца удовлетворенія путемъ представленія виновнаго въ судъ; такимъ образомъ, привилегію землевладѣльца составляло пока только перенесеніе на его лицо правительственной судебной функціи дѣцкаго [2]), представлявшее финансовую выгоду, каковою была также и передача владѣльцу права на полученіе присужденнаго взысканія; но самая юрисдикція, опредѣленіе вины, оставлена пока за судомъ. Десять лѣтъ спустя, въ судебникѣ 1468 года, судъ опредѣлялся уже по принадлежности виновнаго къ числу людей господарскихъ или же боярскихъ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ владѣльцу предоставлялось не одно представленіе виновнаго на судъ, но и постановленіе приговора [3]). Въ видѣ отдѣльныхъ изъятій, право суда, въ боль-

[1]) Акт. зап. Рос., I, № 61, стр. 76; Działyński, Zb. pr. Lit., I, 28—35.

[2]) Въ землѣ Кіевской порядокъ этотъ сохранился даже еще и въ XVI вѣкѣ. См. уставную грамоту Жигимонта I, 1507 года. Акт. Зап. Рос. II, стр. 34.

[3]) «А коли бы нашъ человѣкъ вину далъ князьскому или паньскому или боярьскому человѣку, ино нашему намѣстнику а любо тивуну *обослати*, ижь бы нашому человѣку стало ся право; а пакъ ли *усхочетъ* на *обчій* судъ, ино ихъ на обчій судъ пустить и рокъ дати.—А будуть ли на нашомъ человѣцѣ князьскыи или паньскыи

шемъ или меньшемъ объемѣ, жаловалось землевладѣцамъ и передавалось ими еще въ болѣе раннее время; первый примѣръ этого предшествуетъ упомянутой грамотѣ Ягелла и относится еще къ 1375 году, когда князь Александръ Коріатовичъ, жалуя землю Смотричскимъ *доминиканамъ* и дозволяя заселять ее людьми, говоритъ: «тые люди дали есмо имъ со всѣмъ правомъ»; въ позднѣйшее время право суда упоминается и у духовенства православнаго, причемъ судятъ иногда совмѣстно съ сельскими «старцами» [1]), и у лицъ свѣтскихъ. Но окончательное установленіе владѣльческаго присуда, не въ качествѣ льготной привиллегіи только, а какъ неотъемлемой принадлежности землевладѣнія, относится къ самымъ послѣднимъ годамъ XV и къ началу XVI вѣка. Такъ въ 1495 г. по жалобѣ Путивльскаго намѣстника князя Богдана Федоровича Глинскаго на намѣстника Черкасскаго, Кмиту Александровича, о привлеченіи имъ къ своему присуду живущихъ въ Черкасахъ слугъ и людей Глинскаго, король Александръ напоминаетъ Кмитѣ: «ино вѣдь мы на то вамъ право нашо дали, всей земли Кіевской [2]),

---

или боярскыи люди чого искати: ино тому судъ и право передъ нашими намѣстьники и тивуны, а нашимъ урядникомъ дати право на обѣ сторонѣ.—А которому человѣку князьскому или паньскому или боярьскому до князьскыхъ и до паньскыхъ или до боярьскыхъ людей дѣло: ино хто ищетъ на комъ, ѣхати ему *искати правомъ предъ осподаремъ его; а не удѣлаетъ ли права*, ино *обчій судъ*, рокъ положивъ со обу сторонъ; пакъ ли будеть нѣкоторый *отводити*, ино намъ *дати дѣцкого*». Акт. Зап. Рос., I, № 67; другіе списки: также и Danilowicz, Statut Kazimierza Jagiellończyka, Wilno, 1826, перепечатанъ у Дзялынскаго, Zbiór praw Lit., I, 36—55.

[1]) Акт. зап. Рос., I, стр. 198.

[2]) Упоминаемая здѣсь грамота Александра Кіевской землѣ, очевидно уставная, до насъ не дошла, и это о ней единственное извѣстіе. Г. Чарнецкій (Исторія Лит. статута и проч., стр. 87), исчисляя изданные Александромъ областные привилеи, пропустилъ упомянутый здѣсь Кіевскій, одновременный, вѣроятно, съ наданьемъ городу Кіеву магдебургскаго права въ 1494—1497 году.

што врядникъ нашъ не маетъ слугъ и людей князьскихъ и паньскихъ и боярьскихъ ни судити, ни радити, а ни винъ и ни пересудовъ на нихъ брати; нижьли, коли зъ нашимъ чоловѣкомъ пригодиться князьскому або паньскому чоловѣку, а любо боярьскому право мѣть, ино тогды *врянику нашому судити* его чоловѣка *зъ его судьею:* а коли будетъ нашъ чоловѣкъ виненъ, ино съ него намъ вина: а коли князьскій або паньскій чоловѣкъ а любо боярьскій чоловѣкъ будетъ виненъ, ино вина тому чій чоловѣкъ» [1]). Такимъ образомъ здѣсь нормальнымъ судомъ по дѣламъ между людьми государскими и владѣльческими считается судъ смѣшанный; но нѣсколько позже, въ 1501 году, право суда, по уставной грамотѣ Волынской землѣ, предоставлено владѣльцамъ исключительно: «Били намъ чоломъ и жаловали (вся шляхта Волынское земли), ижъ староста и намѣстники наши вины и заруки ихъ берутъ и на ихъ людей, и людей ихъ судять и радять; ино мы имъ и тое отпустили, старостѣ и намѣстникомъ нашимъ винъ и зарукъ на нихъ самыхъ и на ихъ людяхъ не брати, а людей ихъ не судити и не радити, *судити имъ самымъ люди свои* и вины брати кождому зъ своего чоловѣка». За великокняжескимъ урядомъ остается только право суда по важнѣйшимъ уголовнымъ преступленіямъ: «а далей старостѣ на замку нашомъ судити князскихъ и паньскихъ и земянскихъ людей што ся дотычетъ розбою приличного (т. е. при *лицѣ,* поличномъ), кгвалтъ и всилство панское и паней, шляхецкая рана, пожога»; но вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнено взиманіе *головщины* съ владѣльца, въ случаѣ совершеннаго его крестьяниномъ убійства [2]). Волынская уставная грамота, устраняя отъ княжескаго

[1]) Акты Зап. Рос., I, № 130, стр. 152. Подсудность крестьянъ исключительно своимъ землевладѣльцамъ подтверждена вновь уставной грамотою Кіевской землѣ 1529 года. Тамъ же II, стр. 211.

[2]) Акты Южной и Зап. Рос., I, № 36, стр. 27.

суда владѣльческихъ крестьянъ и подчиняя ихъ самимъ владѣльцамъ, изъемлетъ въ то же время и послѣднихъ отъ подсудности старостѣ, требуя, для законности его рѣшенія, участія въ судѣ шляхтичей: «а князя и пана и земянина старостѣ и намѣстнику нашому одному ихъ не судити, маеть при собѣ посадити князей и пановъ и земянъ, тоже маеть его зъ ними судити» [1]).

Такъ постепенно, вмѣстѣ съ фактическимъ землевладѣніемъ, ускользала въ XV—XVI вѣкѣ изъ рукъ верховной власти и юрисдикція, переходя къ тому же сословію, которому досталась и большая часть княжескихъ земель [2]). Переходъ судебной власти успѣлъ совершиться даже быстрѣе, чѣмъ превращеніе землевладѣнія въ сословную привиллегію; подсудность, бывшая прежде общею для всего населенія, еще въ достатутовый періодъ обособилась въ четырехъ различныхъ формахъ: 1) земяне стали подчинены лишь непосредственному суду государя, а предъ назначенными отъ него чиновниками судилить только съ участіемъ лицъ своего сословія, вскорѣ замѣненныхъ выборными изъ среды себя судьями; 2) выдѣленныя изъ земской жизни,

[1]) Тамъ же, стр. 28.—Ср. Уставную грамоту землѣ Кіевской 1507 года. Акт. Зап. Рос. II. стр. 36.

[2]) Оба явленія тѣсно связаны между собою, такъ какъ юрисдикція первоначально имѣла важность преимущественно своею финансовою стороной и въ этомъ смыслѣ могла быть понимаема какъ естественный атрибутъ землевладѣнія. До какой степени подсудность находилась въ зависимости отъ экономическихъ отношеній, видно напримѣръ изъ того, что закладни подлежали суду тѣхъ лицъ, кому они были должны. »А хто коли человѣка держить въ пѣнязехъ, тые бы сами тыхъ своихъ людей судили и рядили, а околничіе бы и иншіе врядники Смоленскіе въ тое ся не вступовали«. Уставная грамота Смоленской землѣ 1505 года. Акты Зап. Рос., I, № 213, стр. 362.

замкнутыя въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ и разобщенныя между собою городскія общины судились по создавшемуся въ совершенно иныхъ условіяхъ кодексу, занесенному извнѣ, не имѣвшему исторической почвы, а потому и не могшему принести городамъ никакой существенной пользы; 3) прежній общій судъ, княжескій, отправляемый назначенными государственною властью урядниками, сохранялся еще въ предѣлахъ неотчужденныхъ государственныхъ земель, съ подчиненіемъ ему крестьянъ и тѣхъ пограничныхъ, междусословныхъ разрядовъ населенія, которые, какъ путные слуги и мелкіе бояре, выдѣлялись надъ общей массой, но не могли примкнуть ни къ горожанамъ, ни къ усиливавшемуся земскому сословію; наконецъ 4) крестьяне, живущіе на земляхъ частныхъ лицъ, приблизились постепенно къ потерѣ всякой гарантіи со стороны закона, все болѣе и болѣе подчиняясь—хотя еще и не формулированному—произволу землевладѣльцевъ.

Существовала несомнѣнно и еще одна судебная форма, самая древняя, но не опредѣлившаяся пока письменнымъ закономъ и даже почти не нашедшая себѣ мѣста въ извѣстныхъ намъ памятникахъ XIV—XV вѣка [1]),—именно судебная власть

[1]) Замѣчательно, что копные суды, о которыхъ Статутъ говоритъ, что они »на Руси и инде здавна бывали« (третьей редакціи, XIV, 9), пока не могутъ быть прослѣжены вглубь достатутовой эпохи; едва ли не единственный слѣдъ ихъ въ XV вѣкѣ сохранился въ судной грамотѣ 1499 года по спору Смоленскаго епископа Іосифа съ князьями Горскими объ имѣніи Чуриловичахъ, гдѣ упоминается объ обязанности окольныхъ землевладѣльцевъ высылать своихъ людей, для разслѣдованія дѣлъ о воровствѣ, на «сокъ», (терминъ Русской Правды, соотвѣтствующій позднѣйшему «опыту»); при этомъ буквально приводится положеніе копнаго права, по которому невыходъ платитъ шкоду: »а хто не выйдетъ, тотъ безъ суда виноватъ, а шкоду маетъ платити«. Ак. Зап. Рос., I, стр. 169—170.

общины, многократно узурпированная, съ удивительною живучестью выдержавшая впослѣдствіи жестокія преслѣдованія и донесшая многіе остатки своихъ воззрѣній до самаго поздняго времени, но мы рѣшительно не въ состояніи опредѣлить ея роль для характеристики крестьянъ *какъ сословія*, въ ту эпоху, когда самыя сословныя дѣленія въ Литовской Руси только что вырабатывались и не успѣли еще получить рѣзко опредѣленныхъ формъ.

Въ западнорусскихъ памятникахъ XIV—XV вѣковъ находятся прямыя указанія на то, что повинности, въ смыслѣ государственныхъ налоговъ, въ древнѣйшее время не составляли обязанности одного какого нибудь разряда населенія, а въ одинаковой мѣрѣ падали на всѣхъ, сообразно достатку и экономическимъ занятіямъ каждаго. Вообще, на сколько можно систематизировать факты развивающейся исключительно практическимъ путемъ жизни,—однимъ изъ коренныхъ началъ Литовскорусскаго права было пріуроченіе всякаго рода повинностей не къ личности, а къ землѣ: одному и тому же лицу могли принадлежать земли различныхъ разрядовъ, какъ свободныя отъ налоговъ, такъ и подлежащія имъ; съ другой стороны, земли, обложенныя извѣстною повинностью, могли принадлежать лицамъ различныхъ сословій, и тогда эти лица отбывали повинности не по своему лично-общественному положенію, а по свойству принадлежащей имъ недвижимой собственности. Примѣры этого мы видимъ въ боярскихъ имѣніяхъ, хотя сравнительно и немногочисленныхъ, свободныхъ отъ обязанности служить за нихъ, хотя владѣющіе ими бояре и были обязаны службой съ другихъ имѣній; точно также боярскія отчины были свободны и отъ налоговъ денежныхъ, хотя бы были пріобрѣтены путемъ покупки; но если князь жаловалъ боярину имѣніе, до того уже обложенное денежнымъ сборомъ, то сборъ этотъ

падалъ и на новаго владѣльца; исключеніе составляли только земли, впервые расчищенныя изъ подъ лѣсу [1]). Точно также мѣщане, независимо своихъ городскихъ повинностей, служили военную или путную службу, если ими пріобрѣтены были имѣнія отъ бояръ или путниковъ. Бояре, жившіе въ городахъ, обязаны были участвовать и въ городскихъ повинностяхъ, хотя въ XV вѣкѣ и замѣтны уже попытки ихъ уклониться отъ этого; такъ около 1456 года жители Полоцка, «мѣщане и дворяне и чорные люди и все посполство» жаловались великому князю, что мѣстные бояре «мало помочи имъ даютъ«, когда господарь требуетъ таковой помощи отъ города Полоцкаго, а между тѣмъ они къ этому обязываются установленіями прежнихъ великихъ князей, начиная съ Витовта. По разсмотрѣніи дѣла, король Казимиръ призналъ законность требованій Полоцкихъ горожанъ и вновь обязалъ бояръ принимать участіе въ платежѣ налоговъ на государственныя надобности »на потребизну земскую«), а завѣдываніе денежными суммами возложилъ на особыхъ выборныхъ, по два человѣка отъ каждаго сословія: отъ бояръ, мѣщанъ, городскихъ дворянъ и отъ посполитыхъ людей, такъ что каждое сословіе имѣло свой особый ключъ отъ общей для всѣхъ ихъ казны (скрыни) [2]).

Было весьма естественно, что классъ населенія, къ которому шагъ за шагомъ переходила главная масса поземельной

---

[1]) См. Запись о Смоленской посощинѣ 1453 года, въ Ак. Зап. Рос. I, № 55 (Zbiór praw Lit., стр. 55; Daniłowicz Statut Kazimierza Jagellończyka, стр. 34).—Чарнецкій (Ист. Лит. Стат.) совершенно справедливо замѣчаетъ, что хотя постановленіе это и озаглавлено мѣстнымъ, но содержаніе его указываетъ на его общность, и вѣроятно, только найденный списокъ предназначался для руководства Смоленской области.—Ср. также АктыВиленской Археогр. Коммиссіи, I, предисловіе, стр. 16.

[1]) Акт. Зап. Рос., I, № 60, стр. 72.

4

собственности, стремился окончательно обѣлить ее отъ всякихъ платежей въ пользу государства; примѣръ сосѣдней Польши, гдѣ предшественникъ Ягелла, Людовикъ Венгерскій, именно этою цѣною пріобрѣлъ корону, подавалъ надежду на успѣхъ [1]). Польскіе совѣтники Ягелла надѣялись именно на эту мѣру для распространенія въ Литвѣ католицизма и для упроченія связи ея съ Польшею; первая же привиллегія его Литвѣ въ 1387 году освобождаетъ бояръ католиковъ отъ государственнаго тягла (labores); имѣнія католическаго духовенства освобождены отъ серебщизны, дякла и всякихъ другихъ платежей и повинностей (angaria et perangaria); въ 1432 году такое же освобожденіе дано всему дворянству Луцкой земли, уже безъ различія исповѣданій [2]), и т. под. Но Западная Русь слишкомъ мало еще была тогда подготовлена къ усвоенію Польскихъ порядковъ, привиллегіи Ягелла не вошли въ жизнь и мало по малу пришли въ забвеніе; уклоненіе боярства отъ платежа общегосударственныхъ повинностей развивается только къ концу XV вѣка, и на Волыни узаконено только уставной грамотою 1501 года, а »воловщина« взималась до 1509 года [3]); въ Смоленскѣ владѣльческіе люди платили наравнѣ съ горожанами сторожовщину и отбывали подводную повинность еще въ 1505 г. [4]); въ Брацлавской землѣ подымщина съ земянскихъ имѣній отмѣнена лишь

---

[1]) См. Будинскую привиллегію Людовика у Bandtkie, Jus Polonicum, стр. 156.—Горемыкинъ. Очерки исторіи крестьянъ въ Польшѣ. Спб. 1869, стр. 59—70.

[2]) Zbiór pr. Lit., стр. 1, 48.— Архивъ Югозап. Рос., ч. V., т. I, № 1. По Городельской привиллегіи 1413 года шляхта обязана была однако, кромѣ военной службы, участвовать въ постройкѣ замковъ и платить подати (tributa dare). Volumina legum, изд. 1859 г., I, стр. 68.

[3]) Акт. Южн. и Зап. Р. I, стр. 28; тамъ же, II, стр 65.

[4]) Акт. Зап. Рос., I, № 213, стр. 362.

въ 1507 году [1]), а въ Кіевской она взималась даже до 1529 года [2]), и т. д.

По отношенію къ крестьянамъ, жившимъ на владѣльческихъ земляхъ, эти льготы и освобожденія имѣли единственно тотъ смыслъ, что взиманіе якобы отмѣняемой подати въ сущности было только перенесеніемъ права на нее съ государства на частнаго владѣльца, ставя крестьянина тѣмъ въ большую зависимость отъ послѣдняго; при этомъ являлся просторъ и для произвольнаго увеличенія подати, уже не регулируемой общимъ законодательствомъ. Лучшимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить указанная отмѣна Брацлавской подымщины; памятники позволяютъ прослѣдить, какъ эта отмѣна повела къ обоюдной выгодѣ фиска и землевладѣльцевъ, а потерпѣли отъ нея только низшія сословія, мѣщане и крестьяне. Уничтожая подымщину, король выговорилъ въ свою пользу отъ земянъ уступку права торговли напитками, которымъ они на самомъ дѣлѣ пользовались далеко не вполнѣ, такъ какъ этою торговлею занимались здѣсь и мѣщане. Заручившись же фиктивнымъ правомъ отъ земянъ на монополію питейной торговли, король немедленно ввелъ въ Брацлавѣ, по примѣру другихъ городовъ, налогъ извѣстный подъ именемъ капщизны, въ размѣрѣ пятидесяти копъ ежегоднаго платежа, тогда какъ отмѣненная подымщина доставляла казнѣ не болѣе тридцати копъ даже еще передъ Татарскимъ разореньемъ 1497 года; съ своей стороны, земяне, получивши льготу отъ подымщины въ видахъ привлеченія переселенцевъ, которыхъ, по словамъ земянъ, отталкивала высота налоговъ, стали взимать ее по прежнему, но уже въ свою пользу и въ увеличенномъ размѣрѣ [3]).

---

[1]) Акт. Зап. Рос., II, стр. 28.
[2]) Тамъ же. стр. 210.
[3]) Акт. Зап. Рос., II, стр. 28; Архивъ Югозап. Рос., ч. V, т. I,

Переходъ налогового права къ землевладѣльцамъ завершился только въ XVI вѣкѣ, ранѣе же этого времени замѣчается только постепенное движеніе въ этомъ направленіи, такъ что положеніе крестьянъ въ достатутовую эпоху есть очевидно переходное, когда они не вполнѣ еще утратили право землевладѣнія, считались гражданами государства взимавшаго съ нихъ налоги, и только отчасти лишились своихъ правъ на общую подсудность. Вообще въ періодъ до изданія статута мы не находимъ ни строго опредѣленныхъ замкнутыхъ сословій, ни того нивеллированнаго de jure положенія, какое замѣчается внутри каждаго изъ нихъ въ послѣдующее время. Князья, паны, земяне, бояре—настолько еще не считались равными между собою, что послѣдніе, при окончательной установкѣ общественныхъ отношеній въ Литвѣ, могли одинаково попадать и попадали на обѣ крайнія ступени сословной іерархіи; принадлежность земель, на которыхъ жили крестьяне, не такъ рѣзко опредѣляла сословныя права послѣднихъ, чтобы они не смѣшивались какъ между собою, такъ напримѣръ и съ городскимъ сословіемъ [1]); повсюду, до послѣднихъ даже лѣтъ XV столѣтія,

---

стр. 530. «О тую подымщину поведили (земяне Брацлавскіе въ 1545 году), ижъ то есть доходъ зъ людей нашихъ насъ самыхъ, пановъ; а кромъ того иншыхъ никоторыхъ пожитковъ зъ людей нашихъ не маемъ, зъ того есть якъ поживленіе, такъ и одежа наша». См. № VIII, стр. 24.

[1]) По уставной грамотѣ Кіеву, 1503 года, къ мѣщанскому обществу (хотя только въ податномъ отношеніи) причислены: люди бискупьи, и митрополичьи, и воеводины, и архимандричьи, и князьскіи, и панскіи, и земянскіи, и иныи прихожіи люди, и тежъ ремесники, которые люди *въ мѣстѣ* Кіевскомъ и *по селамъ торгомъ ся обыходятъ*. Акт. Зап. Рос., I, № 207, стр. 355.—Ср. также уставную грамоту Полоцку, того же года, тамъ же, № 210, стр. 358. Но по грамотѣ 1529 года владѣльческіе люди въ Кіевѣ уже освобождены отъ мѣстскихъ поборовъ. Акты Зап. Рос., II, стр. 211. Въ Полоцкѣ владычніе и монастырскіе закладни, если занимались тор-

замѣчаются еще хоть слабые слѣды того бытового устройства удѣльно-вѣчеваго порядка, когда появляются еще только первые зародыши сословій, когда »все населеніе представляло единообразную массу, разные слои которой отличались одинъ отъ другого—достоинствомъ, а не правами; когда различій по занятіямъ не существовало: отъ князя до послѣдняго свободнаго всякій могъ быть воиномъ, имѣть поземельную собственность, заниматься торговлей и промыслами« [1]. Два вѣка исторической жизни Западной Руси въ соединеніи съ Литвою въ концѣ концовъ повліяли на радикальное измѣненіе подобныхъ бытовыхъ условій, а усиливавшееся вліяніе Польши и однажды данный толчокъ неуклонно вели къ ихъ полному отрицанію и уничтоженію. Законодательныя реформы эпохи Сигизмундовъ, выразившіяся въ изданіи Статутовъ, и отчасти уже начатыя при Александрѣ, составляютъ такимъ образомъ не формулировку установившихся общественныхъ отношеній, не кодификацію *обычнаго* права, а напротивъ, въ нихъ слѣдуетъ видѣть только отдѣльные фазисы той ломки, какой подвергались послѣдніе остатки старины, и попытку организовать дальнѣйшую историческую жизнь на новыхъ началахъ, несостоятельность которыхъ доказалъ печальный опытъ послѣдующихъ вѣковъ.

Въ XVI вѣкѣ, рядомъ съ ограниченіемъ юридическихъ правъ крестьянскаго сословія, шло все большее и большее стѣсненіе его и въ отношеніи экономическомъ. Поэтому, обзору законодательныхъ реформъ этой эпохи, мы должны предпослать краткій очеркъ тѣхъ условій, которыми опредѣлялось экономическое положеніе крестьянства въ различныхъ мѣстностяхъ Западной Руси, и затѣмъ будемъ разсматривать измѣненія въ томъ и другомъ отношеніи параллельно.

говлею, платили серебщизну и ордынщину наравнѣ съ мѣщанами. Акт. Зап Рос., II, стр. 88.

[1]) Сергѣевичъ. Вѣче и Князь. Стр. 31.

Побѣды Гедимина и его ближайшихъ преемниковъ надъ Татарами передали въ руки Литовскихъ князей богатый край, заселенный сравнительно скудно, простиравшійся до самаго Чернаго моря. включая въ себѣ такимъ образомъ Волынь, Подолію, Украину, или нынѣшнія Юго-Западныя губерніи съ Малороссіею, и »Дикія Поля«, т, е. Новороссійскія степи. Записка о границахъ великаго княжества Литовскаго на югѣ и востокѣ, составленная около 1540 года по показаніямъ старожилыхъ Кіянъ. Черкашанъ и Каневцевъ, такъ опредѣляетъ эти границы: отъ впаденія Мурахвы въ Днѣстръ мимо Тегиню къ устью Днѣстра, лиманомъ мимо Очакова къ устью Днѣпра, оттуда до Тавани, потомъ къ Овечьимъ Водамъ, Овечьими водами до верховья, оттуда къ верховьямъ Самары и Оргѣя, до самаго Донца, а отъ Донца по Тихую Сосну. Это обозначеніе границъ было произведено въ началѣ второй половины XV вѣка, при Кіевскомъ князѣ Семенѣ Александровичѣ (1454—1471): »А на тые границы князь Семенъ Олельковичъ высылалъ намѣстника своего Свиридова, который отъ него Черкасы держалъ, и тотъ по тымъ мѣстцомъ розъѣздчалъ и по тымъ урочищамъ границы клалъ, яко съ землею Татарскою, такъ и зъ Бѣлымъ-Городомъ, такъ тежъ и зъ землею Волоскою« [1]). Что такъ далеко простирались не однѣ голословныя претензіи Литвы и Польши, а и фактическое владѣніе, видно между прочимъ изъ спора между извѣстными магнатами Язловецкими, владѣльцами гавани Кочубей, потомъ Хаджибей (нынѣшняя Одесса), и Польскимъ правительствомъ о принадлежности вновь образовавшихся въ этомъ мѣстѣ береговыхъ наносовъ; по этому спору состоялось рѣшеніе короля Владислава Ягеллона (Варненьчика) въ 1442 году, въ которомъ упоминается, что поводомъ

---

[1]) Акты Западной Россіи, Т. I, стр. 362.

къ спору было воспрещеніе Язловецкими постройки на прибрежныхъ наносахъ пограничныхъ постовъ [1]).

Такимъ образомъ въ составъ Литовскаго княжества въ XIV—XVI вѣкахъ входили самыя разнообразныя по естественнымъ условіямъ мѣстности, начиная отъ непроходимыхъ Литовскихъ и Бѣлорусскихъ пущъ и боровъ, съ песчаной или болотистой почвой, до благодатной Подоліи, Побережья и безконечныхъ степей Новороссіи. Сѣверная лѣсисто-болотистая часть государства была заселена гуще, сравнительно съ представляемыми ею средствами къ жизни, чѣмъ переходная полоса Волыни и особенно южнѣе лежащія земли. Не слѣдуетъ однако думать, что Подолія, Брацлавщина и степная Украина представляли собою совершенно обезлюдѣвшую пустыню: и здѣсь существовало уцѣлѣвшее отъ Татарскаго погрома земледѣльческое населеніе, правда, немногочисленное, раскиданное на громадныхъ пространствахъ, неимѣющее никакой *государственной* организаціи, а разбитое на отдѣльныя общины, управляемыя атаманами, и платившее дань Татарамъ. Лѣтописецъ, говоря о пораженіи княземъ Ольгердомъ Татаръ на Синихъ Водахъ и объ отдачѣ имъ затѣмъ Подоліи въ ленъ князьямъ Коріатовичамъ, изображаетъ тогдашнее состояніе этой страны слѣдующимъ образомъ;.. »Си три браты Татарскіе князи (т. е. побѣжденные Литовцами) отчичи и дедичи Подольской земли, а отъ нихъ завѣдали ватамани; а боскаки, приездяючи отъ нихъ, у атамановъ имывали исъ Подольской земли дань.., И тогды въ Подольской земли не былъ ни одинъ городъ, ни деревомъ рубленого, ани каменемъ будованого« [2]). Естественно, что съ под-

---

[1]) На этотъ документъ ссылается Чацкій, имѣвшій случай видѣть его въ подлинникѣ Литовской метрики.—См. O Litewskich i Polskich prawach, T. II, стр. 185, примѣчаніе 1543.—Ср. у Длугоша, подъ 1415 годомъ.

[2]) Daniłowicz. Latopisiec Litwy i kronika Ruska, стр. 50.—Ср. Архивъ Ю.-З. Россіи, ч. III, T. I, предисловіе, стр. XI.

чиненіемъ Подоліи власти Литовцевъ (а потомъ частію Поляковъ), между населеніемъ великаго княжества возникло стремленіе переселяться на новыя земли, представлявшія гораздо большія богатства природы, а правительство, изъ видовъ политическихъ, чтобы прочнѣе закрѣпить за собою новопріобрѣтенную страну, всячески покровительствовало такого рода колонизаціи.

Подольская земля, вскорѣ раздѣлившаяся на собственно Подолію и Брацлавщину, производила своими богатствами чрезвычайно сильное впечатлѣніе на жителей болѣе сѣверныхъ областей, давшихъ ей имя страны »текущеймедомъ и млекомъ«. Необыкновенное плодородіе представлялось имъ самою характеристическою ея чертой, какъ это можно видѣть, напримѣръ, изъ описанія Гваньини, или вѣрнѣе говоря, служившаго ему анонимнымъ источникомъ Стрыйковскаго: »Страна эта, говоритъ онъ, чрезвычайно плодородна и изобильна всякими произрастеніями; пахарь кое-какъ зарываетъ въ землю зерно и всегда получаетъ урожай сторицею; степь и луга покрыты роскошною травою, столь высокою, что изъ нея едва видны рога пасущихся быковъ; почва такъ тяжела, что приходится впрягать въ плугъ по двѣнадцати воловъ, и все таки они едва могутъ его тащить; лѣса изобильны пасѣками, всюду видны ульи и выдолбленные пни съ пчелами; по степямъ ходятъ многочисленныя стада скота и табуны лошадей, стаи дикихъ птицъ и множество различныхъ звѣрей« [1]. Даже строго оффиціальный актъ, описаніе Брацлавскаго замка, выражается о принадлежащихъ тамошнимъ мѣщанамъ пасѣкахъ такимъ же образомъ: »суть иншыи пасѣки, ижъ и три селища за одну пасѣку не стóятъ: тамъ же у него пашня, ставы спустныи, пчолъ мно-

---

[1]) Gwagnin. Sarmacya Europeyska.

жество, звѣрь всякій, сады и огороды овощовые роскошные и всякій иншый пожытокъ« [1]).

Стремленіе колонизировать эти привольныя пустоши, естественно возникшее въ населеніи сосѣднихъ мѣстностей, встрѣчало и прямое и косвенное поощреніе со стороны правительства. Первымъ дѣломъ князей Коріатовичей, получившихъ отъ Ольгерда въ удѣлъ Подолію, было возстановленіе разрушенныхъ при Батыевомъ и послѣдующихъ Татарскихъ нашествіяхъ городовъ, или основаніе новыхъ, съ возведеніемъ въ нихъ оборонныхъ замковъ; такъ уже въ теченіе XIV вѣка упоминаются, какъ вновь укрѣпленные, горoда: Каменецъ, Бакота, Смотричъ, Червень, Скала, Звенигородъ, Межибожъ, Черноостровъ, Винница, Брацлавъ [2]). Одновременно съ основаніемъ княжескихъ замковъ шла раздача »пустовщинъ« земянамъ, частію членамъ княжеской дружины, частію же, по всей вѣроятности, вліятельнѣйшимъ и храбрѣйшимъ членамъ туземныхъ общинъ; такъ мало по малу образовалось и здѣсь, на мѣсто »атамановъ« времени Татарскаго управленія, землевладѣльческое сословіе, превратившееся современемъ въ шляхту; нерѣдко къ ней примыкали и разныя личности сомнительнаго происхожденія, завладѣвшія селищами въ смутное время и присвоивавшія себѣ потомъ дворянскія права [3]). Жалованныхъ грамотъ на земли въ этомъ краѣ издано до сихъ поръ сравнительно немного [4]), и

---

[1]) № VIII, стр. 26.—Архивъ Ю.-З. Рос. ч. V, т. I, стр. 532.

[2]) Daniłowicz, l. c.—Baliński i Lipiński, Starożytna Polska, т. II, стр. 954, 965, 977, 988, 994, 1003, 1008, 1338, 1364.

[3]) № VIII, стр. 25—26.

[4]) Акты Зап. Рос., т. I, стр. 22, 32, 48, 58, 151, 152, 178.—Грамоты вел. кн. Литовскихъ, стр. 5, 6, 19, 32, 33, 34, 38, 42, 43, 44, 56, 58, 61, 67, 82, 90, 91, 148, 156, 160.—Baliński i Lipiński, Star. Polska, т. II, стр. 949, 955, 959, 965, 969, 970, 971, 973, 1010, 1016, 1031, 1042, 1052, 1359, 1365, 1377.

тѣ относятся по большей части къ XVI вѣку; но изъ упоминаній въ нихъ видно, что пожалованія здѣсь начались еще со временъ Ольгерда, Витовта и Свидригайла. Земли раздавались обыкновенно съ условіемъ военной службы, и даже пожалованія въ пользу монастырей были обусловлены замковыми повинностями. Такъ князь Александръ Коріатовичъ, подтверждая, въ 1375 году, жалованную грамоту брата своего Юрія въ пользу Смотричскаго доминиканскаго монастыря на мельницу съ землями и угодьями, говоритъ: »а кого коли испрячють людій къ себѣ у томъ мѣстѣ, у млина, тые люди дали есмо имъ со всимъ правомъ,—аль то, што жъ коли вси бояре и земляне будуть городъ твердить, тогды тіи люди такожъ имаютъ твердити городъ Смотричь; и тожъ, штожъ коли вси земяне имуть давати дань у Татары, то серебро имають такожъ тіе люди дати« [1]). Въ жалованныхъ грамотахъ само собою подразумѣвалось право заселять жалуемыя земли; иногда это право оговаривалось положительно [2]), а въ нѣкоторыхъ случаяхъ колонизація ставилась даже въ число условій пожалованія [3]).

Для привлеченія колонистовъ, какъ князья, такъ и частныя лица предоставляли имъ различныя льготы и привиллегіи, какъ-то: освобожденіе на извѣстное число лѣтъ отъ всѣхъ или нѣкоторыхъ повинностей, перечисленіе заселяемой мѣстности изъ разряда сельскихъ поселеній въ городскія, съ установленіемъ торговъ и ярмарокъ, предоставленіе извѣстнаго само-

---

[1]) M. Grabowski i Malinowski. Zrzódła do dziejów Polskich, т. I, стр. 139.—Акты Зап. Р. т. I, стр. 21.

[2]) Такъ напримѣръ въ 1383 г., вел. кн. Витовтъ разрѣшаетъ Василію Карачевскому осадить надъ р. Морахвой, въ Каменецкомъ повѣтѣ, село Княжью-Луку. Акт. Зап. Р. т. I, стр. 22.

[2]) Напримѣръ въ жалованной грамотѣ Сигизмунда-Августа, 1558 года, Федору Каменецкому на пустое селище Петрову-Луку. Грам. в. кн. Лит., стр. 85.

управленія и самосуда по саксонскому праву и т. под. Цѣль всѣхъ подобныхъ льготъ—способствовать возможно быстрому заселенію мѣстности—обыкновенно прямо высказывается въ самихъ жалованныхъ грамотахъ[1]).

[1]) Такъ въ 1374 г. князь Юрій Коріатовичъ, желая скорѣе заселить Каменецъ, отвелъ для города двѣсти лановъ земли, съ освобожденіемъ поселенцевъ въ продолженіе двадцати лѣтъ отъ платежа податей за эту землю и съ назначеніемъ на дальнѣйшее время оклада по двадцати широкихъ грошей съ лана; предоставилъ право самосуда передъ радцами; въ случаѣ спора между княземъ, земяниномъ или дворяниномъ съ одной стороны, и мѣщаниномъ съ другой,—назначался судъ смѣсный, изъ воеводы и войта; въ пользу войта шла только третья часть судебныхъ пошлинъ и штрафовъ, а остальныя двѣ трети обращались на удовлетвореніе нуждъ города, равно какъ доходы съ лавокъ суконныхъ, сапожныхъ, хлѣбныхъ, мясныхъ, и съ бань.—Въ 1448 г. получили магдебургское право города Смотричъ и Хмельникъ; при возстановленіи въ первомъ изъ нихъ замка, въ 1518 г., жителямъ была предоставлена двухлѣтняя льгота отъ податей.—Около того же времени, между 1442 и 1450 г., получилъ магдебургское право городъ Летичевъ, подтвержденное въ 1537 году, причемъ въ городѣ установлены двѣ ярмарки и еженедѣльные торги, а въ 1553 году, послѣ разоренія Летичева Татарами, жителямъ дано десять лѣтъ льготы отъ податей.—Въ 1510 г. городъ Скала получилъ свободу отъ чиншей на четыре года, отъ пчельной десятины на два года, а отъ даванія подводъ и новыхъ, могущихъ быть установленными, податей на восемь лѣтъ; въ 1518 г. подтверждено было городу магдебургское право, ярмарка и еженедѣльный торгъ, а по случаю отягощенія мѣщанъ перестройкою замка, они освобождены на два года отъ городскихъ податей; послѣ сожженія города Волохами, жители вновь были освобождены въ 1539 г. на годъ отъ чиншей и подводъ.—Въ томъ же 1510 году получило магдебургское право мѣстечко Подфилипье, и тогда же даны нѣкоторыя права владѣльцамъ м. Шаравки, а въ 1546 г. въ послѣднемъ установленъ торгъ и двѣ ярмарки; Шаравка пользовалась и магдебургскимъ правомъ, но о времени его пожалованія точныхъ свѣдѣній не имѣемъ.—Торгъ и двѣ годовыя ярмарки въ Кудринцахъ были учреждены въ 1518 году, равно какъ и въ Ягельницѣ, въ которой впослѣдствіи, въ 1531 году, былъ установленъ еще второй недѣльный торгъ.—Въ 1519 и 1523 гг. установленъ былъ торгъ и три ярмарки въ Язловцѣ и двѣ ярмарки въ Чернокозин-

Изъ приведеннаго въ примѣчаніи обширнаго перечня мѣстностей одной только Подольской земли, получившихъ городскія права и различныя преимущества въ XV и XVI вѣкахъ, видно, что подобныя мѣры для привлеченія колонистовъ были въ то время въ большомъ употребленіи. Необходимо замѣтить, что хотя магдебургское право по отношенію къ древнерусскому са-

---

цахъ; послѣднему мѣстечку въ 1578 году дано было магдебургское право.—Въ тридцатыхъ годахъ XVI вѣка переименована была изъ селенія въ мѣстечко Балина.—М. Сатановъ въ 1532 году было освобождено отъ платежа шосовой, чоповой и прочихъ податей на восемь лѣтъ.—Въ 1538 году отстроенъ былъ королевою Боною сожженный еще въ 1452 году Татарами замокъ и городъ Ровъ, съ переименованіемъ его въ Баръ, съ освобожденіемъ колонистовъ на шестнадцать лѣтъ отъ всякихъ податей, чиншей, пошлинъ и повинностей, съ учрежденіемъ трехъ ярмарокъ и торга дважды въ недѣлю; въ 1540 и слѣдующихъ годахъ жителямъ Бара было пожаловано магдебургское право и различныя другія льготы.—Въ 1543 году дано было магдебургское право мѣстечку Сенявѣ, при самомъ его основаніи, вмѣстѣ съ пятнадцатилѣтней льготою отъ податей, учрежденіемъ торга и двухъ ярмарокъ, а въ 1558 году, по случаю Татарскаго разоренія, вновь дана льгота отъ податей.—Въ 1546 году получилъ магдебургское право Ялтушковъ.—Въ 1552 году дано было такое же право строящемуся городу Уланову, съ двухлѣтней льготой отъ чоповой подати, а отъ всѣхъ прочихъ на пятнадцать лѣтъ, съ установленіемъ торга и двухъ ярмарокъ; изъ люстраціи же 1570 г. видно, что жители имѣли еще десять лѣтъ свободы; послѣ разоренія этого города въ 1606 году, ему снова была предоставлена двадцатилѣтняя льгота отъ чиншей, пошлинъ и поволовщизны, а отъ прочихъ податей и даней на четыре года, причемъ жители получили и магдебургское право.—Въ 1556 году село Черный-Островъ переименовано въ городъ, получило магдебургское право, двѣ ярмарки, еженедѣльный торгъ и пятнадцать лѣтъ свободы отъ всѣхъ податей, кромѣ чоповой, отъ которой дана льгота только на одинъ годъ.—Винница въ 1558 г. получила право безпошлинной торговли.—Въ 1559 г. дано магдебургское право, торгъ и три ярмарки Гусятину, при переименованіи его въ городъ.—Въ 1571 году установлены были въ м. Тлустомъ торгъ и двѣ ярмарки, а въ 1580 г. еще двѣ ярмарки.—Въ 1578 г. переименованы были въ города Литинъ и Плоскировъ, съ установленіемъ въ нихъ еже-

мостоятельно-общинному укладу имѣло значеніе попреимуществу отрицательное [1]), но сравнительно съ тѣмъ безправнымъ, вполнѣ подчиненнымъ произволу положеніемъ, въ какомъ постепенно очутились помѣщичьи крестьяне относительно своихъ владѣльцевъ, а крестьяне королевскихъ имѣній относительно старостъ и державцевъ, — право это было все-таки шагомъ впередъ, предоставляя извѣстное, хотя и ограниченное, самоуправленіе и самосудъ. Жители очень хорошо понимали это;

недѣльныхъ торговъ и въ первомъ двухъ, а въ послѣднемъ трехъ ярмарокъ.—Тогда же заведены двѣ ярмарки въ м. Черчемъ, и пожаловано жителямъ этого мѣстечка магдебургское право.—Въ 1579 г. основанъ Шаргородъ, жители котораго освобождены на двадцать лѣтъ отъ податей и повинностей, а въ 1588 году получили магдебургское право, торгъ, три ярмарки, освобожденіе отъ торговыхъ пошлинъ и обязательную продажу иногородными купцами провозимыхъ черезъ городъ восточныхъ товаровъ.—Въ 1584 году село Доброщаны переименовано въ городъ Фельштынъ, которому дано магдебургское право, торгъ и три ярмарки.—Въ 1591 году переименованъ въ городъ Межировъ, и въ немъ заведенъ торгъ, а въ 1613 г. установлены три ярмарки, и жители получили право свободной торговли напитками.—Въ 1592 г. переименованы въ городъ Дунаевцы, съ предоставленіемъ магдебургскаго права, еженедѣльнаго торга и двухъ ярмарокъ, а въ 1605 году число ярмарокъ увеличено до четырехъ.—Въ 1598 году обращена въ городъ Деражня, получившая въ 1614 году и магдебургское право.—Въ 1600 году право это пожаловано было мѣстечку Новому-Константинову, вмѣстѣ съ двумя еженедѣльными торгами, тремя ярмарками, съ свободной торговлей напитками и освобожденіемъ отъ платежа торговыхъ пошлинъ на всемъ пространствѣ государства. Staroż. Polska. II, 938, 957, 961, 962, 966, 969, 971, 973, 980, 984, 985, 987, 988, 991, 992, 998, 1005, 1008, 1010, 1016, 1020, 1024, 1027, 1028, 1033, 1041, 1053.—Czacki, l. c., I, стр. 201, примѣч. 1048.—Акты Ю. и Зап. Р. I, № 160.—Арх. Ю.-Зап. Рос. ч. V, т. I, стр. 5, 80.—Акты Зап. Рос. I, № 4, стр. 21.

[1]) Это достаточно разъяснено г. Антоновичемъ, въ его Изслѣдованіи о городахъ Югозападной Руси. Арх. Ю.-Зап. Рос. ч. V, т. I.—См. также: Владимірскій-Будановъ. Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ. К. 1869.

и во многихъ грамотахъ, жалующихъ нѣмецкое право тому или другому мѣсту, прямо говорится, что оно дается по просьбѣ жителей или для привлеченія переселенцевъ [1]).

Что касается собственно сельскаго населенія, составлявшаго, конечно, главную массу колонистовъ, то для привлеченія его употреблялась также такъ-называемая »воля« или »слобода«, т. е. освобожденіе переселенцевъ на извѣстное число лѣтъ отъ всѣхъ или нѣкоторыхъ платежей и повинностей въ пользу владѣльца. Такое освобожденіе, какъ ненуждавшееся въ правительственномъ утвержденіи, по этому самому лишь очень рѣдко бывало предметомъ особаго письменнаго документа; къ тому же актовыя книги Кіевскія, Брацлавскія и Винницкія дошли до насъ только со второй половины XVII вѣка, и о срокахъ предоставлявшихся владѣльцами льготъ или о степени распространенности такой мѣры въ XV и XVI столѣтіяхъ мы можемъ заключать только по аналогіи съ другими мѣстностями и съ позднѣйшимъ временемъ, когда »слобода« составляла необходимую принадлежность каждаго вновь основываемаго поселенія. Въ настоящемъ томѣ помѣщенъ одинъ изъ немногихъ документовъ этого рода, относящихся къ XVI вѣку, именно инвентарь имѣнія пановъ Тышкевичей, лежавшаго въ южной части Кіевскаго воеводства, на границѣ Браплавщины [2]). Изъ него мы видимъ, что огромное имѣніе это, почти равное по размѣрамъ нынѣшнему уѣзду, все сплошь состояло изъ слободъ, пользовавшихся двѣнадцатилѣтнею льготою отъ повинностей, впослѣдствіи продолженною, по причинѣ разоренія многихъ селъ окрестными владѣльцами. Иногда, впрочемъ и

---

[1]) Такъ напримѣръ, мѣщане Шаравки »abi porządniey osiedziecz szie mogli y liepiey, thedi proszieli o prawo niemieczkie«. Изъ люстраціи 1570 года. Staroż. Polska, II, 1029.

[2]) № LXXVII, стр. 223—232.

правительство принимало болѣе общія мѣры, касавшіяся сельскихъ переселенцевъ; такъ напримѣръ, въ 1493 году, вслѣдствіе Татарскаго разоренья, жители Волыни были освобождены на двѣнадцать лѣтъ отъ платежа воловщины, а десять лѣтъ спустя эта льгота была продолжена на другой такой же періодъ времени [1]). Въ 1507 году былъ отмѣненъ во всей Брацлавщинѣ платежъ подымной подати, именно съ цѣлію привлечь колонистовъ; земяне Брацлавскіе, писалъ король тамошнему намѣстнику князю Михайлу Васильевичу Збаражскому, били челомъ, »штожъ имѣнья ихъ опустошены и накорень скажоны отъ непріятелей, и людей за собою вельми мало маютъ; а хотя бы и хотѣли которые люди за нихъ прійти зъ заграничья або отынудъ откуль, ино дей для того не смеютъ прійти, штожъ подымщину нашу платятъ; и били намъ чоломъ, абыхмо имъ тую подымщину зъ ихъ людей отпустили. Ино мы заихъ вѣрную службу и тежъ для сказы именій ихъ тую подымщину имъ есмо вѣчно отпустили« [2]).

Другимъ средствомъ привлеченія колонистовъ было укрѣпленіе селъ замками, и особенно снабженіе жителей оружіемъ. Такъ въ 1599 году Станиславъ Жолкевскій, объѣзжая Подолію, писалъ къ коронному канцлеру Яну Замойскому, владѣльцу Шаргорода: »Хорошо сдѣлаешь ваша милость, если пришлешь въ Шаргородъ оружія, особенно гаковницъ (крѣпостныхъ пищалей) штукъ сто, или и больше, такъ какъ простонародіе видитъ въ этомъ важнѣйшій залогъ своей безопасности, за то оно и станетъ селиться гораздо быстрѣе« [3]). Устройство, укрѣ-

---

[1]) Акты Зап. Рос. I, стр. 350.—Daniłowicz. Skarbiec dipl. II, стр. 272.

[2]) Акты Зап. Рос. II, стр. 28.

[3]) Listy Stanisława Żółkiewskiego, стр. 97.

пленіе и вооруженіе замковъ—хотя значеніе послѣднихъ въ исторіи колонизаціи нерѣдко и преувеличивается, особенно Польскими писателями,—было, какъ видно, все таки весьма важнымъ дѣломъ для переселенцевъ въ виду постоянной опасности отъ Татаръ; поэтому-то укрѣпляли не только города и другія значительныя поселенія, но даже села и мелкія деревни.

Богатая производительность страны, во связи со льготными условіями поселенія и сравнительной безопасностью, конечно, повели бы за собою быструю колонизацію Подоліи, Брацлавщины и степной Украины, если бы колонизація эта не встрѣтила на первыхъ же порахъ весьма сильнаго препятствія въ неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствахъ.

Пораженіе Татаръ на Синихъ Водахъ, походы Ольгерда въ Крымъ и Витовта къ Азову, сокрушеніе могущества Золотой Орды на Куликовомъ полѣ,—все это нѣсколько обезпечило спокойствіе отдаленной отъ Волжскихъ улусовъ Югозападной Руси, но ненадолго. Уже въ концѣ XIV вѣка, послѣ неудачи Витовта надъ Ворскломъ, Едигей разрушаетъ Житоміръ, а въ 1416 году Кіевъ. Затѣмъ слѣдуетъ около полустолѣтія сравнительной тишины, хотя набѣги Татаръ и Ногайцевъ на Югозападную Русь возобновляются послѣ 1453 года, т. е. со взятія Турками Константинополя; они особенно усиливаются поскѣ смерти Хаджигирея (1467), поддерживавшаго дружественныя отношенія съ Литовцами, и наслѣдникъ его Менглигирей, признавъ надъ собою верховную власть султана (1475), вскорѣ затѣмъ, въ 1478 г., опустошаетъ Брацлавъ, а въ 1482 году—Кіевъ. Съ этой поры начинается длинный рядъ Татарскихъ набѣговъ, повторявшихся почти изъ году въ годъ, въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ; въ 1495 году страдаетъ отъ Татаръ Владиміръ-Волынскій, въ томъ же и въ 1497 гг. снова разоренъ Брацлавъ, въ 1498 г. Черниговъ, 1516 годъ ознаменованъ побѣдою надъ Татарами князя Константина Ивановича Острожскаго подъ Виш-

невцомъ на Волыни, и т. д.; значительнѣйшіе набѣги Татаръ въ XVI вѣкѣ упоминаются еще подъ годами: 1532, 1537, 1538, 1550, 1556, 1558, 1566, 1593 и проч. [1]).

Какъ велики бывали иногда опустошенія городовъ и селъ при набѣгахъ Татаръ, можемъ видѣть изъ нѣсколькихъ актовъ XVII вѣка, помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ: въ 1617 году встрѣчаемъ заявленіе Краковскаго каштеляна, князя Януша Острожскаго, о разореніи Татарами имѣній его въ Острожской волости, и возный доноситъ объ осмотрѣ имъ двѣнадцати разграбленныхъ и сожжонныхъ селъ, жители которыхъ по большей части взяты въ Орду въ ясыръ; въ 1618 г. панъ Фасчъ заноситъ объявленіе объ опустошеніи имѣнія его Великаго Волчинца, причемъ взято въ полонъ пятдесятъ крестьянскихъ семействъ, и сожжены всѣ постройки до тла; въ 1619 г. обращены въ пепелъ цѣлыя волости въ имѣніяхъ княгини Порицкой и князей Острожскихъ, и т. д. [2]); особенно характеренъ актъ 1601 года, въ которомъ возные Луцкаго повѣта показываютъ, что послѣ опустошенія Татарами за восемь лѣтъ назадъ, т. е. въ 1593 году, остается еще въ этомъ повѣтѣ разрушенныхъ *двѣсти шестдесятъ девять* мѣстечекъ, селъ и деревень, »и до того часу пусты есть, и людей въ нихъ немашъ« [3]).

Такое запустѣніе, несмотря на его распространенность, едва ли однако бывало совершенно полнымъ и продолжительнымъ:

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Источники для Малорос. исторіи, стр. 22, 29, 32, 79, 80, 104, 118.—Staroż. Polska, II, стр. 961, 962, 964, 971, 989, 999, 1003, 1033, 1339.—Акты Зап. Рос., I, стр. 125, 148, 151, 173, 179, 210, 212.

[2]) № XCIX, стр. 310; № CXVI, стр. 380; № CXXV, стр. 412; № CXXVI, стр. 413; № CXXVIII, стр. 415 и № CXXIX, стр. 417.—Новицкій, Матеріалы для ист. засел. Кіев. губ., стр. 88.

[3]) № XCIII, стр. 289.

жители-поселяне и даже новые поземельные владѣльцы, земяне, при первой возможности возвращались на старыя пепелища. Хотя мы и имѣемъ мало указаній на подобный возвратъ, относящихся къ началу Татарскихъ набѣговъ, но нѣсколько позже, въ XVI и XVII вѣкахъ, такіе факты не составляютъ рѣдкости. Нападеніямъ Татаръ подвергался тогда постоянно весь Югозападъ Руси, такъ что ко всей странѣ могли бы быть примѣнены слова современника Сарницкаго относительно Бѣлой Церкви, куда, по его выраженію, Татары заглядывали столь же часто, какъ собаки на кухню [1]), и несмотря на это, преемственность населенія, не только земледѣльческаго, но и шляхетскаго, сохранялась непрерывно во многихъ мѣстностяхъ; едва ли будетъ ошибкою думать, что и тамъ, гдѣ мы не можемъ точно и достовѣрно прослѣдить этой преемственности, — причины этого заключаются по большей части лишь въ скудости матеріаловъ. Но мы видимъ также, что взятые въ ясыръ крестьяне, успѣвши убѣжать изъ плѣна, идутъ прямо на прежнія мѣста жительства; такъ возный говоритъ, что осматривая опустошенныя Татарами имѣнія князя Япуша Острожскаго, онъ нашелъ уже въ нѣкоторыхъ селахъ вернувшихся бѣглецовъ [2]). Точно также возвращались на старыя мѣста и плѣнники, выкупленные или бѣжавшіе изъ Турецкой и Татарской неволи [3]). Города и мѣстечка селились нерѣдко на самыхъ опасныхъ мѣстахъ, на »Татарскихъ шляхахъ«, какъ мы это знаемъ, напримѣръ, относительно городовъ: Василева (Василькова), Романова, Лысянки, Корсуня, Уланова, Хмѣльника, Торговицы, селъ Кобыльни, Лановецъ и другихъ [4]). Едва ли не убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ

---

1) »Saepe huc Scythae visuntur, ut canes spectantes in culinam«.
2) № CXVI, стр. 382
3) Ambroży Grabowski, «Starożytności Polskie«, II, стр. 501.
4) Star. Polska, II, стр. 510, 525, 1017, 1021, 1362, 1396.—

того, что часть жителей возвращалась на прежнія селища, можетъ служить неизмѣнность громаднаго количества названій мѣстъ съ XIV—XVI столѣтія, а многія сохранили свои имена еще отъ временъ Кіевской до—татарской Руси. Трудно предположить, чтобы одни лишь преданія могли донести до нашихъ временъ имена—не говоримъ городовъ—но часто весьма мелкихъ поселеній, хотя временное запустѣніе ихъ, наряду со всѣми ихъ окрестностями, извѣстно достовѣрно и, конечно, оказывало громадное вліяніе на общій ходъ колонизаціи, а тѣмъ самымъ и на возникновеніе или развитіе такихъ или иныхъ формъ общественно-экономическаго быта.

Одновременно съ вліяніемъ Татарскихъ набѣговъ, выступаетъ и быстро усиливается новый факторъ, столь же, если еще не болѣе, важный въ указанномъ отношеніи. Этой силою было козачество. Возникши въ концѣ XV столѣтія, оно вскорѣ уже успѣло организоваться и пріобрѣсть важное политичекое значеніе, и какъ военная сила Литовско-Польскаго государства въ его внѣшнихъ войнахъ, и какъ лично-свободное военное сословіе, не пользовавшееся однако дворянскими правами а потому незамкнутое, открывавшее свои ряды для всякаго желающаго и пользовавшееся вслѣдствіе этого живѣйшимъ сочувствіемъ несвободнаго крестьянскаго населенія.

Козачество укоренилось преимущественно въ Украинѣ обоихъ береговъ Днѣпра, въ Кіевскомъ, Брацлавскомъ и Черниговскомъ воеводствахъ, а также въ Дикихъ Поляхъ, на Низу, и здѣсь-то, благодаря общей слабости въ этихъ мѣстахъ шляхетскаго элемента, слагался новый или вѣрнѣе—видоизмѣнялся общинный древлерусскій общественный и экономическій

Архивъ Ю.-З. Россіи, ч. V, т. I, стр. 540.—Акты Зап. Рос. I, стр. 368; тамъ же, III, стр. 309.

строй, рѣзко отличавшійся отъ порядковъ Польши, Сѣверозападной и Червонной Руси и даже Волыни.

Вліяніе всѣхъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ на относительную степень заселенности помѣщичьихъ земель въ различныхъ мѣстностяхъ Югозападной Россіи и на зависѣвшія отъ этого экономическія отношенія владѣльцевъ къ крестьянамъ сказывалось, въ общемъ итогѣ, почти въ одномъ и томъ же направленіи: обиліе пустыхъ мѣстъ и нужда въ рабочихъ рукахъ побуждали владѣльцевъ предоставлять колонистамъ, для привлеченія ихъ въ свои имѣнія, болѣе льготныя условія на Югѣ и Юговостокѣ государства, чѣмъ въ гуще заселенныхъ мѣстностяхъ Полѣсья; близость къ Татарамъ и постоянныя опасности отъ ихъ набѣговъ заставляли увеличивать эти льготы, такъ какъ иначе трудно бы было удержать населеніе на мѣстѣ; и, наконецъ, непосредственное сосѣдство свободнаго козацкаго населенія еще болѣе ослабляло зависимость крестьянъ отъ владѣльцевъ, облегчая имъ возможность безнаказаннаго бѣгства въ случаѣ какихъ либо притѣсненій.

Результатомъ совокупной дѣятельности всѣхъ этихъ условій была очень большая неравномѣрность крестьянскихъ повинностей въ разныхъ мѣстностяхъ: чѣмъ дальше въ степь, чѣмъ ближе къ Татарамъ и къ козакамъ, тѣмъ повинности эти были легче, и наоборотъ, тяжесть ихъ увеличивалась съ углубленіемъ въ Полѣсье. Такое заключеніе, естественно вытекающее изъ указанныхъ общихъ причинъ, вполнѣ подтверждается, какъ увидимъ ниже, и тѣми фактическими данными, какія заключаются въ настоящихъ актахъ.

II

Постановленія Статутовъ о крестьянахъ и измѣненія въ юридическомъ положеніи послѣднихъ въ теченіи XVI вѣка.—Примѣненіе статутоваго законодательства въ послѣдующую эпоху [1]).

Первый Литовскій статутъ, изданный Жигимонтомъ I въ 1529 году, объединилъ въ систему и формулировалъ сложившійся въ предшествовавшую эпоху феодальный порядокъ, преимущественно въ отношеніи высшихъ сословій, но въ то же время провелъ ужэ довольно рѣзкую грань между ними и сословіями непривилегированными, окончательно опредѣлившуюся законодательствомъ послѣдующаго времени въ теченіи пяти—шести десятковъ лѣтъ.

---

[1]) Хотя положеніе крестьянскаго сословія въ XVI вѣкѣ было уже предметомъ особаго изслѣдованія г. Леонтовича („Крестьяне Югозападной Россіи по Литовскому праву XV и XVI столѣтій". К. 1863), но, къ сожалѣнію, авторъ придалъ этому труду характеръ болѣе догматическаго изложенія, чѣмъ изслѣдованія историческаго, и, вслѣдствіе такой постановки своей задачи, перѣдко впадаетъ въ анахронизмы, такъ какъ, по употребляемому имъ выраженію »эпоха Статутовъ« есть—время законодательныхъ реформъ, и потому не представляетъ собою чего либо цѣльнаго, а самые Статуты 1529, 1566 и 1588 годовъ заключаютъ въ себѣ столько разногласій, что могутъ быть почитаемы не столько за послѣдовательныя редакціи одного и того же памятника, а скорѣе за болѣе или менѣе самостоятельные кодексы.

Феодальное устройство государства выразилось въ первомъ Статутѣ въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ: здѣсь мы находимъ самую обстоятельную регламентацію военной службы, какою были обязаны всѣ владѣльцы земскихъ имѣній [1]); находимъ ограниченіе права отчужденія этихъ имѣній, путемъ-ли продажи, браковъ или завѣщаній, съ полнымъ воспрещеніемъ пріобрѣтенія имѣній иностранцами [2]); что касается княжескихъ и панскихъ слугъ, владѣющихъ имѣніями отъ своихъ пановъ на помѣстномъ правѣ, то имъ гарантирована полная свобода перехода, оставляя, конечно, имѣнія; при этомъ зависимость ихъ непосредственно отъ государства является болѣе сильною, чѣмъ отъ владѣльца земли [3]), и т. под. Но рядомъ съ этимъ встрѣчаются постановленія, представляющія собою остатокъ прежняго времени. Такъ наименованія *шляхты* и *бояръ* то отождествляются или замѣняются одно другимъ, то бояре сближаются съ мѣщанами; слово *панъ*, получившее нѣсколько позже значеніе очень высокое, здѣсь относится еще иногда къ лицамъ, не имѣвшимъ ни одного крестьянина; мѣщане еще не выдѣлены изъ числа земскихъ людей, владѣютъ населенными имѣніями и обязаны личною повинностью военной службы; даже названіе *подданыхъ* имѣетъ еще настолько неопредѣленное значеніе, что прилагается и къ шляхтѣ, зависимой отъ частныхъ лицъ [4])

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ условій, въ ка-

---

[1]) Раздѣлъ II, passim.

[2]) Разд. I, арт. 16, 17; разд. IV passim; V, 12, 17 и др.

[3]) Во время войны слуги обязаны были являться подъ хоругвь своего пана, но если они владѣли также имѣніемъ выслуженнымъ или купленнымъ «подъ господаремъ», то и служить должны были подъ хоругвью господарскою. Разд. III, арт. 15; II, 2.

[4]) Разд. III, арт. 11, 8; II, 1; I, 22; III, 27; VI, 27.

кія ставитъ Статутъ сословіе земледѣльческое, крестьянское. Хотя уже и проведена демаркаціонная линія между шляхтою и остальнымъ населеніемъ, вообще простыми людьми, которыхъ господарь обязывается »не повышать надъ шляхту,« и хотя »хлопъ« противополагается шляхтичу [1]), но полнаго объединенія не находимъ еще и здѣсь. Статутъ признаетъ различныя степени зависимости земледѣльца и вообще работника отъ другого частнаго лица: начиная съ невольничества, потомъ закупничество или временную кабалу, отчизныхъ т. е. прикрѣпленныхъ къ землѣ людей, и наконецъ людей похожихъ, пользующихся правомъ свободнаго перехода.

Полное рабство, подвергавшееся въ XVI вѣкѣ постепеннымъ ограниченіямъ, существовало издавна, и потому для лучшаго объясненія правилъ Статута по этому предмету необходимо обратиться и къ памятникамъ болѣе древняго времени. Невольники, —называемые также холопами, челядью, челядью невольною или дворною, паробками, —по Статуту могли попадать въ это состояніе по слѣдующимъ причинамъ: военноплѣнные, рожденные отъ рабовъ, выданные по суду истцу за преступленіе, и вступившіе въ бракъ завѣдомо съ лицомъ, состоящимъ въ рабствѣ [2]). Первый Статутъ уже нѣсколько ограничиваетъ распространеніе рабства; такъ онъ опредѣляетъ, что выданные люди не должны оставаться въ неволѣ вѣчно, а лишь до тѣхъ поръ, пока не отработаютъ суммы, за которую были выданы; воспрещается продажа въ неволю крѣпостного, а также самого себя или своихъ дѣтей въ голодное время; въ обоихъ этихъ

---

[6]) Разд. III, арт. 10; VIII, 17.

[1]) Разд. XI, арт. 13, Ср. Акты Зап. Рос. I, 352, о выдачѣ за воровство; годъ 1503. По Статуту же выдача именно за воровство воспрещена. L. c.

случаяхъ опредѣлена и такса годичнаго отработка [1]). Запрещено Евреямъ и Татарамъ имѣть въ рабствѣ христіанъ, которые обязаны были прослужить имъ за свое освобожденіе только семь лѣтъ. Точно такъ же постановлено, что невольники, прогнанные своимъ владѣльцемъ во время голода, бывшаго тогда явленіемъ нерѣдкимъ, становятся свободными [2]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, законъ обезпечиваетъ владѣніе рабами путемъ наказанія тѣхъ лицъ, которые бы оказывали содѣйствіе бѣглымъ, передерживали ихъ у себя, или сами бы ихъ украли; наказанія эти отличались строгостью, и за кражу челяди опредѣлялась кара какъ вообще за воровство, т. е. смертная казнь [3]). Сами же невольники, какъ люди неправоспособные, за незначительную кражу въ первый разъ подвергались только тѣлесному наказанію; изъ той же статьи видно, что они владѣли движимою собственностью [4]), а другіе памятники указываютъ, что нѣкоторые изъ нихъ имѣли отдѣльныя жилища и пользо-

---

[1]) Для получившаго участокъ полевой земли—12 грошей, а для неполучившихъ—мужчинѣ полкопы, а женщинѣ 12 грошей. Разд. XI, арт. 7, 11.

[2]) Разд. XI, арт. 6, 12.

[3]) Разд. XI, арт. 9, 10; XII, 7, 8.

[4]) Разд. XIII, арт. 1. Статья эта представляетъ собою почти буквальное повтореніе статьи Судебника 1468 г.—А. Зап. Рос., I, стр. 82. Странно, что въ послѣднее время нѣкоторые изслѣдователи снова относятъ Судебникъ Казимира, согласно съ Дзялынскимъ, къ 1492 году, и даже укоряютъ СПетербургскую Археографическую Комиссію въ ошибочномъ опредѣленіи 1468 года. См. И. Сливовъ. Іезуиты въ Литвѣ. Рус. Вѣстн. 1875, № 7, стр. 29.—Акты Вилен. Археогр. Комиссіи, т. I, предисловіе, стр. 16. Между тѣмъ, основанія Спб. Арх. Комиссіи изложены ею въ томъ же томѣ, примѣчаніе 53, и до сихъ поръ ничѣмъ не опровергнуты. Сверхъ того, въ обоихъ названныхъ изданіяхъ указывается мнимый пропускъ въ Акт. Зап. Рос. дополнительныхъ статей къ Судебнику, »о Смоленской посощинѣ«, тогда какъ эти статьи помѣщены тамъ же, т. I, № 55, стр. 69, а различіе датъ показываетъ, что онѣ и изданы отдѣльно отъ Судебника.

вались земельными участками. [1]) Поэтому-то Статутъ считаетъ ихъ не въ числѣ движимаго имущества владѣльца, а принадлежностью самаго имѣнія, наравнѣ съ хозяйственными орудіями и инвентаремъ [2]). Содержались невольники или съ отведенныхъ имъ участковъ или же—преимущественно въ королевскихъ имѣніяхъ—получали мѣсячину [3]). Судъ надъ ними принадлежалъ ихъ владѣльцамъ; но Статутъ не даетъ указаній, допускались ли они сами въ качествѣ свидѣтелей, когда слѣдовало »вести сокъ«, подобно тому какъ это было въ прежнее время [4]). Относительно послѣдняго указанія, изъ котораго видно, что *паробки*, въ случаѣ воровства неизвѣстнымъ лицомъ, должны были являться на *сокъ* наравнѣ съ *людьми*, равно какъ и на основаніи тѣхъ мѣстъ памятниковъ, гдѣ упоминается о движимомъ имуществѣ невольниковъ (»бонда«), съ употребленіемъ того же термина *паробки*, можно высказать слѣдующее замѣчаніе: указанныя права паробковъ, нигдѣ не относимыя къ *челяди*, *холопамъ*, *рабамъ* (о нихъ прямо даже говорится, что »холопу и робѣ вѣры не няти« [5]), а также и самая этимологія слова паробокъ [6]), даютъ нѣкоторое право заключать, что этимъ именемъ не обозначались лично обращенные въ рабство, а только близкіе къ нимъ по состоянію люди, всего вѣроятнѣе потомки рабовъ; если такое предположеніе

---

[1]) А. Зап. Рос., II, № 159.—Также настоящій томъ, № VII, стр. 11—12.

[2]) Разд. IV, арт. 1.

[3]) № VII, стр. 11-12.-Виленск. Археогр. Сб., т. I., стр. 147, 149.

[4]) Акты Зап. Рос., I, стр. 169; годъ 1497.

[5]) Ак. Зап. Рос., I, стр. 352 и мн. др.

[6]) Префиксъ *па* вообще заключаетъ въ себѣ выраженіе уменьшительности и какъ бы неподлинности предмета, обозначаемаго словомъ, къ которому онъ приставленъ; ср. напримѣръ слова: пасынокъ, падчерица, пакленъ, паростокъ, паколъ, падубъ, павѣтье, пакисель, паерокъ, парой, и проч. См. Miklosish lexicon palaeslovenico—grae-

справедливо, то въ паробкахъ можно бы видѣть связующее звено между невольниками въ тѣсномъ смыслѣ и отчичами, крѣпостными, съ которыми они и слились впослѣдствіи?

Другой классъ зависимыхъ людей, весьма близкій къ невольникамъ и послужившій обильнымъ источникомъ для умноженія числа крѣпостныхъ, представляли собою закупни или закладни, соотвѣтствующіе кабальнымъ холопамъ Восточной Россіи, т. е. люди, поступавшіе во временное рабство въ уплату долга. Несомнѣнно, что въ ту эпоху неурядицъ, отсутствія правильно устроенной власти и господства права сильнаго, число лицъ, закладывавшихся за кого либо съ главною цѣлью пріобрѣсть себѣ защиту и покровительство, было весьма значительно. По закону они считались лично свободными, какъ это можно заключать изъ того, что при пожалованіи въ 1500 году Полоцку магдебургскаго права, таковое было распространено и на нихъ [1]). Но въ дѣйствительности, закладни находились въ зависимости весьма строгой, такъ какъ они подлежали даже, какъ было уже упомянуто выше, суду своихъ кредиторовъ. Статутъ вообще говоритъ о закупняхъ очень мало, очевидно потому, что условія закупничества опредѣлялись въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ взаимнымъ договоромъ; онъ и опредѣляетъ цифру годичнаго отработка долга только на случай отсутствія договора [2]); изъ другаго мѣста видно, что въ за-

co—latinum, стр. 550.—Его же: Vergleichende Grammatik der slawischen Sprachen, стр. 226.

[1]) Акт. Зап. Рос., I, 215.

[2]) Разд. XI, арт. 8: »Тежъ уставуемъ, если бы хто закупа закупилъ мужика або жонку, *а съ нимъ бы не вмовилъ*, што маетъ му присевати або пенезей выпускати; тогды маетъ съ пенезей отручоно быти мужику на лето пятнадцать грошей, а жонце десеть грошей«. Замѣчательно, что годичный отработокъ закупня опредѣленъ значительно ниже, чѣмъ отработокъ человѣка, выданнаго въ рабство (см. выше, стр. 48, прим. 1).

Относительно приводимыхъ цитатъ изъ Статута 1529 года не-

купъ отдавались также земли, потому и было запрещено закупать землю частнаго крестьянина безъ разрѣшенія его помѣщика, равно и закупать чужихъ людей [1]. (см. на слѣд. стр.)

обходимо замѣтить слѣдующее: при изданіи этого кодекса во »Временникѣ« Моск. Общ. Ист, и Др. (кн. 18) была принята за основаніе рукопись снятая со списка XVI вѣка въ Вильнѣ, а въ примѣчаніяхъ приведены варіанты и разнорѣчія по изданію Дзялынскаго (»Zbiòr praw Litewskich«) имѣвшаго, кромѣ собственнаго, еще два списка: Фирлеевскій и Слуцкій, наиболѣе сходный съ Виленскимъ. Редакція »Временника« находить послѣдніе два списка древнѣйшими и замѣчаетъ, что »въ нихъ древній русскій языкъ Статута менѣе подвергся вліянію польской рѣчи, нежели въ рукописяхъ Дзялынскаго и Фирлея, очевидно писанныхъ въ тѣхъ областяхъ Литвы, въ которыхъ сильно преобладала польская рѣчь«. Однакоже внимательное изученіе Статута приводитъ къ выводамъ совершенно противоположнымъ. Что списки Дзялынскаго и Фирлея древнѣе, доказывается слѣдующими соображеніями: 1) Они короче Виленскаго и Слуцкаго; нѣкоторыхъ статей въ нихъ нѣтъ вовсе, другія изложены не столь подробно или не имѣютъ дополнительныхъ разъясненій; такъ въ нихъ вовсе недостаетъ: разд. I, арт. 27; IV, 1, 16, 17; V; 14, 15; VI, 1, 9, 28, 29, 30, 31, 35, 36; VIII, 5, 6, IX, 18, 19, 20; X, 11, 12; XI, 14, 15; XII, 8, 10; XIII, 25, 26, 27, 28,—всего двадцати-девяти статей; изложены менѣе полно по существу: разд. III, арт. 16; IV, 7, V, 11, 13; VI, 4, 11, 13, 14, 18, 22, 32; VII, 17, 19, 23; VIII, 7, 19; XII, 2, 5, 13, и проч.—2) Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ Виленскомъ и Слуцкомъ спискахъ сказано »король«, »королевскій« и т. под.,—у Дзялынскаго и Фирлея стоятъ термины болѣе древніе: »господаръ,« »господарскій».—3) Нѣкоторыя мѣста Виленскаго и Слуцкаго списковъ совершенно непонятны вслѣдствіе искаженія, тогда какъ варіантами Дзялынскаго и Фирлея эти мѣста разъясняются вполнѣ.—4) Вообще языкъ тѣхъ и другихъ списковъ носитъ слѣды польскаго вліянія, но такимъ образомъ, что одинъ разъ полонизмъ попадается у Дзялынскаго и Фирлея, въ другой—въ Виленскомъ и Слуцкомъ спискахъ, такъ что замѣчаніе »Временника« о бо̀льшей чистотѣ языка послѣднихъ лишено надлежащихъ основаній.

Поэтому—то, цитируя положенія Статута, мы приводили ихъ по изданію »Временника«, которымъ на этотъ разъ пользовались; но во всѣхъ сомнительныхъ, искаженныхъ или неполныхъ мѣстахъ, дополняли или видоизмѣняли ихъ варіантами Дзялынскаго и Фирлея, внося ихъ непосредственно въ текстъ законоположеній; отмѣчать это каждый разъ особо мы не считали необходимымъ, такъ какъ изслѣ-

Крестьяне, поселенные на земляхъ королевскихъ или частнаго владѣнія, носятъ въ Статутѣ частію прежнее названіе людей, частью же называются поддаными, мужиками, селянами. При этомъ почти не различаются такъ называемые отчичи отъ людей вольныхъ или похожихъ, законъ говоритъ по большей части о чьихъ нибудь людяхъ или мужикахъ вообще; да и въ дѣйствительности, разница между тѣмъ и другимъ разрядомъ крестьянъ была весьма незначительна: она заключалась едва ли не исключительно въ правѣ перехода; вольный человѣкъ, прослуживши своему землевладѣльцу столько же времени, сколько онъ прожилъ на льготѣ, или расплатившись съ нимъ по 6 грошей за каждую неотработанную недѣлю, былъ властенъ de jure перейти въ другое имѣніе [1]), тогда какъ отчичъ ни при какихъ условіяхъ не могъ получить этого права [2]). Въ

дованіе собственно Статута далеко вышло бы изъ предѣловъ настоящей статьи. Замѣтимъ только для изслѣдователей старинной Западнорусской библіографіи, что, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, не только одинъ третій, но и *первый* (а потому возможно—и второй) Статутъ былъ напечатанъ. Кромѣ указа Жигимонта I, 1522 г. (Dziatyński, Zb. pr. Lit., стр. 121.—Рѣдкинъ. Юридич. Записки, т. I, стр. 14), гдѣ онъ заявляетъ только намѣреніе напечатать Статутъ, встрѣчаемъ въ актѣ *1552 года* (Описаніе Житомирскаго замка) слѣдующее выраженіе: »Пожитки замковые: Вина и пересудъ водлугъ *Статуту друкованого«* (см. Новицкій. Матеріалы для исторіи заселенія Кіевской губерніи, стр. 82. Изъ актовой книги Кіев. Центр. Архива № 209, листъ 896 на об. и слѣд.). Значительная распространенность Статута ранѣе 1588 года видна изъ ссылокъ на него въ актахъ доминіальной юрисдикціи и даже копныхъ судовъ. См. напр. въ настоящемъ томѣ, № XXVIII, стр. 73: № LVIII, стр. 155.—Виленскій »Археографическій Сборникъ«, т. I, № 58, стр. 166.

[1]) Раз. VIII, арт. 21.—Ср. о закупаньи земель въ Акт. Зап. Рос., I, 346.

[1]) Разд. VIII, арт. 20.

[2]) Нѣкоторые, какъ напримѣръ г. Антоновичъ (Изслѣдованіе о крестьянахъ, стр. 11 и 14), выдѣляютъ *данниковъ*. какъ особый разрядъ крестьянъ, но едва ли это вѣрно. Различныя наименованія крестьянъ въ актахъ XV—XVI вѣка имѣютъ двоякій характеръ:

другихъ отношеніяхъ Статутъ ничемъ не отличаетъ похожихъ людей отъ отчичей, отчасти вѣроятно по той же причинѣ, по какой онъ очень скупъ на указанія относительно закупней, т. е. вслѣдствіе существованія и въ этомъ случаѣ обоюднаго договора. Изъ указаній другого памятника видно, что слободичи старались селиться попреимуществу на условіяхъ платежа денежнаго оброка, а потому ихъ отношенія къ землевладѣльцу были гораздо менѣе сложны [1]).

Изъ постановленій Статута можно заключать, что права крестьянъ на находящіяся въ ихъ владѣніи земли—если не въ силу положительнаго закона, то по обычаю—были болѣе или менѣе обезпечены и прочны; такъ арт. 7 разд. IX предусматриваетъ случай отчужденія крестьянами бортныхъ деревьевъ не только своимъ односельцамъ, но даже жителямъ другого села и другого владѣнія, путемъ продажи или отдачи въ приданое, и о подобныхъ случаяхъ говорится даже, какъ о весь-

---

одни опредѣляютъ степень ихъ правоспособности (невольная челядь, закладни, отчичи, люди похожіе), другія же только указываютъ *видъ повинностей*, отбываемыхъ ими въ пользу владѣльца; эти послѣднія названія различались по тому, состояла ли повинность въ платежѣ деньгами, въ дани медомъ или хлѣбомъ, или же въ исполненіи извѣстнаго рода специальной службы. Отсюда названія: серебреники, куничники, чорнокунцы, данники, бортники, рыболовы, стрѣльцы, путники, осочники, конюхи, конокормцы, бобровники, гаевники, разнаго рода ремесленники, и т. под. См. Акты Археогр. Эксп. I, № 48.—Ак. Юж. и Зап. Р., I, стр. 29.—Ак. Зап. Рос., I, 365, 53, 351, 214 350, 225 и мн. др.—Статутъ 1529 г., разд. XI. арт. 12. Это яснѣе еще доказывается тѣмъ, что данники, въ большинствѣ случаевъ упоминаемые какъ отчичи, иногда опредѣлительно называются вольными (Ак. Зап. Рос., I, 196), а иногда невольниками (Тамже, 113, 76, 163, и проч.)—Крестьяне, обязанные барщиною, называются попреимуществу людьми тяглыми или пригонными, иногда сельскими путниками. Тамже, 150, 186, 192, 350, 362, 365, 214, 215.—Ак. Юж. и Зап. Рос. 12, 19, 20, 35, 37, 38, 40, 43, и проч.

[1]). См. уставъ о похожихъ людяхъ въ »Памятникахъ« Кiев. Комиссіи, т. I, отд. II, стр. 8.

ма нерѣдкихъ [1]). Въ настоящемъ томѣ помѣщенъ весьма замѣчательный документъ, показывающій, что подобный взглядъ на обычное право крестьянъ на свои »отчины« сохранялся до весьма поздняго времени, и притомъ не между крестьянами только, а и среди ихъ владѣльцевъ [2]).—Опредѣленію пеней за нарушеніе поземельнаго владѣнія между крестьянами посвящено нѣсколько указаній Статута, причемъ штрафы вообще положены значительно меньшіе, чѣмъ за подобныя же нарушенія между шляхтичами; такъ за переоръ межи шляхтичу платится три рубли, а между мужиками одинъ; за порубку лѣса шляхтичъ получаетъ 12 рублей, а мужикъ 3 рубля, и т. под. [3]). Выше было уже упомянуто, что крестьяне считали себя вправѣ отдавать свои земли въ закупъ, т. е. распоряжаться ими такимъ образомъ, какъ это мы видимъ и до настоящаго времени въ Малороссіи, въ формѣ такъ называемой заставы.

Въ отношеніи повинностей Статутъ освобождаетъ крестьянъ частныхъ владѣльцевъ отъ всякихъ податей, даней, отъ обязанности возить камень, лѣсъ, дрова, косить сѣно и другихъ работъ, кромѣ содержанія въ исправности дорогъ, мостовъ и замковъ [4]). Такимъ образомъ повинностное право цѣликомъ перешло уже въ руки владѣльцевъ, подчинилось частію обычаю, а еще болѣе произволу, и потому въ Статутѣ не находимъ ни-

---

[1]) »Яко то *много ся здаетъ межи мужиковъ*, ижъ пчолы для недостатку дани продаеть, або по дочце дасть дерево со пчолами зятю въ чужое село, а тотъ на тыя пчолы знамена свои наложить«.

[2]) Приложеніе, № LX. стр. 209—217; годъ 1691.

[3]) Разд. № III, арт. 9; IX, 18.

[4]) »Одъ кождое дани плаченья и податку серебщизною званого и тежъ дяколъ и отъ всякихъ беремень повозовыхъ, которые подводами зовутъ, и отъ везенья каменья, дерева, або дровъ ку паленю плиты и вапна на городы наши, отъ кошеня сѣна и отъ нашихъ справедливыхъ роботъ«.

какихъ опредѣленій крестьянскихъ платежей или отбываемыхъ ими въ дѣйствительности работъ; послѣднія даже вовсе не упоминаются; въ двухъ только статьяхъ говорится о чиншахъ или даняхъ медовыхъ и денежныхъ, серебщинахъ, и притомъ какъ о главныхъ доходныхъ статьяхъ имѣній. [1]).

Судъ надъ крестьянами, какъ мы видѣли выше, перешолъ въ руки землевладѣльцевъ еще ранѣе изданія Статута; Статутъ только опредѣлительнѣе указываетъ случаи, когда крестьяне могутъ быть требуемы предъ общій судъ, урядъ, а именно если панъ отказался взыскать съ обжалованнаго крестьянина на дважды повторенную просьбу о томъ; при этомъ иски за нарушеніе поземельнаго владѣнія должны были и предъявляться непосредственно къ самому пану; даже при обвиненіи въ воровствѣ, подкрѣпляемомъ явными уликами, виновный крестьянинъ не былъ представляемъ въ судъ, а къ своему пану; если воровство было учинено во время ярмарки, то виновнаго слѣдовало представлять мѣстному владѣльцу для заарестованія, а послѣдній долженъ былъ извѣстить помѣщика, которому принадлежалъ крестьянинъ и, въ случаѣ троекратнаго отказа владѣльца »учинить справедливость«, самъ получалъ право суда надъ обвиняемымъ, съ участіемъ стороннихъ людей [2]). Грабежъ, въ смыслѣ самоправнаго вознагражденія себя за убытки или взысканія долга, по отношенію къ крестьянамъ былъ положительно запрещенъ, не только мѣщанамъ, но и шляхтѣ [3]). Всего же важнѣе было то постановленіе, по которому совмѣстные владѣльцы нераздѣльныхъ имѣній получали право суда надъ крестьянами не только сообща, но и каждый въ отдѣльности, и притомъ какъ по жалобамъ третьихъ лицъ, такъ даже и въ тѣхъ случаяхъ,

[1]). Разд. V, арт. 7, 8.
[1]) Разд. VI, арт. 4, 6, 10; XIII, 4, 5.
[5]) Разд. XII. арт. 5, 11.

когда обвинителемъ или истцомъ являлся тотъ именно изъ участниковъ общаго владѣнія, которому предстояло творить судъ и расправу [1]). Вины, т. е. штрафы за уголовные проступки и преступленія, и пересуды, т. е. судебныя пошлины по частнымъ искамъ, упоминаются въ числѣ доходныхъ статей имѣній и принадлежали владѣльцу даже въ такомъ случаѣ, если вслѣдствіе его отказа отъ суда, крестьянинъ былъ судимъ урядомъ [2]). Такимъ образомъ произволу владѣльца, который въ одно и то же время являлся и заинтересованною въ дѣлѣ стороною, и судьей, и представителемъ власти исполнительной, предоставлялся полнѣйшій просторъ, а крестьянинъ, лишонный всякой гарантіи и покровительства закона, тѣмъ самымъ приближался къ положенію раба, хотя сословія эти еще и различались законодательствомъ.

Существенное отличіе ихъ по отношенію къ суду заключалось въ томъ, что крестьянинъ не былъ лишонъ права свидѣтельства и даже активнаго участія въ разбирательствѣ из-

---

[1]) Разд. VI, арт. 32: »Коли бы было братьи колко делное обо неделное, або которые колве иные сяброве мели которые люди суместные нерозделные, данники або сумежники, тогды каждый съ тыхъ братьи або сябровъ повиненъ будетъ, особливе каждому суседу и инымъ человѣкомъ суместнымъ, справедливость чинити, неоткладываючи до братьи ани до сябровъ. *А естли бы самому отъ таковогo чоловека сталося што кривда, тогды моцонъ будетъ право и судъ на немъ осадити а каждое винности правомъ на немъ искати, хотя безъ братьи своей або безъ сябровъ прерeчоныхъ.*«

[2]) Разд. VIII, арт. 9; IX, 18; VI, 10: ... „Маетъ (истецъ) тамъ права доводити передъ повѣтовымъ судьею. Естли жъ оный подданый панскій зостанетъ виненъ тому, хто на немъ ищетъ, тогды иного ничого не маетъ платити, толко тое, въ чомъ зостанетъ виненъ, а тому децкому, который по него ездилъ, децкованое. *А што ся дотычетъ вины*, хотя бы онъ вшолъ у вину прометную, або бы заказаная вина на немъ была, тогды *не маетъ его нихто тою виною карати, толко его власный панъ.*“

вѣстнаго рода дѣлъ, каковое участіе, въ силу обычая, оказывалось нерѣдко довольно значительнымъ и выходило за предѣлы, очерченные для него писаннымъ правомъ. Крестьяне являлись свидѣтелями главнымъ образомъ въ двухъ случаяхъ: если на чей-либо домъ былъ сдѣланъ наѣздъ съ грабежомъ и нанесеніемъ другихъ убытковъ, то при недостаткѣ явныхъ уликъ, самый фактъ насилія подтверждался присягою истца, а количество понесенныхъ при этомъ убытковъ доказывалось показаніями крестьянъ [1]). Во—вторыхъ, крестьянское свидѣтельство, какъ это вполнѣ естественно, имѣло важное значеніе въ спорахъ о земельныхъ границахъ; въ раздѣлѣ VIII, арт. 4, встрѣчаемъ даже такое постановленіе, по которому показанія крестьянъ—сосѣдей предпочитались въ подобнаго рода дѣлахъ свидѣтельству шляхтичей, если послѣдніе не были помежниками спорныхъ имѣній. [2]).

Что касается самостоятельнаго участія въ разборѣ дѣлъ, т. е. такъ называемыхъ копныхъ судовъ, то роль ихъ и значеніе достаточно уже полно разобраны въ извѣстномъ изслѣдованіи покойнаго Н. Д. Иванишева (»О древнихъ сельскихъ общинахъ въ югозападной Россіи«), и для нашей цѣли здѣсь довольно будетъ указать послѣдовательное измѣненіе постановленій Статутовъ объ этомъ предметѣ. Первый Статутъ говоритъ о копныхъ судахъ сравнительно немного; подъ словомъ »копа« онъ разумѣетъ вообще такое разбирательство, которое требуетъ присутствія судей на спорномъ мѣстѣ, безъ различія, будетъ

---

[1]) Разд. VII, арт. 19:.... »Естли доводу не будеть, маетъ самъ на кгвалту присягати, а на шкодахъ и на грабежахъ люди его.«

[2])...... »А веджо не таковые мають розумети светки, штобы была шляхта, але тые светки шляхта *и люди добрые не подозреные*, которые будуть *суседы близкие и сумежники*, *тые годнейшые будуть у сведецтве*, нижли тые шляхта, которые не граничники и не сумежники.«

ли это разбирательство производиться околичными людьми или судьями урядовыми [1]). Кромѣ граничныхъ споровъ, копѣ, по первому Статуту, подлежатъ также разборы дѣлъ о потравахъ и порубкахъ, а также о »пограбленьи« порубщиковъ въ пущахъ [2]). Что же касается розысковъ о воровствѣ, которые подлежали также копамъ, нерѣдко даже вмѣстѣ съ судомъ, то о нихъ Статутъ употребляетъ другія выраженія: »сокъ вести«, »гнать слѣдъ [3]), и т. д.

Статутъ 1566 года не только внесъ бо́льшую опредѣлительность въ законодательныя постановленія, не только регулировалъ юридически нормы отношеній во многихъ случаяхъ, первымъ Статутомъ не предусмотрѣнныхъ, но представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ измѣненія и въ самомъ государственномъ строѣ, весьма быстро развивавшіяся въ ту эпоху подъ вліяніемъ болѣе тѣснаго сближенія съ Польшею, подъ вліяніемъ тамошнихъ идей о равноправности—въ сущности фиктивной—всей шляхты между собою, а равно и объ ея первенствующей роли въ государствѣ, въ виду которой постепенно блѣднѣла и стушовывалась монархическая власть Литовскаго великаго князя съ его ближайшими совѣтниками, »панами—радами«.

Такъ, хотя повинность военной службы, общая для всѣхъ владѣльцевъ земскихъ имѣній осталась въ прежней силѣ, но самое опредѣленіе случаевъ, когда въ такой службѣ предстояла необходимость, предоставлено самой же шляхтѣ, а не власти верховной; запрещеніе отчуждать земскія имѣнія отмѣнено или въ иныхъ случаяхъ значительно ослаблено, т. е. земля изъ государственной переходитъ въ полную частную собственность; въ

[1]) Разд. VIII, арт. 6, 8; VI, 22.
[2]) Разд. IX, 6; XII, 2.
[3]) Разд. XIII, арт. 2, 5.

поземельныхъ спорахъ господарь принимаетъ на себя обязательство подчиняться тѣмъ же самымъ правиламъ, какъ и частныя лица, и т. д. [1]). Соотвѣтственно тому, какъ шляхта узурпировала права верховной власти, старалась она и отдѣлиться возможно рѣзче и прочнѣе отъ прочихъ сословій, возможно полнѣе подчинить ихъ себѣ и возвысить собственное почотное достоинство. Права остальнаго населенія признаны и гарантированы лишь на столько, чтобы вопервыхъ не вызвать внезапною ломкою какого-либо общаго потрясенія, и вовторыхъ, насколько это вызывалось требованіями крайней необходимости или практическими удобствами въ интересахъ самого господствующаго сословія. Мы встрѣчаемъ во второмъ Статутѣ цѣлый рядъ постановленій »о вольностяхъ шляхецкихъ« (раздѣлъ III), о доказательствахъ шляхецкаго званія, объ ограниченіяхъ въ пользованіи шляхетствомъ, которымъ подвергался всякій занимавшійся ремесломъ или торговлею [2]), и о различныхъ преимуществавъ шляхты передъ простыми людьми. Укажемъ изъ послѣднихъ важнѣйшія въ сферѣ уголовнаго права, гдѣ, казалось бы, сословныя различія должны бы проявляться всего слабѣе. Въ этомъ отношеніи мы находимъ, что не только преступленіе противъ личности шляхтича или убытокъ, нанесенный его имуществу, наказывались гораздо строже, чѣмъ подобныя же дѣйствія во вредъ простому человѣку,—но что и за совершенно однородныя преступленія, и притомъ даже за

---

[1]) Разд. II, арт. 2; III, 33; VII, 1, 3, 4, 5; I, 16. Статьи о правѣ свободнаго распоряженія имѣніями нѣсколько противорѣчивы между собой: одна изъ нихъ (разд. VII, арт. 4) содержитъ въ себѣ ограниченіе, что продать можно только третью часть имѣнія, а остальныя двѣ трети только заставить; въ прочихъ же разрѣшается продажа имѣній въ ихъ полномъ составѣ.

[2]) Разд. III, арт. 16:.... »Толко бы ремесломъ, а ни шынкомъ се не живили и локтями не мѣрили.

такія, какъ воровство и убійство, шляхтичъ подвергался наказанію болѣе легкому и имѣлъ несравненно бо̀льшую вѣроятность избѣгнуть его вовсе. Такъ при обвиненіи въ воровствѣ шляхтича, не подтвержденномъ уликами, ему достаточно было присягнуть самому для доказательства своей невинности; если возникало противъ него новое такое же обвиненіе,—онъ присягалъ совмѣстно съ двумя своими свидѣтелями, въ третій разъ—съ шестью, и только въ четвертый разъ подвергался осужденію; простой же человѣкъ уже на первый разъ долженъ былъ присягать втроемъ, и былъ осуждаемъ при обвиненіи вторичномъ [1]). Если возникло обвиненіе на сельскаго урядника изъ оговора осужденными на смерть преступниками, то урядникъ—шляхтичъ пользовался и здѣсь тѣмъ же широкимъ правомъ очистительной присяги; нешляхтичъ даже и въ первый разъ долженъ былъ вознаграждать за происшедшіе отъ преступленія убытки, а при вторичномъ обвиненіи подвергался смертной казни [2]). Кража, совершенная несовершеннолѣтнимъ не считалась вообще уголовнымъ преступленіемъ: родители виновнаго вознаграждали убытокъ, а самъ онъ долженъ былъ отслужить такую же сумму; но и здѣсь, если дѣло касалось лица простого сословія, судъ могъ подвергать его наказанію по своему усмотрѣнію [3]). Въ случаѣ убійства шляхтича, происшедшаго въ дракѣ, виновный, кромѣ платежа головщины, подвергался еще довольно продолжительному тюремному заключенію, тогда какъ за хлопа наказаніе ограничивалось однимъ только денежнымъ взысканіемъ [4]). Если въ убійствѣ шляхтича было обвинено нѣсколько человѣкъ шляхтичей-же, то казни подвергался только

---

[1]) Разд. XIV, арт. 7, 17.
[2]) Тамъ же, арт. 16.
[3]) Тамъ же, арт. 8: »Врядъ маеть карати водле зданья своего«.
[4]) Разд. XI, арт. 26.

одинъ изъ нихъ, а наказаніе остальныхъ ограничивалось платежемъ головщины и тюремнымъ заключеніемъ; если же виновные были хлопы, то ихъ казнили всѣхъ, не свыше однако семи человѣкъ [1]). Такихъ и тому подобныхъ узаконеній весьма много въ статутѣ 1566 г., и тенденція ихъ: возвысить возможно больше шляхетскія привилегіи и вмѣстѣ съ тѣмъ гарантировать ихъ строгими карами отъ всякой попытки нарушенія— очевидна.

Измѣненія, внесенныя вторымъ Статутомъ въ опредѣленія юридическихъ условій быта низшихъ сословій, хотя и немногочисленны, но за то нерѣдко имѣютъ весьма существенное значеніе.

Что касается невольниковъ, то Статутъ 1566 г., повторяя прежнія ограниченія относительно обращенія въ рабство людей »выданныхъ«, недѣйствительности продажи въ неволю самого себя или дѣтей вовремя голода, и т. д., прибавляетъ, что невольникъ, купленный не-христіаниномъ, становится свободнымъ немедленно, безъ требовавшейся первымъ Статутомъ семилѣтней выслуги [2]). Другое важное постановленіе относительно смягченія рабства находимъ въ той статьѣ, по которой невольники—слуги не могли быть свидѣтелями въ пользу своихъ пановъ или противъ нихъ [3]): отсюда мы вправѣ заключать, что по отношенію къ постороннимъ лицамъ дворная челядь въ это время уже пользовалась правомъ свидѣтельства, наравнѣ съ другими людьми простого званія. Но рядомъ съ этимъ встрѣчаются правила, имѣющія на первый взглядъ про-

---

[1]) Въ статутѣ 1529 г. о такомъ различіи въ мѣрѣ наказанія ничего не упомянуто. См. разд. VII, арт. 8.

[2]) Разд. XII, арт. 5:.... »Естьлибы который зъ нихъ (жидъ, татаринъ и каждый бесурмянинъ) христіянина купилъ у вѣчную неволю, таковый пенези тратитъ, а тотъ хрестіянинъ маетъ воленъ быти«.

[2]) Разд. IV, арт. 53.

тивуположное стремленіе—обставить положеніе невольниковъ болѣе строгими условіями; такое видимое противорѣчіе позволяетъ съ полною достовѣрностью заключать, что эти послѣднія узаконенія не представляютъ собою въ сущности чего либо новаго, а только формулируютъ существовавшіе въ дѣйствительности и раньше обычаи. Такъ за невольниками не признается права на ихъ движимое имущество, которое они поэтому не могутъ и завѣщать [1]); на этомъ же основаніи они не могли быть и свидѣтелями чужихъ завѣщаній; равнымъ образомъ и владѣлецъ невольника не имѣлъ права оставить что либо изъ движимости по завѣщанію въ его пользу иначе, какъ предварительно отпустивши его тѣмъ же завѣщаніемъ на свободу [2]). Относительно выдачи бѣжавшихъ въ города невольниковъ опредѣлено, что на нихъ десятилѣтняя земская давность не распространяется [3]). Правила перваго Статута относительно увоза и передержательства чужихъ невольниковъ, а равно и относительно ихъ выдачи законному владѣльцу—остались въ своей силѣ, съ распространеніемъ и на нихъ постановленія о бѣглыхъ крестьянахъ, по которому передержатель уплачивалъ владѣльцу вознагражденіе за каждую потерянную для него недѣлю не-

---

[1]) Разд. VII, арт. I: »Ижъ подлѣ права не маютъ ничого вольного, для того тестаментомъ никому ничого отдати немогутъ.«

[2]) Тамъ же арт. 4, 5: »Невольнику своему, не вчинившы его напередъ вольнымъ, ничого тестаментомъ записати не можетъ, абы (ажъ бы) его первей вольнымъ учниилъ.«

[2]). П опервому Статуту, изъ сопостаноленія разд. VII, арт. 28, и разд. XI, арт. 9, можно бы думать, что къ невольнику относились тѣ же правила, что и къ засидѣлому кретьянину. Во второмъ же Статутѣ, разд. III, арт. 29, сказано: »Што се дотычеть челяди невольное, которые бы пришли до мѣстъ нашихъ, тымъ ани права майдеборского принятье, ани оселость, ани тежъ заседене десети лѣтъ ку помочы быти не маетъ, и повинны будуть войтове и державцы и врядники наши имъ выдавати.«

вольничьяго или крѣпостного труда. Въ этомъ отношеніи нелишены интереса цифровыя нормы, установленныя Статутомъ 1566 года: упомянутое только что вознагражденіе опредѣлялось по 6 грошей въ недѣлю, тогда какъ вознагражденіе отъ владѣльца лицу, задержавшему бѣглыхъ, за ихъ содержаніе, полагалось въ недѣлю только по 2 гроша, т. е. трудъ невольнаго человѣка оцѣнивался втрое выше того, что стоило хозяину содержать его [1]).

О закупняхъ въ Статутѣ 1566 г. упоминается только вскользь, что они, наравнѣ съ выданными людьми, должны отрабатывать свой долгъ, при чемъ сумма годичнаго »выпуска« опредѣлена одинаковая для тѣхъ и для другихъ: мужчинѣ полтина въ годъ, а женщинѣ полкопы, значительно больше прежняго, что́ объясняется общимъ возвышеніемъ цѣнъ въ этотъ промежутокъ времени [2]).

Положеніе собственно крестьянскаго сословія въ тѣсномъ смыслѣ получило также нѣсколько новыхъ законодательныхъ опредѣленій, касающихся частію имущественныхъ правъ крестьянъ, частію же степени значенія ихъ свидѣтельства на судѣ общемъ или участія въ копныхъ разбирательствахъ. Относительно имущества, Статутъ 1566 г. гарантируетъ за крестьянами право на движимость и дозволяетъ даже отчуждать по завѣщанію третью часть ея въ постороннія руки, помимо собственныхъ дѣтей; дѣти, или, при неимѣніи ихъ, землевладѣлецъ, сохраняли право на остальныя двѣ трети движимости, »ку слу-

---

[1]) Разд. IV, арт. 22; XIV, 29; XII, 10; XIII, 5.

[2]) Разд. XII, арт. 7. Въ статьѣ этой сказано, что дѣти лицъ, не успѣвшихъ отработать долга до самой своей смерти, не обязаны уже отслуживаться за своихъ родителей; но изъ дальнѣйшаго смысла самой статьи, а также изъ сопоставленія ея съ соотвѣтствующими статьями перваго и третьяго Статутовъ видно, что здѣсь частица *не* составляетъ ошибку—или рукописи, или редакціи »Временника«. См.—1529 г., разд. XI, арт. 7.—1588 г., разд. XII, арт. II.

жбѣ оного пана на чыей земли сѣдить«; но если дѣти умершаго крестьянина были по происхожденію вольными, а не отчичами, то они пользовались правомъ ухода со всѣмъ движимымъ имуществомъ, оставляя пану только постройки и хлѣбные посѣвы [1]). Опредѣляя такимъ образомъ права крестьянъ относительно движимости, законъ въ то же время начинаетъ строго преслѣдовать всякую попытку съ ихъ стороны получить участіе и въ землевладѣніи, которое и дѣлается только теперь, по выраженію г. Леонтовича, шляхетскою привилегіею. Такъ, повторяя почти буквально положеніе перваго Статута относительно опредѣленія права собственности на бортныя деревья, проданныя или отданныя крестьяниномъ въ приданное въ чужое село, Статутъ 1566 года добавляетъ слѣдующія знаменательныя слова: »И вжо *отъ того часу* хто бы съ подданыхъ нашихъ, князскихъ, панскихъ и земянскихъ дерево бортное за границу пановъ своихъ отдавалъ, даровалъ и якимъ кольвекъ обычаемъ въ чужіе руки заводилъ, *таковый маетъ горломъ каранъ быти.*« [2]).

Въ качествѣ свидѣтелей крестьяне допускались въ довольно многихъ случаяхъ, какъ по дѣламъ имущественнымъ, такъ и по уголовнымъ. Кромѣ свидѣтельства въ дѣлахъ, возникающихъ изъ споровъ о границахъ имѣній, о потравахъ, порубкахъ и т. под., сопоставленіе 1, 5 и 3 артикуловъ VIII раздѣла приводитъ къ заключенію, что крестьяне не были лишены и права быть свидѣтелями завѣщаній, совершаемыхъ шляхтичами. Крестьяне и вообще не поименованы въ числѣ лицъ недопускаемыхъ ко свидѣтельству, такъ что они могли даже быть свидѣтелями за и противъ своихъ владѣльцевъ [3]); если

[1]) Разд. VIII, арт. 5: «Только землю мають пану своему подати и съ жытомъ засѣянымъ, и съ хоромами, съ тымъ всимъ, съ чымъ будеть тую землю пана своего на службу взялъ.«

[3]) Разд. X, арт. 6.

[2]) Разд. IV, арт. 53.

которая либо сторона отводила свидѣтелей противника, подъ предлогомъ ихъ недобросовѣстности, но такое обвиненіе оказывалось несостоятельнымъ, то свидѣтель крестьянинъ имѣлъ право, такъ же какъ и шляхтичъ, получить отъ своего обвинителя вознагражденіе, навязку, такъ какъ будто бы онъ былъ раненъ [1]). Крестьянъ дозволялось приглашать и въ качествѣ »стороны, людей добрыхъ«, т. е. понятыхъ, при осмотрѣ слѣдовъ наѣзда или другихъ насилій, не исключая убійства, если не случалось на тотъ разъ шляхтичей [2]).

Копному суду и во второмъ Статутѣ придается то же преимущественное значеніе разбирательства на мѣстѣ (condescensio, judicium condescensoriale [3]), но область дѣйствій его нѣсколько расширена, сравнительно со Статутомъ 1529 г. Такъ, кромѣ присужденія убытковъ за порубки и потравы, копѣ подчинено разбирательство о воровствѣ пчолъ, причомъ ей предоставлено вора, пойманнаго съ поличнымъ, присуждать къ смертной казни [4]).—Если виновный не платилъ присужденнаго копою взысканія за убытки, то урядъ обязанъ былъ взыскать съ него вдвое [5]).—Въ случаѣ кражи скота и т. под., если можно было прослѣдить взятое воромъ направленіе, копа отправлялась по слѣду, а жители тѣхъ мѣстъ, куда приводилъ слѣдъ, обязаны были отводить его дальше; если же они отъ этого отказывались, то копа присуждала ихъ къ уплатѣ ею же оцѣнен-

---

[1]) Разд. IX, арт. 4.

[2]) Разд. XI, арт. 2: «Кгвалтъ и того забитого..... въ недостатку шляхты, ино околичнымъ сосѣдомъ своимъ, хотя и не шляхтѣ, только людемъ добрымъ вѣры годнымъ маетъ оказати.«

[3]) См. разд. IX, арт. 2: »*Рокъ ку граниченью и всякой копе судомъ положоный*«; тамже, арт. 8: »*копу вести о грунтъ земный*«.

[4]) Разд. X, арт. 14.

[5]) Разд. XIII, арт. 2.

ныхъ убытковъ [1].—Наконецъ копѣ же поручалось и разслѣдованіе о найденныхъ убитыми неизвѣстныхъ людяхъ; въ подобныхъ случаяхъ, если не открывалось никакихъ слѣдовъ преступленія, копа собиралась вторично, а въ третій разъ, на »присяжной копѣ«, всѣ члены копнаго суда обязаны были присягать, что они и сами невиноваты въ убійствѣ, и преступникъ имъ неизвѣстенъ; если же представители котораго нибудь села не являлись на присяжную копу или отказывались принять очистительную присягу, то должны были сами платить головщину за убитаго. [2].

Постановленія о подсудности самихъ крестьянъ, о порядкѣ требованія ихъ къ суду, взысканій и проч. остались и во второмъ Статутѣ безъ измѣненій, равно какъ и законъ о крестьянскихъ повинностяхъ. Изъ новыхъ заслуживаетъ вниманія только то правило, по которому обремененіе крестьянъ излишними поборами считалось разносильнымъ разоренію имѣнія [3]).

Между прочими »людьми простого стану« во второмъ Статутѣ является разрядъ, ранѣе неупоминаемый, именно »панцырные слуги« или, по другимъ памятникамъ, »панцырные бояре«; цифра головщины показываетъ, что они считались выше всѣхъ другихъ простыхъ зависимыхъ людей [4]). Статутъ же даетъ возможность объяснить и ихъ происхожденіе. При раздачѣ великими князьями шляхтѣ населенныхъ имѣній, производившейся Жигимонтами Старымъ и Августомъ весьма щедрою рукою,

---

1) Разд. XIV, арт. 6.
2) Разд. XI, арт. 31.
3) Разд. V, арт. 10. »А вѣдь же утрата отъ нее (т. е. вдовы, владѣющей имѣніемъ своихъ дѣтей) на именьяхъ иншая не можетъ ее показовати, одно естли бы непобожными податками, винами, серебщизнами людей у въ оныхъ именьяхъ обтяжала, гумна и иные статки домовые нерядне роспрашала«, и т. д.
4) Разд. XII, арт. 1.

случалось нерѣдко, что въ числѣ жителей этихъ имѣній были мелкіе, но самостоятельные, феодальные землевладѣльцы, бояре, иногда даже получившіе королевское подтвержденіе на земли, т. е. подтвержденіе шляхетскаго ихъ званія. Новый владѣлецъ, которому жаловалось такое имѣніе, естественно считалъ себя исключительнымъ собственникомъ всей земли, игнорируя права фактическихъ ея владѣльцевъ; если послѣдніе были шляхтичи и имѣли королевскія жалованныя грамоты на землю, то съ ними или приходилось вступать въ соглашенія, или же, дѣйствуя силою, наживать хлопотливые и дорого стоющіе процессы. Вѣроятно, эти то неудобства, въ соединеніи съ принципіальнымъ стремленіемъ шляхты обезпечить гдѣ только возможно достоинство своего сословія, и побудили шляхтичей заявить требованіе, чтобы король отказался отъ права раздавать имѣнія, въ которыхъ живутъ бояре—шляхта; требованіе это было удовлетворено, однако съ оговоркой, что королевскій отказъ не касается тѣхъ имѣній, живущіе въ которыхъ бояре, хотя и выслужили свои земли отъ прежнихъ державцевъ, но не получили на нихъ подтвержденія отъ господаря [1]). Вотъ этотъ-то разрядъ населенія, попадая, путемъ пожалованія, подъ власть частнаго лица, терялъ вмѣстѣ съ правомъ землевладѣнія и личную независимость и, будучи еще недавно равноправенъ съ своимъ новымъ паномъ, мало по малу обращался въ его крѣпостныхъ, сохраненіе за которыми имени бояръ и сопряжонныхъ съ нимъ преимуществъ зависѣло на будущее время только отъ благоусмотрѣнія владѣльца Разложеніе феодальнаго строя Литовской Руси и сближеніе ея съ Польшею, знавшей только два сословія, шляхту и нешляхту, неминуемо должно было провести новую пограничную черту, такъ сказать, по живому тѣлу

[1]) Разд. III, арт. 4.

среднихъ разрядовъ населенія, и тяжеле всего, конечно, отозвалось на тѣхъ, кого обстоятельства и случай бросили книзу отъ этой черты.

Въ промежутокъ времени между изданіемъ второго и третьяго Статута утверждено наконецъ юридически полное объединеніе Литовской Руси съ Польшею, причемъ нынѣшняя Юго-западная Россія причислена къ послѣдней, сохранивши впрочемъ за собою право судиться по законамъ Литвы; на законодательство это Люблинская унія оказала мало вліянія, такъ какъ оно раньше уже видоизмѣнилось въ томъ же направленіи, и потому Статутъ 1588 г. содержитъ менѣе существенныхъ различій отъ предъидущаго, чѣмъ этотъ послѣдній отъ кодекса 1529 года; онъ скорѣе представляетъ только дальнѣйшее развитіе тѣхъ же самыхъ началъ, какія были уже проведены и во второмъ Статутѣ. Поэтому мы и ограничимся здѣсь однимъ указаніемъ важнѣйшихъ постановленій, вносившихъ что либо новое въ бытъ низшихъ сословій.

Сословія эти—оставляя въ сторонѣ мѣщанъ городовъ съ магдебургскимъ правомъ—настолько уже объединились въ своемъ подчиненномъ и малоправномъ положеніи, что выдѣлять изъ среды ихъ еще болѣе безправный класъ невольниковъ не представлялось никакой надобности; это обстоятельство, а частію также, безъ сомнѣнія, и поверхностное вліяніе европейскихъ идей той эпохи, побудило шляхту исключить изъ своихъ законовъ самое имя невольниковъ, оставляя его только въ примѣненіи къ военноплѣннымъ, которыхъ впрочемъ третій Статутъ тоже предпочитаетъ называть »полонениками« Но отмѣняя названіе, законъ нисколько не измѣнилъ сущности дѣла: всѣ прежнія постановленія о невольной челяди, теперь называемой

уже »дворною«, остались въ своей силѣ; все такъ же челядники лишены права завѣщать или получать по завѣщанію какую либо движимость, не могутъ быть свидѣтелями, и подлежатъ тому же порядку выдачи въ случаѣ бѣгства [1]. Конечно, тѣ изъ этихъ правилъ, которыя составляли отличіе невольниковъ отъ отчичей, пользовавшихся, напримѣръ, правомъ завѣщанія части движимости, правомъ свидѣтельства въ нѣкоторыхъ дѣлахъ и т. под., должны были постепенно выйти изъ употребленія, такъ какъ на будущее время челядь зачисляется въ разрядъ крестьянъ отчичей, съ поселеніемъ ея на земельныхъ участкахъ [2]. Отсюда видно, что главной характеристической чертой быта отчичей и вообще «подданыхъ», было пріуроченіе ихъ къ земледѣлію и пользованіе полевыми угодьями [3]. Естественно, что и отчужденіе ихъ происходило только вмѣстѣ съ землею, и ошибочно мнѣніе тѣхъ, кто полагаетъ, что уже въ ту эпоху допускалась продажа крестьянъ безъ земли; яснѣе всего это доказывается запрещеніемъ передавать даже невольную челядь отдѣльно отъ имѣнія, котораго она считалась неотъемлемою принадлежностью; продажа людей безъ земли могла установиться никакъ не ранѣе конца XVI столѣтія, когда крестьяне, слитые

---

[1] Разд. XIV, арт. 36: »Ижъ што людей и челядь, которые предъ тымъ невольниками были званы, отъменено назвиско и поменено а написано ихъ челедью дворною або полонениками, тогды тое *отмененье назвиска ихъ*, часу права, на кождомъ вряде, кгды бы хто своеї челяди невольное поискивалъ, никому съ подданыхъ нашихъ до ужыванья и до важенья справедливости *ничого шкодити и перешкажати не маетъ*«. См. также разд. IX, арт. 78; VIII, 1, 5, 8; XII, 14—20

[2] Разд. XII, арт. 21: »Челядь невольная и тежъ дети потомъки полонениковъ *маютъ быти осаживаны на земляхъ и розумены быти за отчичовъ*«.

[3] Иногда челядь пользовалась землями и въ болѣе раннюю эпоху. См. настоящій томъ № VII, стр. 11—12, годъ 1542.—Акты Зап. Рос., II, № 159, годъ 1529.

почти всѣ въ одинъ безправный разрядъ, окончательно подчинены частному праву владѣльцевъ [1]).

---

[1]) Г. Леонтовичъ, «Крестьяне югозападной Россіи» стр. 15, говоритъ, что »въ послѣднемъ Статутѣ встрѣчаемъ дозволеніе продажи безъ земли бѣглыхъ людей, откуда вообще развилось право продажи крестьянъ не только съ землею, но и безъ земли«. Но разд. XII, арт. 14, на который онъ ссылается, говоритъ вовсе не о продажѣ, а только о томъ случаѣ, когда пребываніе бѣглыхъ въ чьемъ либо имѣніи было доказано, но ко времени суда ихъ не оказывалось на лицо; тогда владѣлецъ этого имѣнія обязывался заплатить истцу, кромѣ убытковъ, еще и головщину за бѣглецовъ, а самъ получалъ право разыскивать ихъ, какъ своихъ, и владѣть ими; вотъ въ этомъ—то случаѣ первоначальный владѣлецъ бѣжавшихъ людей имѣлъ право, до истеченія четырехлѣтняго срока, возвратить полученную за нихъ головщину, а ихъ взять обратно къ себѣ.—Далѣе г. Леонтовичъ приводитъ выраженія перваго Статута о пожалованіи, присвоеніи и отчужденіи людей *или* земель (тамже, и стр. 25) и замѣчаетъ: »Здѣсь говорится, очевидно, о пріобрѣтеніи людей отдѣльно отъ земли«. Но внимательное изслѣдованіе памятниковъ показываетъ съ гораздо большей очевидностію, что подъ словомъ *люди* именно подразумѣвалась обыкновенно и занимаемая ими земля, и что такое выраженіе употреблялось для отличія отъ земель незаселенныхъ »пустовскихъ«. Такъ, при пожалованіяхъ людей безъ упоминанія о землѣ, нерѣдко говорится объ ихъ дани, особенно медовой, что указываетъ на пользованіе ихъ земельными угодьями. См. напр. Акты Зап. Рос., I, стр. 133.—Настоящій томъ, № I, стр. 1, № IX, в), стр 6. Слово люди употреблялось иногда какъ синонимъ земли (заселенной): см. напр. въ Статутѣ 1566 г., разд. VI, арт. 8, гдѣ въ заголовкѣ сказано *»имѣнье або землю,«* а въ самомъ текстѣ—„имѣнье або *люди*".—О неотчужденіи безъ земли *челяди* см. первый Статутъ, разд. IV, арт. 1, гдѣ дозволяется мужу записывать женѣ въ вѣно только третью часть дворной челяди, „*бо то не естъ рѣчь рухомая, але при имѣньи лежачое.*" Тоже и въ Статутѣ 1566 г., разд. V, арт. 2; Ст. 1588 г. V, 8. Право продажи безъ земли скорѣе можно видѣть въ законѣ о продажѣ въ голодное время: 1529 года, арт. XI, разд. 11.—1566 г., XII, 11.—А Статутъ 1588 г., XII, 19, расширяетъ такое право на продажу вообще: »хто челядь свою невольную будь въ голодъ, *або зъ якихъ кольвекъ причинъ* продалъ, дле продажи маетъ вечне держана быти«.

Положеніе закупней и людей выданныхъ третьимъ Статутомъ нѣсколько облегчено: постановлено, что «выслуга» ихъ у нехристіанъ не можетъ продолжаться болѣе семи лѣтъ, въ какой бы суммѣ у нихъ не заложились или были выданы; что касается христіанъ, то у нихъ нужно было отрабатываться до конца, но если закладень умиралъ ранѣе окончательнаго расчота съ кредиторомъ, то дѣти его обязаны были служить за него тоже не дольше семилѣтняго срока; въ обоихъ случаяхъ кредиторы обязаны были давать закупнямъ одежду и пищу [1]).

Въ отношеніи собственно крестьянскаго сословія, въ составъ котораго теперь прямо зачисляются и бояре, какъ путные, такъ и панцырные, произошли также нѣкоторыя измѣнененія. Законъ, стремясь все къ большему изолированію шляхты отъ простыхъ людей, ввелъ новыя гарантіи сохраненія землевладѣнія исключительно за нею; опредѣляя, что на выкупъ заставленнаго имѣнія давности нѣтъ, онъ постановляетъ также, что если бы человѣку простого званія случилось пріобрѣсти землю, принадлежавшую прежде шляхтичу, то подобное же правило распространяется и на нее, т. е. родственники прежняго владѣльца могутъ ее выкупить по опредѣленнымъ въ Статутѣ цѣнамъ и не взирая на земскую давность [2]). Правило о запрещеніи закупать земли крестьянъ распространено и на боярскіе участки, и снова подтверждено запрещеніе крестьянамъ отчуждать какимъ бы то ни было образомъ бортныя деревья [3]).

---

[1]) Разд. XII, арт. 9, 11. Годичный отработокъ положенъ въ рубль мужчинѣ, и копу грошей женщинѣ; но для выданныхъ за навязку малозначительнаго воровства онъ опредѣленъ нѣсколько меньше, именно мужчинѣ въ копу, а женщинѣ въ 50 грошей. разд. XIV, арт. 7.

[2]) Разд. VII, арт. 12.—III, 26.

[3]) Разд. IX, арт. 27.—X, 6.

Исключительное право на пользованіе повинностями крестьянъ утверждено за шляхтою еще въ большей мѣрѣ чѣмъ прежде: сверхъ предоставленныхъ ранѣе льготъ, Статутъ 1588 года освобождаетъ крестьянъ частнаго владѣнія и отъ тѣхъ повинностей въ пользу государства, какія лежали еще на нихъ по первымъ двумъ Статутамъ, т. е. отъ обязанности устраивать и подчинять мосты, поддерживать и возобновлять замки, давать посламъ и королевскимъ гонцамъ «стаціи» и т. под. [1]).

Подсудность крестьянъ законъ все болѣе устраняетъ отъ себя, такъ что наконецъ они теряютъ всякое право самостоятельнаго дѣйствія въ судѣ, гдѣ представителемъ ихъ являлся одинъ только владѣлецъ; по Статуту позвы должны были быть писаны непремѣнно отъ имени послѣдняго, хотя крестьяне могли въ менѣе важныхъ дѣлахъ участвовать въ разбирательствѣ и сами; позднѣе отмѣнено и это право, и крестьяне могли являться въ судъ не иначе, какъ «cum assistentia» своего пана.—Наказаніе за продажу въ чужое село бортей, за что по второму Статуту полагалась смертная казнь, теперь предоставлено усмотрѣнію самого владѣльца [2]).—Въ пользу крестьянъ клонится, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, одно важное постановленіе, по которому шляхтичъ въ извѣстныхъ случаяхъ могъ быть казненъ смертью за убійство крестьянина; но самая редакція этого закона, исполненная оговорокъ, и условія, какими обставлена была возможность его примѣненія, должны были парализировать его силу и дѣлать выполненіе его если не совсѣмъ невозможнымъ, то до крайности затруднительнымъ такъ что въ извѣстныхъ намъ до сихъ поръ памятникахъ не находимъ ни одного подобнаго примѣра [3]).

[1]) Разд. III, арт. 29.

[2]) Разд. IV, арт. 102.—X, 6: „Маеть панъ его карати водлугъ важности выступу".

[3]) Разд. XII, арт. 1: „Повстегаючи своволенства и зуфальства

А рядомъ съ этимъ шло новое увеличеніе строгости наказанія за убійство шляхтича простыми людьми: казни подвергались, въ случаѣ предумышленнаго убійства, не семь только человѣкъ изъ числа многихъ виновныхъ, а *всѣ*, какъ бы велико ни было ихъ число [1]).

Въ отношеніи права крестьянъ быть свидѣтелями, введены два ограниченія: вопервыхъ, крестьянамъ, какъ прежде невольникамъ, запрещено свидѣтельствовать за или противъ своихъ пановъ; и во вторыхъ, постановлено, что свидѣтелями шляхетскаго завѣщанія, даже совершаемаго въ дорогѣ или во время военнаго похода, должны быть непремѣнно шляхтичи же [2]).

Судебная власть общины, въ формѣ копнаго разбирательства, не только не расширилась, но замѣтно даже противоположное стремленіе—свести ее на простое производство дозна-

---

людские,.... уставуемъ, если бы который шляхтичъ *зъ зухвалъства, зъ опилства, и безъ данья причины, своволъне*, умысльне легце поважаючи право посполитое, а паствечися надъ створеньемъ божимъ, чоловека простого стану не шляхтича забилъ, *а былъ бы пойманъ на гарячомъ учинку,* таковый шляхтичъ *за слушнымъ доводомъ* маеть быти горломъ каранъ кромъ головщизны. Ведъже доводъ на шляхтича въ такой речи не инакшій быти масть, толко если его сторона жалобная при забитомъ *зъ шестьма светками* зъ людьми добрыми веры годными и не подозреными *самъ семый поприсягнеть*, межи которыми шестьма *светки маютъ быти два шляхтичи* веры годные и не подозреные". При недостаткѣ котораго либо изъ указанныхъ условій, шляхтичъ могъ принять очистительную присягу съ *тремя* свидѣтелями, *хотя бы и нешляхтою*, и тогда платилъ только головщину; если же онъ присягалъ въ томъ, что убитый самъ первый началъ драку, то *совершенно освобождался отъ суда.*

[1]) Разд. XI, арт. 39: „Естлибы *люди простого стану*, бояре панцерные, путные, мещане або люди тяглые, забили шляхтича або шляхтянку, тогды *колко ихъ будетъ обвинено, маютъ вси горломъ карани быти*". Исключеніе сдѣлано для убійства въ обоюдной дракѣ, за которое подвергается казни не свыше трехъ человѣкъ.

[2]) Разд. IV, арт. 78: „Не маютъ светчити слуги и подданые за пановъ, ани тежъ противъ пановъ".—VIII, 4.

нія или разслѣдованія и вмѣстѣ съ тѣмъ подчинить ее вмѣшательству правительственныхъ властей. Такъ въ третьемъ Статутѣ вовсе не упоминается о правѣ копы опредѣлять наказаніе за воровство; на присяжную копу по дѣлу о найденномъ убитымъ неизвѣстномъ человѣкѣ представители окрестныхъ поселеній выбирались по назначенію уряда и призывались черезъ вознаго или шли по приказанію владѣльцевъ [1]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, находя въ копахъ удобный и дешовый судебный органъ, Статутъ расширяетъ область ихъ дѣйствія въ территоріальномъ отношеніи, вводя ихъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ передъ тѣмъ онѣ не были въ употребленіи [2]). Ниже мы увидимъ, что на самомъ дѣлѣ община постоянно стремилась выйти—и выходила—изъ той узкой сферы дѣйствій въ области суда, какую опредѣлялъ для нея законъ.

Приравнивая дворную челядь къ отчичамъ, положеніе которыхъ понизилось къ тому времени почти до того же уровня, шляхта, въ своихъ нивеллизаторскихъ стремленіяхъ, не могла не обратить вниманія на средства привести къ тому же знаменателю и прочіе разряды простыхъ людей, стоявшіе выше. Мы уже видѣли, какимъ путемъ попали въ частную зависимость мелкіе бояре, которыхъ третій Статутъ помѣщаетъ уже въ чи-

---

[1]) Разд. VI, арт. 26: „Третюю копу присяжную *маеть врядъ собрати....., а врядъ маетъ* зъ местечокъ и зъ селъ околичныхъ *по три человѣка старѣшыхъ*, яко войтовъ, лавниковъ и иныхъ мужовъ добрыхъ вѣры годныхъ *до присяги обрати*“.

[2]) „Разд. XIV, арт. 9: „На Руси и инде, где здавна копы бывали, тамъ маютъ быти и теперъ копы отправованы на старыхъ коповищахъ, тымъ обычаемъ, яко первей того бывало.—*Где* до сихъ местъ *копы не бывали, коповища* каждый *подкоморий* въ повете своемъ *назначити и села тыхъ, хто ся тамъ становити будетъ, описати маетъ.—Где доселъ копы не бывали, таковымъ же порядкомъ и поступкомъ копы збираны и отправованы быти маютъ, вко ся на Руси заховывало и заховуетъ*“.

слѣ отчизныхъ людей, т. е. крѣпостныхъ [1]). Оставался затѣмъ классъ людей вольныхъ, похожихъ, вѣроятно въ то время еще многочисленный, и къ его постепенному закрѣпощенію были приняты слѣдующія мѣры: постановлено, что если похожій проживалъ въ имѣніи одного и того же владѣльца десятилѣтній срокъ, то онъ лишался права свободнаго выхода, а долженъ былъ, кромѣ возврата полученной при первоначальномъ поселеніи ссуды, откупиться еще отъ службы десятью копами грошей, т. е. уплатить сумму, равную половинѣ стоимости, по Статуту, «службы людей», т. е. крестьянскаго хозяйства съ находящимися въ его пользованіи землями. Если принять во вниманіе такую непомѣрную высоту окупа, а съ другой стороны распространенность обычая брать «запоможенье» для перваго обзаведенія [2]), и то наконецъ обстоятельство, что крестьянинъ не могъ и помышлять о выходѣ, пока не отработалъ пану столько же времени, сколько просидѣлъ на волѣ,—а послѣдняя очень часто превышала пятилѣтній срокъ,—то станетъ вполнѣ понятно, что закрѣпощеніе посредствомъ давности поселенія должно было сильно и быстро повліять на сокращеніе числа вольныхъ людей, которые въ болѣе позднее время упоминаются уже только въ рѣдкихъ случаяхъ [3]).

Такимъ образомъ, съ Люблинской уніей и изданіемъ Статута 1588 года, завершилось почти окончательно объединеніе правъ, съ одной стороны шляхтичей между собою, съ другой—различныхъ разрядовъ крестьянъ,—если только условія быта, въ какія были поставлены послѣдніе, могутъ быть названы безъ ироніи *правами*. Дальнѣйшій ходъ законодательства о крестьянахъ касался ихъ уже только какъ шляхетскаго имущества,

[1]) Разд. XII, арт. 12; ср. IV, 31, 48; IX, 28.
[2]) Вил. Арх. Сб., т. I, стр. 45, 149.
[3]) Разд. XII, арт. 13—VII, 8—IX, 29,

опредѣляя подробности судопроизводства о выдачѣ бѣглыхъ, взысканій по этому предмету, и т. под. Содержаніе этихъ постановленій, до самого конца XVII вѣка, съ достаточной подробностью изложено г. Антоновичемъ, а потому и приводить ихъ здѣсь не будемъ [1]).

Разсмотрѣвши здѣсь содержаніе постановленій Статутовъ о крестьянахъ, въ ихъ послѣдовательномъ развитіи, въ заключеніе находимъ необходимымъ, чтобы показать *относительное* значеніе простыхъ людей разнаго наименованія, *по взглядамъ самой шляхты*, привести цифры головщины, опредѣляемой за нихъ каждымъ Статутомъ [2]).

	1529 г.	1566 г.	1588 г.
Панцырный слуга или бояринъ	—	50 копъ	60 копъ
Путный - - - - - - -	12 рубл.	30 к.	50 к.
Бортникъ - - - - - -	8 р.	25 к.	40 к
Тивунъ, ключникъ и т. под	12 р.	40 к.	40 к.
Тоже, изъ невольниковъ	10 копъ	20 к.	20 к.
Ремесл. вольный или невольн.	12 р.	20 и 30 к., смотря по ремеслу	30 к.
Тяглый крестьянинъ- -	10 копъ	20 к.	25 к.
Невольникъ или челядникъ	5 к.	10 к.	20 к.
Невольница - - - - - -	5 к.	20 к.	?
Мѣщане въ гор. съ нѣм. правомъ:			
Войтъ, бурмистръ, лавн. и писарь	—	—	50 к.
Заурядный мѣщанинъ - -	—	—	30 к.

1) См. Антоновичъ, Изслѣдованіе о крестьянахъ, стр. 27—29, въ Архивѣ Ю.—З. Россіи, ч. VI, т. II.

2) Статутъ 1529 г. разд. XI, арт. 1—4.—1566 года, разд. XII, арт. 1—3, 6.—1588 года, разд. XII, арт. 3—6, 10.—Ср. также цифры „навязокъ". Лицамъ женскаго пола, кромѣ шинкарокъ, какъ головщина, такъ и навязки опредѣлялись *совито*,—т. е. вдвое противъ мужчинъ того же званія.

Въ непривеллигир. город. урядники	—		30к.
Простой мѣщанинъ - - - —	—		24 к.
Шинкарка - - - - - - - —	—		20 к.
Невоенный татаринъ- - - —	12 конъ		12 к.

Обратимся теперь къ дѣйствительной жизни, и постараемся опредѣлить,—на сколько позволяютъ помѣщенныя въ настоящемъ томѣ акты, въ какой мѣрѣ выполнялись на дѣлѣ теоретическія требованія Статутоваго законодательства. При этомъ, въ виду продолжительности подлежащей разсмотрѣнію эпохи, необходимо для ясности изложенія обозначить какой-либо разграничительный предѣлъ внутри ея, какимъ предѣломъ, по нашему мнѣнію, можетъ служить половина XVIII столѣтія, эпохи возстаній, оказавшихъ въ концѣ концовъ громадное вліяніе на всѣ стороны быта Польскаго государства и на его дальнѣйшую политическую судьбу.

Въ настоящемъ томѣ [1]) находимъ примѣры жалованныхъ грамотъ частныхъ владѣльцевъ въ пользу своихъ слугъ и даже крестьянъ, переименовываемыхъ въ бояре, на поземельное владѣніе. Грамоты эти совершенно сходны съ такими же пожалованіями государей нѣсколько болѣе ранняго времени, когда они, сохраняя еще за собою право общаго землевладѣнія и дорожа имъ, оставляли за собою и право выкупа жалуемыхъ земель; точно также, когда землевладѣніе всецѣло перешло къ шляхтѣ, она, употребляя тотъ же пріемъ для вознагражденія своихъ слугъ, ревностно заботилась о сохраненіи недвижимой собственности въ своихъ рукахъ. Сходство это выступаетъ еще яснѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда пожалованіемъ обуслов-

[1]) Изобиліе матеріала заставляетъ насъ ограничиться на этотъ разъ почти исключительно обзоромъ однихъ только нынѣ издаваемыхъ актовъ.

ливалась и повинность военной службы [1]); иногда пожалованіе представляетъ собою только подтвержденіе права на владѣніе, доставшееся по наслѣдству [2]); при надѣленіи боярскою землею, получающій ее освобождается отъ всякхъ иныхъ повинностей, кромѣ собственно боярской: ѣздить съ паномъ и возить его письма; такимъ образомъ и здѣсь проявляется намѣченный нами выше (стр. 24—25) принципъ пріуроченія повинности къ землѣ, а не къ лицу [3]). Приведенныя пожалованія, съ гарантіею прочности владѣнія, обезпеченіемъ уплаты вознагражденія за ихъ отнятіе и оговореннымъ правомъ свободнаго перехода,—относятся исключительно къ лицамъ свободнаго состоянія; что же касается зависимыхъ крестьянъ, то ихъ пользованіе землею не было обезпечено нисколько, и даже обычай, поддерживавшій нѣсколько его прочность, постепенно терялъ свою силу; такъ уже въ 1592 г. встрѣчаемъ примѣръ крайне произвольнаго распоряженія крестьянскими землями. Князь Григорій Сангушко отдалъ въ заставу имѣнія свои во Владимирскомъ повѣтѣ, Мѣзово, Ворокомлю и другія, Луцкому епископу Кирилу Терлецкому; это не мѣшало ему вмѣшиваться во внутренній бытъ этихъ селъ черезъ посредство своего арендатора еврея Песаха, которому онъ и выдалъ довѣренность на право суда надъ крестьянами означенныхъ имѣній; Песахъ, между прочими дѣлами, разбиралъ споры и о земляхъ, отнялъ у одной вдовы ея участокъ и отдалъ его другимъ крестьянамъ, взявши съ нихъ взятку, а князь Сангушко подтвердилъ его рѣшеніе [4])

---

[1]) См, № LXII, стр. 166

[2]) № XXII, стр. 55.

[3]) № XXXIV. стр. 91.

[4]) «Кгрунтъ мой увесь, съ чого есми по смерти мужа своего служила и платъ платила, отъ мене поотнималъ и другимъ людемъ,

Привлекая и удерживая при себѣ слугъ свободнаго состоянія посредствомъ различныхъ милостей, паны, особенно болѣе могущественные, не прочь были подчасъ и совсѣмъ закрѣпить ихъ за собою. Такъ напримѣръ, князь Янушъ Острожскій, Краковскій каштелянъ, нанявши въ свою службу отрядъ Литовскихъ Татаръ, по окончаніи срока службы хотѣлъ оставить ихъ навсегда за собою, и съ этой, вѣроятно, цѣлью замѣшалъ ихъ въ какой-то процессъ, который онъ завелъ съ родственникомъ своимъ, княземъ Павломъ—Янушемъ. »Насъ княжа его милость отпустити не хотелъ, жалуются наконецъ, по чьему-то совѣту, Татары на судѣ,—*хотечи насъ, людей волныхъ собе заневолить*; намъ тежъ, яко людемъ волнымъ, вдаватися въ неволю не годило.» Но привела ли жалоба къ благопріятнымъ для Татаръ послѣдствіямъ,—мы не знаемъ [1]). Въ другомъ случаѣ помѣщикъ, продавая имѣніе, включаетъ кстати въ списокъ крестьянъ и живущаго по сосѣдству королевскаго боярина, которому только съ большимъ трудомъ удается избѣгнуть закрѣпощенія [2]).

Выдача за преступленіе, какъ источникъ зависимаго состоянія, встрѣчается сравнительно рѣдко; въ настоящихъ актахъ мы имѣемъ только одинъ примѣръ выдачи еврею шляхетскаго слуги, не имѣвшаго чѣмъ заплатить навязки за нанесенную имъ рану [3]). Рядомъ съ этимъ является весьма интересная форма сдѣлки между виновными и истцомъ, основанной очевидно на обычаѣ, такъ какъ писанное право ничего подобнаго не установляетъ, и она даже ему отчасти противорѣчитъ. Помѣщичій крестьянинъ, пойманный на мѣстѣ воров-

суседомъ моимъ, *за поклономъ* поотдавалъ, и съ маетности рухомой зобралъ мя». № LXXV, стр. 219.

[1]) № CXXI, стр. 397.

[2]) № LXXI, стр. 208.

[3]) № XLI, стр. 106.

ства, былъ отведенъ въ судъ и, конечно, подвергнулся бы смертной казни, если бы его не отпросили у истца какія-то почотныя лица (люди зацные); тогда воръ, вмѣстѣ со своимъ отчимомъ, сдѣлали на судѣ заявленіе, что они обязываются не нарушать ни въ чомъ интересовъ истца, а если бы случился какой либо вредъ самому истцу или его крестьянамъ по ихъ винѣ или въ связи съ высказанными ими угрозами, то они предоставляютъ истцу право казнить ихъ безъ суда и вознаградить убытки изъ ихъ имущества, причемъ они отказываются напередъ отъ права прибѣгнуть къ защитѣ своего помѣщика. Подобныя записи, которыми одно лицо предоставляетъ другому право жизни и смерти надъ собою въ случаѣ совершенія извѣстнаго поступка, не противорѣчатъ, положимъ, общему духу законодательства, основаннаго на частномъ правѣ; но по буквальному смыслу закона онѣ непремѣнно должны были считаться ничтожными, если воспрещалось и менѣе широкое распоряженіе своею личностью, какъ отдача самого себя въ вѣчное рабство (актъ относится къ 1587 году); съ другой стороны, здѣсь крестьяне совершаютъ такое важное обязательство сами отъ себя, безъ вѣдома помѣщика, тогда какъ законъ не дозволялъ имъ «закупиться» или же заставить клочокъ земли безъ этого условія; наконецъ, тѣ же крестьяне присвоиваютъ себѣ право арбитрально отстранить возможное въ будущемъ вмѣшательство въ ихъ дѣло помѣщика. Вліяніе въ данномъ случаѣ *обычного* права станетъ еще яснѣе, если обратимъ вниманіе, что истецъ на этотъ разъ принадлежалъ къ числу околичныхъ шляхтичей (Щеніевскій), которые и въ гораздо болѣе позднее время руководились чаще обычаями, чѣмъ офиціально утвержденнымъ закономъ [1].

---

[1]) № LX, стр. 158.

Точно такъ же несогласно со Статутами рѣшались иногда и дѣла объ убійствѣ крестьянами шляхтича или обратно; жизнь и здѣсь смягчала суровость закона. Такъ, въ одномъ случаѣ, помѣщичьи крестьяне, убившіе шляхтича и изранившіе другого слугу, не были казнены, а наказаны только платежемъ головщины и навязки, очевидно по заступничеству своихъ владѣльцевъ, на имя которыхъ и совершена мировая сдѣлка по этому предмету [1]; въ другомъ случаѣ панскій слуга убилъ мужика, который самъ подстерегалъ его съ дурною цѣлью на дорогѣ (въ засажце); между убійцею и женою убитаго состоялось соглашеніе, по которому она получила 12 копъ головщизны (Статутъ опредѣляетъ 25 копъ), и сверхъ того убійца обязался выполнять за нее всѣ повинности въ пользу владѣльца, въ теченіе четырехъ лѣтъ [2]).

Право суда надъ крестьянами, въ качествѣ доходной статьи служило нерѣдко предметомъ спора или самовольнаго захвата, а равно и временнаго отчужденія, при отдачѣ имѣній въ заставу или аренду. Такъ, записывая своему слугѣ шляхтичу во владѣніе населенное имѣніе, владѣлецъ оставляетъ однако за собой право суда надъ этимъ самимъ слугою; городскіе старостинскіе уряды присвоиваютъ себѣ силою право суда надъ неподвѣдомственными имъ городскими жителями, напр. крестьянами, подаренными помѣщикомъ въ пользу богадѣльни, но съ сохраненіемъ за собою права суда; точно такъ же поступаютъ въ другихъ случаяхъ и городовые магистраты магдебургскаго права; городскіе мѣщане пытались иногда судиться сами, по старому обычаю, копнымъ судомъ, но урядъ не признавалъ законности подобныхъ рѣшеній, такъ какъ они нарушали права его собственной юрисдикціи;

---

1) LIX, стр. 156, годъ 1586.

2) «Панщизну вшелякую отправовати, чиншъ, и што оно пану належати будеть, рокъ отъ року, на лѣть чтыри повиненъ есть и будеть». № CXI, стр. 361, годъ 1611.

иногда владѣлецъ, заставившн имѣніе съ правомъ суда, вмѣшивался потомъ въ разбирательство и производилъ взысканія съ крестьянъ; при отдачѣ имѣнія въ аренду или заставу, передавалось обыкновенно и право суда, причемъ иногда добавлялось и дозволеніе казнить виновныхъ смертью [1]); въ нѣкоторыхъ случаяхъ владѣлецъ опредѣлялъ, что въ случаѣ совершенія крестьянами важнаго преступленія, арендаторъ обязанъ собрать судъ на мѣстѣ (prawo tameczne osadzić), но не производить наказанія иначе, какъ по соглашенію съ владѣльцемъ [2]).

Право вчинать иски и вообще дѣлать заявленія на судѣ самостоятельно отъ себя не признано Статутомъ за крестьянами; на практикѣ оно иногда допускалось, не только относительно королевскихъ, но и владѣльческихъ крестьянъ: такъ въ 1605 г. находимъ жалобу сельскихъ урядниковъ, атамана и осадцы, отъ имени всѣхъ жителей королевскихъ селъ Михалкова и Соколова о наѣздѣ на нихъ пана Воронича и повѣшеніи имъ нѣсколькихъ человѣкъ; въ другой разъ, уже въ 1640 г., помѣщичьи крестьяне жалуются на двухъ шляхтичей, прервавшихъ своими угрозами копный судъ надъ воромъ, вслѣдствіе чего послѣдній воспользовался отсрочкой разбирательства и бѣжалъ изъ тюрьмы. Иногда шляхтичъ, чтобы отдѣлаться

---

1) Въ Статутахъ нигдѣ не выражено прямо право владѣльцевъ казнить крестьянъ смертью; его можно выводить только косвенно изъ опредѣленія смертной казни за извѣстныя преступленія и изъ предоставленія суда по тѣмъ же преступленіямъ помѣщикамъ.—Въ Польшѣ подобное право опредѣлено закономъ 1557 года. Volum. legum. изд. 1859 г. т. II, стр. 12, § 15.

2) № XIX, стр. 47; № XXX, стр. 78; № L, стр. 133; № LVIII, стр. 155; № LXI, стр. 162; № LXII, стр. 168—169; № LXVI, стр. 191; № LXXIV, стр. 217; № LXXV, стр. 219; № LXXVIII, стр. 235; № LXXXVII, стр. 265, 268; № XCII, стр. 286; № CXIII, стр. 369—370.

отъ позвавшаго его къ суду королевскаго боярина, не признавалъ за нимъ этого званія и называлъ его помѣщичьимъ крестьяниномъ, т. е. лишеннымъ права иска; если истецъ представлялъ достаточно вѣскія доказательства своего званія, то рѣшеніе такого преюдиціальнаго вопроса восходило на рѣшеніе трибунала [1]).

Что касается самой юрисдикціи надъ крестьянами, т. е. судебнаго разбирательства и постановленія приговора, то она практиковалась въ двухъ главныхъ формахъ: какъ судъ собственно помѣщичій, или какъ общинный, копный. Помѣщики, смотря по важности дѣла, судили одни или же приглашали къ участію постороннихъ шляхтичей, и при такомъ, болѣе формальномъ, разбирательствѣ, обыкновенно присутствовалъ возный, представлявшій потомъ приговоръ для внесенія въ актовыя книги. Въ одномъ случаѣ къ участію въ судѣ были приглашены и почетныя лица изъ мѣщанъ сосѣдняго города; вѣроятно это было сдѣлано потому, что преступникъ оговаривалъ и нѣкоторыхъ горожанъ, какъ участниковъ воровства, за которое его судили [2])

За маловажные проступки, которые обыкновенно помѣщикъ судилъ безъ участія постороннихъ лицъ, употребительнѣйшимъ наказаніемъ были штрафы, для взысканія которыхъ примѣнялся грабежъ, т. е. конфискація или секвестръ какой-нибудь движимости, преимуществено скота. Мы находимъ грабежъ воловъ за «выступокъ» безъ болѣе подробнаго его опредѣленія; за неотдачу въ срокъ оброчной платы за землю; грабили для уплаты *навязки* крестьянину за раны и соотвѣтственной *вины* въ пользу владѣльца [3]). Иногда помѣщикъ, отдавая въ аренду имѣніе, опре-

---

[1]) № XCVII, стр. 302—308; № CLXIII, стр, 532—533; № LXXI, стр. 208—211.
[2]) № LXXII, стр. 211—214.
[3]) № XV, стр. 39; № XXXVI, стр. 94—96; № LXXIV, стр 117—219.

дѣлялъ цифру штрафа съ крестьянина, невышедшаго на работу и предоставлялъ арендатору грабить его въ соотвѣтственномъ размѣрѣ [1]).

Судъ съ участіемъ постороннихъ лицъ, такъ называемый судъ пріятельскій [2]), былъ собираемъ по болѣе важнымъ преступленіямъ, какъ воровство, поджогъ, отравленіе и т. под.; ему подлежали и собственные крестьяне владѣльца, и состоящіе у него въ услуженіи безземельные шляхтичи, и крестьяне постороннихъ лицъ, совершившіе преступленіе въ его имѣніи и пойманные съ поличнымъ. Число постороннихъ судей простиралось отъ трехъ до пяти; иногда при судѣ присутствовали и сосѣдніе крестьяне [3]). Судьи болѣе или менѣе руководствовались Статутомъ, о чемъ упоминается и въ самыхъ приговорахъ [4]). Встрѣчаются, впрочемъ, и произвольныя отступленія, зависѣвшія отъ снисхожденія истца; такъ напримѣръ, слуга пана Бабинскаго, неосѣдлый шляхтичъ Пяновскій былъ обвиненъ въ поджогѣ крестьянской усадьбы; Бабинскій хотѣлъ отослать его въ замковый урядъ, но потомъ согласился на его просьбу—судить его домашнимъ судомъ; приглашенные судьи постановили, чтобы обвиняемый выполнилъ очистительную присягу

---

[1]) № CLXX, стр. 551.—«А если бы ся люди огурили, або который бы чоловекъ зъ нихъ улечы (не ?) хотѣлъ, а на жниво не пошолъ, теды (маетъ) войтъ мой такихъ людей моихъ Белевскихъ каждого за кожды день пограбити такъ, яко бы за два гроши Литовскихъ стояло, и пану (арендатору) або враднику его Дѣковскому тотъ грабежъ отдати, поколь або отожнуть, або двома грошми за кожды день грабежъ выкупить». № L, стр 133.

[2]) № CVI, стр. 348.

[3]) № XXXIX, стр. 102.

[4]) «Ино мы, межи себе сполне обновивши, права писаного *Статуту породившися*,.. сказали есмо» № XXVIII стр. 73, годъ 1570. Отсюда видна значительная распространенность Статута, едва ли возможная, если бы онъ тогда существовалъ только въ рукописи.

съ своей женой и посторонним свидѣтелемъ шляхтичемъ; представленный имъ свидѣтель оказался человѣкомъ простого званія, но Бабинскій, бывшій въ этомъ дѣлѣ и судьею и истцомъ, допускалъ его къ присягѣ; и только когда самъ свидѣтель отказался отъ ея выполненія, дѣло было доведено до свѣдѣнія гродскаго суда [1]).—Для разслѣдованія истины доминіальные суды, подобно всякимъ другимъ судамъ того времени употребляли между прочимъ пытку; это средство примѣнялось особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый оговаривалъ другихъ лицъ въ сообщничествѣ съ нимъ или въ какихъ либо самостоятельныхъ преступленіяхъ, или самъ былъ подозрѣваемъ въ таковыхъ; въ подобныхъ случаяхъ судьи, если не желали сами присутствовать при пыткѣ, посылали туда своихъ довѣренныхъ слугъ [2]); пытка, для производства которой призывался палачъ изъ ближайшаго города, состояла обыкновенно во вздергиваньи на дыбу («мистръ взявши на клюбы, тягнулъ разъ и два»), а иногда, въ случаѣ разнорѣчія показаній, употреблялась еще и пытка огнемъ («огню до боку приложилъ» [3]); если пытаемый не бралъ назадъ своего оговора, то его, послѣ пытки, допрашивали о томъ же еще разъ »добровольно», и снова, когда онъ всходилъ уже на висѣлицу. Оговоръ, подтвержденный »на шибеници седячи», »на остатномъ стопню», считался и по Статуту достаточнымъ поводомъ къ началу судебнаго преслѣдованія противъ оговоренныхъ [4]).

---

1) № CVI, стр. 347—349.

2) № XXVIII, стр. 73.

3) Ср. изъ осмотра возныхъ пытаннаго крестьянина: «въ которо(го)мъ видѣлъ обадва боки выпаленые, такъже и подъ обсма руками выпалено" № XXV, стр. 65.

4) Кромѣ указанныхъ выше, см. еще № LXXII, стр. 211—214; № CXXXIX, стр. 448—451; стр. 453—455.—Актъ подъ № 139 1624 года, кромѣ юридическаго, представляетъ и бытовой интересъ:

Смертная казнь за преступленія примѣнялась довольно часто. Но нужно замѣтить при этомъ, что относительно *собственныхъ* крестьянъ, по весьма понятнымъ побужденіямъ личнаго интереса, паны нерѣдко старались отклонить примѣненіе подобной мѣры, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе не касалось ихъ самихъ, а случайный его характеръ позволялъ отнестись безъ особеннаго недовѣрія къ будущему поведенію преступника. Выше мы привели примѣръ освобожденія крестьянъ отъ казни за убійство шляхтича, по заступничеству ихъ пановъ; въ другомъ случаѣ шляхтичъ произноситъ угрозы противъ копы, если она будетъ судить «о горло» обвиняемаго, вѣроятно принадлежащаго къ числу его крестьянъ; иногда владѣлецъ освобождалъ силою своихъ крестьянъ, схваченныхъ въ его же имѣніи на мѣстѣ преступленія, если имѣніе это находилось па ту пору во временномъ владѣніи другихъ лицъ, какъ поступилъ однажды князь (Іоахимъ) Корецкій, отнявшій четырехъ человѣкъ, виновныхъ въ поджогѣ и грабежѣ [1]. Но яснѣе всего выступаетъ чисто экономическая подкладка подобнаго заступничества владѣльцевъ въ одномъ актѣ 1640 года, когда крестьянскія волненія, носившія прежде характеръ личныхъ счетовъ съ владѣльцами, стали принимать болѣе общій, соціально-политическій и частію религіозный характеръ. Крестьяне имѣнія пана Людвика Олизара-Волчковича, мѣстечка Коростышева, подгулявши на святой недѣлѣ, вздумали вдругъ «бить Ляховъ»; сначала досталось нѣсколькимъ мѣстнымъ жителямъ-шляхтичамъ, а послѣ попался крестьянамъ проѣзжій панъ Калусовскій, отправлявшійся на сеймъ и въ Люблинскій трибуналъ съ дѣлами короннаго стражника, которымъ былъ тогда Самуилъ Лащъ, знаменитый даже и въ ту эпоху своимъ самоуправствомъ и не-

это слѣдствіе объ отравѣ посредствомъ колдовства, заключающее въ себѣ нѣсколько указаній на суевѣрія той эпохи.

[1]) № CLXIII, стр. 532; № CXXXVI, стр. 443—445.

признаніемъ никакихъ властей [1]). Избивши и ограбивши слугу Калусовскаго, крестьяне напали и на него самого съ ругательствами и крикомъ: «биймо, забиймо того собаку Ляха, зъ его челядю: позабиявши, разомъ одбудемо! такъ что мѣстный управляющій едва успѣлъ увести Калусовскаго отъ разъяренной толпы; послѣдняя осаждала всю ночь квартиру Калусовскаго который бѣжалъ оттуда тайкомъ при помощи мѣстнаго ксендза. Крестьяне при этомъ высказывали, вѣроятно на основаніи преждебывшихъ случаевъ, твердую увѣренность въ заступничествѣ своего владѣльца: »Нашъ панъ Олизаръ насъ не одступить, а мы заплатымъ, бо есть чымъ, а жадному олизарчикови, который есть его милости подданый, шию не утнуть, и оныхъ не выдасть». На утро Калусовскій отправился съ жалобою къ Олизару въ другое его имѣніе Студеную Воду, гдѣ жилъ онъ въ то время, такъ какъ Коростышевъ былъ имъ отданъ въ заставу пану Вилькгѣ. Встрѣтившій его на дорогѣ Олизаръ поѣхалъ съ нимъ въ Коростышевъ, разузналъ подробности дѣла и—несмотря на опасность нажить себѣ врага въ патронѣ Калусовскаго, Лащѣ,—далъ такой отвѣтъ: «Кажу тые лупы и забраня речей поворочать, учинивши инквизыцию, але о збите челядника и зневаги протестантовой чинить не могу, для тыхъ причинъ, же тую маетность заставилъ; а до того, кгды быхъ мелъ справедливость, ретельную чинить, муселъ быхъ тыхъ хлоповъ всихъ выстинать, *чого учинить не могу, бо быхъ маетность спустошилъ, которую протко выкуплю*». Явившійся на судъ въ качествѣ свидѣтеля возный передаетъ отвѣтъ Олизара нѣсколько подробнѣе и иными словами. «Ачъ мой добрый пріятель, говорилъ онъ о Калусовскомъ, але я для него всего места выстинать не кажу; а же здоровъ зосталъ,—нехай Пану Богу дякуетъ» [2]).

---

[1]) № CLIX, стр. 515.
[2]) № CLXI, стр. 522—529.

Судъ, происходившій съ соблюденіемъ упомянутыхъ формальностей, считался окончательнымъ, и приговоръ его немедленно приводился въ исполненіе; это былъ судъ правильный не только по закону, но и по общему сознанію населенія: ибо, хотя Статутъ предоставилъ владѣльцамъ, а слѣдовательно и довѣреннымъ отъ нихъ лицамъ, право самостоятельнаго суда надъ крестьянами, но сила обычая требовала извѣстной гарантіи отъ произвола, заключавшейся въ участіи въ судѣ постороннихъ лицъ. Когда урядникъ одного имѣнія повѣсилъ своею личною властью вора, пойманнаго съ поличнымъ, а потомъ самъ попалъ на судъ въ качествѣ обвиняемаго, то его упрекали между прочимъ и въ томъ, зачѣмъ онъ повѣсилъ этого вора *безъ права*? И самъ онъ не пытался оправдывать своего поступка, а только старался свалить вину на другихъ [1]). Впрочемъ, иные паны, опираясь на свое право по закону или еще проще на свою силу, творили подобіе суда самоправно, пытая безъ повода чужихъ крестьянъ, заставляя ихъ пыткою взводить на себя преступленія, предавая казни невиновныхъ обвиняемыхъ или попросту вѣшая безъ суда чужихъ подданныхъ изъ-за какого-нибудь сосѣдскаго спора, съ оставленіемъ при этомъ висѣлицъ по дорогамъ и селамъ, въ видѣ предупрежденія и угрозы жителямъ послѣднихъ, не исключая и ихъ владѣльцевъ [2]). Подобныя дѣйствія съ такой незамѣтной постепенностью сливаются съ наѣздами, грабежами, убійствами и всякими насиліями вообще, что имъ невозможно придавать какое либо юридическое значеніе. Самоуправству шляхты относительно чужихъ даже крестьянъ прямо покровительствовалъ законъ объ исключительно денежной от-

[1]) № XXIV, стр. 61.

[2]) № XXXV, стр. 64—66; № XXXII стр. 88—89; № CXXXVII, стр. 446; № CLXXVII, стр. 571—572; № LXIV, стр. 175—188; № XCVII, стр 302—308; № XCVIII, стр 308—310; № CXXXIII, стр. 427—438; № CXIX, стр. 390—393; № CXXXV, стр. 440—442.

вѣтственности въ подобныхъ случаяхъ; это позволяло панамъ отвѣчать иногда даже съ оттѣнкомъ шутки на упреки въ самоуправствѣ: «И панъ Михаилъ Ласко отвѣчалъ: кто безвинно велѣлъ умертвить боярина Евхима, тотъ за него хорошо заплатитъ; а велѣлъ я его повѣсить потому, что онъ былъ въ то время моимъ крестьяниномъ» [1]. Княгиня Настасья Козечина, на вопросъ о безвинномъ истязаніи ею на пыткѣ крестьянина князя Романа Сангушка, отвѣчаетъ съ такимъ же цинизмомъ: «Я его казала змучити, я жъ его и заплачу» [2].

Юрисдикція копныхъ судовъ простиралась почти на всѣ тѣ же проступки и преступленія, какіе вѣдалъ и судъ доминіальный, а также и на нѣкоторые споры гражданскаго характера. Въ случаяхъ послѣдняго рода къ копамъ обращались безразлично лица разныхъ сословій, особенно если въ нанесеніи какого-либо убытка не замѣчалось злонамѣренности; въ дѣлахъ же уголовныхъ копный судъ собирали преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда виновникъ преступленія не былъ извѣстенъ, а потому оставалось надѣяться на раскрытіе истины посредствомъ *опыта*, т. е. распроса присутствующихъ на копѣ мѣстныхъ и сосѣднихъ жителей; чаще всего къ этому способу разбирательства обращались люди простаго званія, а также и близкіе къ нимъ по быту околичные шляхтичи [3].

Со времени отдѣльнаго изданія цитированнаго выше изслѣдованія Иванишева (1863 г.) обнародовано уже довольно значительное число актовъ [4], которые даютъ возможность нѣсколько

---

[1]) Иванишевъ. О древнихъ сельскихъ общинахъ въ Югозападной Россіи, стр. 31; годъ 1573.

[2]) № XXV; стр. 65; годъ 1568.

[3]) О послѣднихъ см. изслѣдованіе г. Антоновича: »О происхожденіи шляхетскихъ родовъ Югозападной Россіи», въ »Архивѣ Югозападной Россіи», ч. IV, т. I, стр. 43—48.

[4]) Кромѣ указаннаго тома «Архива», см. также: Виленскій

дополнить это изслѣдованіе, а равно и прослѣдить судьбу общиннаго суда до гораздо болѣе поздняго времени.

Территоріальное распространеніе обычая судить копою было весьма велико; кромѣ Югозападной Руси, онъ былъ въ большомъ распространеніи и на Сѣверозападѣ; замѣчательнѣе всего, что въ мѣстностяхъ по границѣ между Литовскимъ великимъ княжествомъ и собственно Польшею, какъ ее тогда называли — «Коруною», на копы сходились жители обоихъ государствъ и разбирали взаимныя претензіи на опредѣленныхъ урочищахъ, лежащихъ на самой границѣ, у какого-нибудь брода, кургана, болота и т. под. Въ опредѣленіи границъ Литвы и Польши 1546 года находимъ указанія на десять такихъ коповищъ, начиная съ Брестскаго и Кобринскаго повѣтовъ, потомъ на Волыни и въ воеводствѣ Кіевскомъ [1]). Отсутствіе указаній на существованіе копныхъ судовъ въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ нашего края объясняется истребленіемъ древнѣйшихъ книгъ Брацлавскаго воеводства (едва уцѣлѣло *три* актовыхъ книги XVII вѣка), что же касается Подоліи, то ея древнѣйшіе акты до сихъ поръ почти не тронуты, да и въ нихъ, вслѣдствіе очень ранняго подчиненія Подоліи Польшѣ и ея законодательству, едва ли удастся отыскать слѣды суда обычнаго, народнаго.—Точно также, какъ область распространенія, вновь изданными документами расширяется и *время* существованія копныхъ судовъ: древнѣйшій актъ съ упоминаніемъ о нихъ относится къ 1553 году [2]), а мы указали уже выше слѣды ихъ существованія и въ XV вѣ-

»Археографическій Сборникъ» т. I и III; «Акты» Виленской Арх. Комиссіи, т. VI; настоящій томъ и приложеніе къ нему.

[1]) Виленскій Арх. Сб., I, стр. 50, 53, 101, 106, 110, 115 (три коповища), 117, 122.—Еще одно пограничное коповище упоминается въ Акт. Вил. Ком., т. VI, стр. 146. Росписаніе коповищъ въ Трокскомъ воеводствѣ, см. въ Акт. Вил. Ком., VI, предисловіе, стр. VI.

[2]) Вил. Арх. Сб., I, стр. 129.

кѣ [1]); съ другой стороны, въ настоящемъ томѣ помѣщенъ приговоръ копнаго суда 1712 года [2]), а наиболѣе поздній документъ этого рода, изъ Руси Сѣверозападной, относится даже къ 1773 году [3]). Такъ живуча оказалась эта форма народнаго суда, несмотря на всѣ стѣсненія и преслѣдованія, какимъ она подвергалась уже съ конца XVII столѣтія.

Кромѣ десяти копныхъ судебныхъ округовъ на Волыни, исчисленныхъ у Иванишева, и двухъ въ Овручскомъ Полѣсьи, указанныхъ г. Антоновичемъ, въ настоящихъ актахъ находимъ еще подобныя же юридическія общины: во Владимірскомъ повѣтѣ: 1) изъ селеній Твердыня, Осмиговичъ, Сенявки и Моковичъ; 2) сюда входили села Сыново-Ратенское, Сыново-Монастырское, Соловсевъ, Дороготичи, Зарѣчье, Гридковичи, Шайно, Мезовъ, Сереховичи, Березовъ, Грабовъ (кажется также Бучинъ, Миковъ и Секунь), имѣвшія опредѣленное мѣсто для судебныхъ собраній, урочище Андрееву-Гору; [4]) въ Луцкомъ повѣтѣ: 3) королевское село Колчинъ и владѣльческія: Тростянки, Рука, Любче и Володковщина [5]); 4) села: Годимичи, Лище, Старый Коликъ, Ситница, Омелно, Холпневъ, Островъ, Трестенецъ, Лычки, Домашовъ и другой Островъ; въ Овручскомъ повѣтѣ встрѣчаемъ 5) слѣды общины, лежавшей въ низовьяхъ Припети, въ составъ которой входили между прочимъ: мѣстечко Волчковъ, села Си-

1) Стр. 23, примѣчаніе.

2) Приложеніе, № CXXXII, стр. 414.

3) Вил. Арх. Сб. III, стр. 239. Замѣчательно, что послѣдній документъ содержащій въ себѣ смертный приговоръ за кражу пчолъ, относится къ тому уже времени, когда право уголовнаго суда надъ крестьянами было отнято у шляхты, по конституціи 1768 года. Впрочемъ, на дѣлѣ примѣненіе права меча встрѣчалось и позже; такъ напр. Потемкинъ, купивши Смѣлянское имѣніе, нашелъ тамъ по всѣмъ селамъ висѣлицы, которыхъ онъ и приказалъ уничтожить. Рус. Арх. 1872 г., № 8.

4) № CXLII, стр. 460; Приложеніе, № XXIV, стр. 71.

5) № XCI, стр. 282. Эта община отчасти совпадаетъ съ одною изъ указанныхъ Иванишевымъ, (стр. 4, примѣчаніе) въ составъ ко-

доровка, Бобръ и другія мѣстности по сосѣдству мѣстечка Хабного [1]). Кромѣ того, въ силу уже не закона, а обычая, копные суды собирались и въ городахъ надѣленныхъ магдебургскимъ правомъ, какъ Житомиръ и Овручъ. Мы выше привели уже примѣръ отмѣны старостою копнаго приговора мѣщанъ перваго изъ этихъ городовъ по дѣлу между мѣщанами же города Слуцка; но позже снова встрѣчаемъ копу въ Житомирѣ, въ которой участвовали и крестьяне сосѣдняго королевскаго села Вересовъ. Въ Овручѣ еще въ XVIII вѣкѣ составлялись копные суды изъ однихъ горожанъ, для суда, что особенно зазамѣчательно, надъ околичными шляхтичами, по ихъ обвиненіямъ между собою; къ подчиненію такой подсудности шляхту побуждало, по всей вѣроятности, размноженіе населенія отдѣльычхъ околицъ, которое, будучи связано родственными связями, а по большей части и единствомъ происхожденія, было болѣе расположено всѣми правдами и неправдами защищать своего односельца, родича и однофамильца, чѣмъ разбирать безпристрастно предъявляемыя къ нему претензіи [2]). Такимъ образомъ въ составъ копныхъ судовъ входили лица различныхъ сословій; въ одномъ случаѣ, по дѣлу о потравѣ, убытокъ опредѣляли одни шляхтичи, но донесеніе свое объ ихъ рѣшеніи возный называетъ „копнымъ квитомъ“, т. е. слову копа здѣсь придается то же общее значеніе, что и въ Статутахъ [3]).

Землевладѣльцы однако нерѣдко отрицали компетентность копныхъ судовъ, которые были безсильны приводить свои рѣ-

торой входили между прочимъ м. Рожища и с. Козинъ; споръ между ихъ жителями копа разбирала въ нашемъ актѣ; Рука и Любче перечислены и у Иванишева (Рудка и Любечъ), но остальныя мѣстности ъ обоихъ актахъ различны.

1) № XCVI, стр. 296—297; Приложеніе №CXXII, стр. 366—367

2) № LVIII, стр. 155—156, годъ 1586; № CV, стр. 345—347, годъ 1609; Приложеніе: № CXXIII, стр. 368—379; годъ 1733 № CXXXII, стр. 414—417, годъ 1742.

3) Вилен. Арх. Сб., I, стр. 166.

шенія въ исполненіе; такъ еще въ 1553 году, на требованіе вижа взыскать съ крестьянъ присужденное съ нихъ копою вознагражденіе за кражу лошадей, земянинъ Тихно Совичъ отвѣчаетъ иронически: «хто будеть пану вашему на людехъ моихъ тую десять копъ грошей присудилъ, тые судьи нехай и отправу чинять».—Нерѣдко паны прогоняли копниковъ отъ своего села, если туда приводилъ слѣдъ вора, не пускали на копу своихъ крестьянъ или разгоняли собравшійся судъ, отказывали и сами въ судѣ надъ своими виновными крестьянами и т. под., при чемъ отвѣты ихъ направлены не противъ самого права копы, а просто выражаютъ нежеланіе ей подчиниться [1]. Необходимо впрочемъ по справедливости замѣтить, что въ ту эпоху точно такъ же относились паны и къ общимъ судамъ, болѣе властнымъ, чѣмъ копные,—если чувствовали за собою достаточно собственной силы или поддержки родныхъ и друзей. Но съ конца XVII вѣка выступаетъ новый мотивъ преслѣдованія копныхъ судовъ, соціально-политическій: въ 1687 г. одинъ шляхтичъ жалуется на другихъ между прочимъ о томъ, что они «вопреки положительному закону, конституціямъ и статутамъ коронньмъ, собирали немалочисленную копу разнаго званія людей, *что служитъ поводомъ къ начатію хлопскихъ бунтовъ*; въ 1713 году панъ Выговскій позываетъ околичнаго шляхтича къ суду «за собираніе запрещеннаго закономъ копнаго суда» [2], Суды стали и сами по себѣ преслѣдовать копы: такъ по дѣлу

---

[1] Арх. Ю.-З Рос., ч. IV, т. I стр. 233; тамже, стр. 375.

[2] См. № LXXXIII стр. 243—№ CV, стр. 346.—№ CXL стр. 532: «Ежели его будете на горло судити, теды васъ всихъ и ката позабиваю».—Приложеніе, № XVIII, стр. 56 «Sprawiedliwości uczynić nie chcę, niech mnie prawem patrzą.—Акты Вил. Ком., VI, стр. 93: На копу не пойду, ани пошлю».—Иваницевъ, стр. 44: «Я на голое слово мужицкое врядiику своему платити не кажу». Ср. тамъ же, стр. 33.

о разныхъ претензіяхъ между шляхтичами Барановскими, гродскій судъ, откладывая рѣшеніе по существу до разслѣдованія дѣла, присуждаетъ отвѣтчиковъ къ двухнедѣльному тюремному заключенію за то одно, что они, «во вредъ шляхетскому сословію, осмѣлились для суда надъ равнымъ себѣ шляхтичемъ собирать хлоповъ и велѣли его судить, изъ каковыхъ своеволій (quibus licentiis) возникаютъ хлопскіе бунты»; нужно замѣтить, что истецъ не касался въ своей жалобѣ законности копнаго суда вообще, а жаловался только на неправильность, вслѣдствіе несоблюденія обычныхъ формальностей, состоявшагося противъ него приговора копы [1]). Постепенное исчезновеніе общинныхъ судовъ именно и зависѣло, кромѣ упроченія помѣщичьей власти, отъ преслѣдованія ихъ со стороны политической неблагонадежности; и если на Сѣверозападѣ существованіе ихъ замѣтно еще и во второй половинѣ XVIII вѣка, то только вслѣдствіе почти полнаго отсутствія здѣсь поводовъ къ подобному заподозриванію. Населеніе здѣсь, по изложеннымъ выше (въ концѣ первой главы) мѣстнымъ обстоятельствамъ, гораздо раньше подпало подъ власть шляхты и, не видя себѣ ни откуда поддержки и исхода, утратило энергію и пребывало въ пассивномъ повиновеніи шляхтѣ. Самая мѣстность, лѣса и болота которой крайне затрудняли сообщенія, а также вліяніе введеннаго здѣсь еще съ начала XVI вѣка волочнаго хозяйства, при которомъ каждый крестьянинъ живетъ совершенно врозь отъ сосѣдей, препятствовали возникновенію какой-либо общей реакціи со стороны крестьянъ. Для характеристики ихъ приниженнаго положенія, ими самими сознаваемаго, не безъинтересенъ актъ копнаго суда 1589 года. У земянина Костюшка, въ повѣтѣ Берестейскомъ, былъ украденъ изъ кладовой сундучокъ, въ которомъ храни-

---

[1]) Приложеніе, № LIV, стр. 163.

лись наличныя деньги, цѣнныя вещи и различные документы, денежные и на имѣнія. Костюшко собралъ для раскрытія дѣла копу, въ которой участвовали представители всѣхъ селъ судебной общины [1]), а также и находящихся въ ея округѣ помѣщичьихъ дворовъ, что составляетъ, очевидно, остатокъ стариннаго обычая, въ актахъ нашего края уже не встрѣчаемаго. Не явился только и не прислалъ никого отъ себя панъ Дмитръ Здетовецкій. Какъ улика, была представлена Костюшкомъ копѣ рукавица, найденная на мѣстѣ воровства, которую опознали за принадлежащую шляхтичу Мочульскому, гостившему у Здетовецкаго; послѣ повторенныхъ нѣсколько разъ вызововъ, явился наконецъ и послѣдній, въ сопровожденіи многихъ лицъ, въ томъ числѣ Мочульскаго, который, признавъ свою вещь, давалъ неудовлетворительныя объясненія относительно ея пропажи у него. Копа замѣтила: «коли вже до рукавицы признался, то вжо и дѣло его». Вслѣдствіе отказа Здетовецкаго взять обвиняемаго на поруки и вообще вступиться въ его защиту, Костюшко потребовалъ, чтобы судъ поступилъ согласно обычному праву, т. е. приказалъ пытать подсудимаго. Но копа не рѣшилась взять на себя отвѣтственность за подобную мѣру въ отношеніи шляхтича, что и выразила такимъ отвѣтомъ: «Пане Костюшку! Естли бы то былъ нашъ братъ мужикъ, теды бы сьмо его поймали и на неньку посадили, а по грошу або по два скинули: естли бы смы его не допытались, мы бы смо его навезали; а теперъ домышляйсе ваша милость, а его поймай, а до ураду отвези» [2]). Въ Югозападной Руси мы не встрѣчаемъ подобныхъ примѣровъ перенесенія дѣла въ урядъ вслѣдствіе отказа копныхъ судовъ отъ своихъ правъ.

[1]) Села: Дремлевъ, Степанки, Ханки, Блышино, Матіевичи, Бахново, Грынцевичи, Семеновцы, Сехновичи.

[2]) Акты Вил. Ком., VI, стр. 35—38, 41—42.

Въ помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ копныхъ актахъ находимъ, между прочимъ, слѣдующія заслуживающія вниманія данныя: копа иногда разбирала дѣла объ увозѣ (*выкочены*) крестьянъ, и ея признаніе считалось достаточнымъ доказательствомъ факта [1]; пытать, кромѣ прежняго обычая, т. е розогъ и огня, стали впослѣдствіи и посредствомъ дыбы, почему при копѣ присутствовалъ иногда и палачъ [2], а самая пытка подчасъ принимала характеръ самоправнаго истязанія со стороны истца, несмотря на протесты со стороны копниковъ [3]. Въ наиболѣе позднихъ актахъ копныхъ судовъ встрѣчаемъ замѣчательное смягченіе наказанія за воровство: вмѣсто смертной казни или тѣлеснаго наказанія, опредѣляется только денежное взысканіе вдвое противъ понесенныхъ убытковъ; при этомъ, на случай неуплаты, дозволяется истцамъ грабить имущество виновныхъ; въ одномъ случаѣ является новая форма наказанія,— публичное посрамленіе: шляхтичу, виновному въ кражѣ пчелъ. вѣшаютъ на шею коробку, въ какія подбираютъ медъ, и лезиво, т. е. особаго рода веревку изъ ремня или лыка, съ помощью которой бортники взбираются на деревья, и въ такомъ видѣ трижды обводятъ вокругъ городской ратуши [4]. Подобный пріемъ сохранился до нашего времени и теперь еще примѣняется иногда волостными судами [5].

---

[1]) № CXL, стр. 163.

[2]) «Катъ», мистръ: «оправца". № CXLII, стр. 456—461; годъ 1625; № CLXIII, стр. 532—533 годъ 1640.—Ср. Вил. Арх. Сб., I, стр. 292—294, годъ 1632.

[3]) Приложеніе, № CXXII, стр. 366—368, годъ 1733.—Ср. Иванишевъ, стр. 35—39.

[4]) Приложеніе, № CXXIII, стр. 368—370; № CXXXII, стр. 414—417.—Ср. Арх. Ю.-З. Р. ч. IV, т. I, стр. 109—111; № L, стр. 169—171.

[5]) Труды экспед. И. Р. Геогр. Общ. для изслѣд. Ю.-З. края, т. VI; рѣшенія волостныхъ судовъ.

III

Подати и повинности крестьянъ въ XVI вѣкѣ.—Уставъ о волокахъ.—Уставъ о похожихъ людяхъ.—Обзоръ инвентарей.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію актовъ, опредѣляющихъ величину крестьянскихъ повинностей въ различныхъ мѣстностяхъ и постепенныя измѣненія этой величины, необходимо упомянуть вкратцѣ о системѣ налоговъ въ Литовско-Русскомъ княжествѣ и объ ихъ болѣе употребительныхъ наименованіяхъ, многочисленность которыхъ можетъ возбуждать недоразумѣнія, вслѣдствіе нерѣдко встрѣчающейся синонимичности этихъ названій. Выше были уже указаны тѣ постановленія Статутовъ, которыми земледѣльческое населеніе шляхетскихъ имѣній освобождалось отъ платежей и повинностей въ пользу государства, т. е. которыми верховная власть уступала землевладѣльцамъ право взиманія этихъ сборовъ; такимъ образомъ, податныя тягости крестьянъ въ пользу владѣльцевъ первоначально соотвѣтствовали ихъ прежнимъ государственнымъ повинностямъ, и только впослѣдствіи, съ развитіемъ крѣпостнаго права, стали возникать новые поборы, падавшіе и на новые предметы обложенія.

Главнымъ предметомъ обложенія всегда являлась земля, а за единицу его, до распространенія волочной системы хозяйства и обусловленнаго ею измѣренія обработанныхъ участковъ, принималось самостоятельное земледѣльческое хозяйство [1]) или заключавшееся въ послѣднемъ количество рабочаго скота. Дани взимались частью деньгами, частью различными продуктами; издѣльная повинность хотя и существовала издавна, но упоминается сравнительно гораздо рѣже; во всеобщее употребленіе она вошла уже въ XVI вѣкѣ, когда особенно сильно развилась вывозная торговля хлѣбомъ, сплавлявшимся по Вислѣ въ Гданскъ, и скотомъ, сбытъ котораго шелъ преимущественно черезъ Силезію. Денежная дань, пока она еще поступала въ пользу государства, носила общее названіе *серебренной дани* а позже это названіе измѣнилось въ *серебщизну*, и оба имени употребляются иногда синонимически въ одномъ и томъ же актѣ [2]). Въ частности она получала еще различныя наименованія по мѣстностямъ; *посощины* въ Сѣверо-Западной Руси, *подымщины* въ Юго-Западной; позже, съ переходомъ налогового права къ землевладѣльцамъ, являются названія *грошовый платъ* и *чиншъ* или *циншъ*; въ употребленіи этихъ терминовъ постепенно выработалось различіе: серебщизною стали называть только подать государственную, размѣръ которой опредѣлялся каждый разъ особымъ повелѣніемъ князя, потомъ постановленіями сейма, и налогъ этотъ позже получилъ имя подымнаго, сохранившееся за нимъ до позднѣйшаго времени; чиншъ обозначалъ спеціально оброкъ въ пользу владѣльца, въ какомъ смыслѣ слово это удержалось и до сихъ поръ.

Раскладка этихъ податей была одна и та же,—по хозяй-

---

[1]) «Зъ дыму таковога, въ которомъ земли своей и особного хлѣба уживають», Ак. Зап. Рос., III, стр. 95.

[2]) См. напр. Ак. Зап. Рос., I стр. 43,82.

ствамъ или числу скота въ нихъ, что и доказываетъ одинаковое ихъ значеніе. Такъ серебщизна раскладывалась по *сохамъ*; въ 1507 году, напримѣръ, Виленскимъ сеймомъ опредѣлено взимать ее по 6 грошей съ воловой сохи, по 3 гроша съ конной, по стольку же и съ тѣхъ земледѣльцевъ, которые хотя и не имѣютъ своего скота или лошадей, но владѣютъ землею и съ нея получаютъ пропитаніе [1]). Въ 1550 г., съ сохи взималось серебщизны по 5 грошей [2]). Посощина, самое имя которой указываетъ предметъ обложенія, раскладывалась однако также и по дворам или дымамъ [3]), тогда какъ въ Московскомъ государствѣ соха какъ податная единица принималась въ значеніи извѣстной единицы земли; подымная же система примѣнялась въ пограничныхъ мѣстностяхъ, плативших дани на обѣ стороны, какова была напримѣръ «Ржевская дань» частью денежная, частью натуральная, распредѣлявшаяся не только между князьями Восточной и Западной Руси, но еще и съ участіемъ въ пользованіи ею Новгородскихъ бояръ и особо тамошняго владыки [4]). Тождество подымщины съ серебщизною и посощиною замѣтилъ еще Чацкій [5]), и оно доказывется также тѣмъ, что эти названія упоминаются только въ различ-

---

[1]) Ак. Зап. Рос., II. стр. 9. Однако королевскій универсалъ того же года о сборѣ серебщизны назначаетъ ее въ значительно высшемъ размѣрѣ: съ воловой сохи по 15 грошей, съ конной по 7^1_2 гр., съ земледѣльцевъ не имѣющихъ сохъ по 6 грошей, съ огородниковъ по 3. Тамже, стр. 12.—Ср. Czacki, o Litew. i Pol. prawach, т. I, стр. 202.—№ XXIII, стр. 58.

[2]) Stryikowski, Kronika Polska, Litewska, Żmudzka, etc., по изд. 1582 г. стр. 750.

[3]) Запись о Смоленской посощинѣ опредѣляетъ, что если кто посадитъ человѣка на *такой землѣ*, съ которой „хоживала посощина,—съ того человѣка дастъ посощину«. Ак. Зап. Рос., I, стр. 69.

[4]) Ак. Зап. Рос., I, стр. 87.

[5]) O lit. i polskich prawach, т. II, примѣч. 1049.

ныхъ мѣстностяхъ, а никогда въ одной и той же [1]). Въ соотвѣтствіе сохѣ, какъ единицѣ пахатной земли, съ бортныхъ угодій дань опредѣлялась съ *льзива* [2]).

Иногда подъ тѣми же именами, кромѣ дани денежной, подразумѣвалась и натуральная, какъ въ дани Ржевской, или въ Брацлавской подымщинѣ, гдѣ сверхъ денегъ взимался еще овесъ, хлѣбъ, куры [3]); но чаще подобные сборы натурою назывались данями или подачками; онѣ бывали: *медовыя, куничныя, осыпныя*, дякольныя или *дякла* и т. д.; послѣдніе два термина почти однозначащи, хотя послѣдній нѣсколько шире, такъ какъ онъ означалъ иногда не только сборъ зерновымъ хлѣбомъ, т. е. собственно осыпъ, но и сборъ другихъ продуктовъ, напр. сѣна и т. под. Тѣ же самые сборы, если они не составляли постояннаго налога, а взимались только временно, по случаю проѣзда князя, туземныхъ или чужестранныхъ пословъ, гонцовъ и проч., назывались *стаціями*; впослѣдствіи этимъ именемъ называлась по преимуществу поставка продовольствія для войскъ, обыкновенно превращавшихъ сборъ стацій въ открытый и систематическій грабежъ, нерѣдко опустошавшій цѣлыя мѣстно-

---

1) Обложеніе податью земледѣльческаго хозяйства, какъ единицы, подъ именемъ ли дыма или сохи, ведетъ свое начало изъ древнѣйшаго періода Русской исторіи; эту податную систему, и притомъ съ употребленіемъ какъ того, такъ и другого термина, встрѣчаемъ еще въ первомъ времени образованія русскаго государства; такъ лѣтопись говоритъ подъ 859 годомъ, что Козары брали дань съ Полянъ, Сѣверянъ и Вятичей »по бѣлѣ и вѣверицѣ *отъ дыма;* въ 964 т. Вятичи говорятъ Святославу: «Козаремъ по шьлягу *отъ рала* даемъ»; подъ 981 г. читаемъ: «Владиміръ Вятичи побѣди и възложи нань дань *отъ плуга*, яко же и отець его имаше». Лаврентьевская лѣтопись, по отд. изданію 1864 г., стр. 9, 34, 44; ср. тамже стр. 11, 45.

2) Ак. З. Р., Ш, стр. 95.—Памятники, т. II, отд. 2, стр.

3) № VIII, стр. 24.

сти. Въ памятникахъ встрѣчается еще множество названій разнаго рода поборовъ частію денежныхъ, частію натуральныхъ, но они по большей части варьировались не только по мѣстностямъ, но даже по отдѣльнымъ имѣніямъ, не составляя общепринятаго обычая [1]).

Натуральныя повинности работою носили названіе *пригона, работизны,* потомъ *панщизны*; сверхъ того были еще *толоки,* т. е. барщина съ владѣльческимъ кормомъ и пивомъ, *шарварки* (иногда *гвалты*)—работы на плотинахъ, и т. под. Общеупотребительна была также повинность извозная, *подводы,* раньше называвшіяся *повозомъ.*

Размѣры повинностей натурою были неодинаковы не только въ различныхъ мѣстностяхъ и въ разное время, но даже въ одномъ и томъ же имѣніи одни крестьяне давали больше, другіе меньше, смотря по количеству обрабатываемой ими земли, числу скота, а иногда принималось во вниманіе и число работниковъ въ семьѣ. Пока населеніе было рѣдко, и потому значительныя пространства оставались необработанными, величина крестьянской запашки зависѣла главнымъ образомъ отъ количества рабочихъ силъ хозяйства. Мало по малу, рядомъ съ упроченіемъ шляхетскаго порядка, шло регулированіе размѣровъ крестьянскаго хозяйства, причемъ оно подводилось къ извѣстнымъ опредѣленнымъ нормамъ; такая, признаваемая за нормальную, средняя величина владѣнія носила неодинаковое

---

[1]) Поборы эти получали названіе то по предмету обложенія, какъ «роговое, очковое, прилазъ, воловщина и т. д., куда относятся и разнаго рода пошлины: торговое, вѣсчое, или ваговое, помѣрное, погребельное и проч.; то по назначенію собираемыхъ денегъ, напримѣръ, кликовщина, сторожовщина, пороховое. Исчисленіе и объясненіе всѣхъ подобныхъ сборовъ могло бы составить предметъ особаго довольно обширнаго изслѣдованія.

названіе въ различныхъ мѣстностяхъ: въ Литвѣ называлась она *службою,* на Волыни и въ Полѣсьи *дворищемъ,* въ Украинѣ *осѣдлымъ дымомъ;* термины эти нельзя считать за однозначущіе по размѣру; такъ напримѣръ, Литовская служба была больше Волынскаго дворища; по словамъ Волынскихъ дворянъ, которыя впрочемъ, легко заподозрить въ преувеличеніи по самой ихъ цѣли, даже и два дворища не стоили одной службы [1]); дворища Полѣскія были значительно больше, заключая въ себѣ по нѣскольку отдѣльныхъ хозяйствъ или дымовъ [2]. Вообще размѣръ хозяйствъ при этой системѣ дѣленія, т. е. ранѣе измѣренія земель, могъ быть опредѣляемъ только приблизительно, по глазомѣру, и значительныя колебанія его доказываются различною цифрою чиншей, платимыхъ съ разныхъ дворищъ въ одномъ и томъ же имѣніи [3]). Въ настоящемъ томѣ находится актъ, опредѣляющій размѣръ одного дворища, на какихъ помѣщалось по два крестьянскихъ хозяйства: здѣсь перечислены земли, составлявшіе дворище, по счету на *дни,* т. е. по тому количеству времени, какое нужно для вспашки извѣстнаго пространства; точно такъ же величина сѣнокосовъ опредѣлялась по числу *косарей,* какое нужно для ихъ уборки въ одинъ день косьбы. Въ упомянутомъ актѣ количество земли одного дворища показано: пахатной въ нѣсколькихъ мѣстахъ болѣе 76 дней, сѣнокосовъ на 26 косарей и свободный въѣздъ въ лѣса [4]). Счетъ земли на дни и на косарей сохранился во многихъ мѣстностяхъ Южной Руси до настоящаго времени, и обѣимъ этимъ величинамъ придается одно и тоже значеніе, при-

---

1) Памятники, т. IV, отд. 2, стр. 50
2) Памятники, т. III, отд. 2, стр. 158 и слѣд.
3) Тамже, стр. 19—56.
4) №. VI, стр. 10; годъ 1526.

близительно около трехъ четвертей десятины. По этому расчету оказывается, что въ данномъ случаѣ къ дворищу принадлежало около 60 десятинъ пахатной и около 20 дес. сѣнокосной земли; очевидно, что хотя на такихъ дворищахъ помѣщалось и по два хозяйства, обезпеченіе ихъ земельными угодьями слѣдуетъ считать весьма достаточнымъ. Это благопріятное условіе стало измѣняться со введеніемъ и постепеннымъ распространеніемъ волочной системы хозяйства, при которой лучшіе участки земли выдѣлялись для устройства *фольварка*, помѣщичьей фермы, а остальные раздѣлялись на *волоки*, заключавшія въ себѣ около 19 нынѣшнихъ десятинъ каждая, а на этихъ-то участкахъ, естественно меньшихъ прежней величины крестьянской запашки, помѣщикъ селилъ по одному, а впослѣдствіи по два и даже болѣе крестьянскихъ хозяйствъ, смотря по количеству ихъ рабочихъ силъ, а также и по тому отношенію, какое существовало въ данномъ имѣніи между числомъ населенія и пространствомъ обработанныхъ земель. Это разселеніе крестьянъ по отдѣльнымъ участкамъ было главною причиною сохранившейся до сихъ поръ въ Сѣверозападной Руси и на Полѣсьи дробности поселеній, нерѣдко состоящихъ изъ двухъ—трехъ дворовъ, которую иные современные изслѣдователи напрасно объясняютъ исключительно условіями мѣстности или особенностью народнаго характера Бѣлорусовъ и Полѣщуковъ, скорѣе всего—сложившагося именно подъ вліяніемъ указанныхъ историческихъ условій [1].

Такимъ образомъ въ Западной Руси существовало одновременно три системы крестьянскаго пользованія землею:

---

[1]) См. въ журналѣ «Знаніе» за 1875 г., кн. 5, библіографическую статью г. Вейдемана. Къ сожалѣнію, не имѣя теперь подъ рукой этой книги, не можемъ сдѣлать болѣе точной ссылки.

1) Древнѣйшая изъ нихъ, обусловливавшаяся сравнительной рѣдкостью населенія и обиліемъ незанятыхъ земель, основывалась исключительно на фактѣ перваго займа, внѣ всякаго вмѣшательства и контроля; ранѣе всего она должна была исчезнуть въ болѣе спокойныхъ и сравнительно гуще заселенныхъ мѣстностяхъ Сѣверозапада; самыя позднія указанія относительно признанія здѣсь права на земли на основаніи факта расчистки ихъ изъ подъ лѣса относятся еще къ XV вѣку [1]. Но въ Юговосточной части государства такая форма пользованія удерживалась гораздо дольше; такъ еще въ половинѣ XVI вѣка мѣщане Житомирскіе пахали городскую землю «гдѣ хотѣли», точно также какъ жители Канева, Черкасъ, Чигирина, Корсуня, Звенигородки, Брацлава и другихъ южныхъ городовъ, территоріи которыхъ были раскинуты на огромныхъ пространствахъ незанятыхъ земель [2]; въ помѣщичьихъ имѣніяхъ этой мѣстности точное опредѣленіе крестьянскихъ земель начало вводиться лишь съ конца XVI столѣтія [3].

2) Постепенное утилизированіе годныхъ къ обработкѣ земель естественно вело къ упроченію пользованія ими за отдѣльными лицами и ихъ потомствомъ; тому же отчасти способствовало и вмѣшательство землевладѣльцевъ; такимъ образомъ возникло крестьянское землевладѣніе по службамъ, дворищамъ или дымамъ, дольше всего державшееся въ переходной полосѣ— на Волыни и частью въ полѣсьи [4].

3) Позже всего введена система волочная, заимствованная

[1]) Ак. Южн. и Зап. Рос., I № 47.

[2]) Новицкій, Мат. для ист. заселенія Кіев. губ. стр. 82 Арх. Ю.-З. Р., ч. IV т. I, п. № 21, 24, 32, 212, 213; 216, 317.—настоящій томъ № VIII.—Описаніе замковъ Каневскаго и Черкаскаго Рук Кіев. Арх. Комиссіи).

[3]) № LXXVII, стр. 223—232.

[4]) См. напр. № XXXV, стр. 32; № XXXVI, стр. 37; № XLIII, стр. 108; № XLIV, стр. 110; № XLV, стр. 111--116; № XLVII, стр. 117—126; № LXѲIII, стр. 200—202; № LXXXI, стр. 244--253.

отъ западныхъ сосѣдей и несоотвѣтственная вообще прежнему способу поселенія большими или меньшими общинами въ одномъ мѣстѣ. Система эта, представлявшаяся въ то время возможной высшей формой хозяйства съ точки зрѣнія помѣщиковъ, раньше всего привилась въ Сѣверозападной Руси, особенно въ тѣхъ ея частяхъ, которыя отошли къ Польшѣ, въ земляхъ Бѣльской и Дрогицкой; изъ уставной Бѣльской грамоты 1501 года можно заключать, что здѣсь дѣленіе земли на волоки существовало уже во времена Витовта [1]); наиболѣе ранніе инвентари XVI вѣка въ этой мѣстности основаны уже на волочной единицѣ [2]). Но въ Руси Юго-западной волочная система встрѣчается лишь къ концу XVI вѣка [3]), а такъ какъ здѣсь она вводилась иногда въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ до тѣхъ поръ господствовало вполнѣ свободное пользованіе землей, и не успѣла еще развиться даже переходная система подворнаго пользованія,— то населеніе относилось здѣсь къ ней особенно враждебно.— Мы находимъ указанія, что крестьяне не соглашались на ея введеніе и составленіе инвентарей, грозя въ такомъ случаѣ бросить землю и уйти всею массою въ другія мѣстности, такъ какъ по ихъ понятіямъ волоки и инвентари именно и составляли сущность закрѣпощенія [4]). Подобное сопротивленіе кре-

---

1) «Часу Витовта, кгды ку саженью кмѣтове были везваны, теды вшелкій кмѣть *зъ волоки* робилъ» Ак. Зап. Рос., I, стр. 225.

2) Вил. Ар. Сб. I, № 22, стр. 31; годъ 1536.—Наст. томъ № X, стр. 30; годъ 1552.

3) № LXX, стр. 203—207; годъ 1590.—Памятники, т. III, отд. 2, стр. 60—158; годъ 1598.

4) „Wszyscy gromadą krzykneli temi słowy: „Boże tego uchoway, aby my mieli włokami grunt sobie rozbierać y w regestr plemienia swoie wpisać dali;.... czego oycewie nasi y my sami mieszkaiąc iuż postarzeli się, a tego iako y nie tylko widzieli, ale o tym y nie słyszeli, abyśmy tak wymyślnie wło-

стьянъ не всегда однако достигало цѣли, и нѣсколько позже въ той же самой мѣстности земли оказываются размѣренными уже на волоки [1]).

Значеніе этихъ трехъ различныхъ хозяйственныхъ формъ въ отношеніи къ экономическому состоянію крестьянъ въ такой мѣрѣ ясно изъ ихъ вышеуказанныхъ особенностей, что степень зависимости крестьянъ отъ землевладѣльца въ той или другой мѣстности не требуетъ даже сопоставленія абсолютныхъ величинъ повинностей,—достаточно знать, какая въ данномъ случаѣ практиковалась система крестьянскаго пользованія землею; сравненіе необходимо—да только тамъ оно и возможно,—гдѣ существовала одна и та же система. Первыя двѣ изъ этихъ системъ не требуютъ особыхъ объясненій: одна по своей первобытной простотѣ, основанной (послѣ раздачи земель шляхтѣ) на желаніи владѣльцевъ привлечь въ свое имѣніе колонистовъ, и потому мало видоизмѣнявшейся отбываніемъ въ годъ нѣсколькихъ рабочихъ дней на *толокахъ*, имѣвшихъ видъ скорѣе одолженія чѣмъ обязанности; вторая—по своей неопредѣленности, вытекавшей изъ фактическаго неравенства бытовыхъ условій каждаго земледѣльца, неодинаковости его рабочихъ силъ—человѣческихъ и инвентаря,—а потому и разной величины запашки и сѣнокоса; крайности этихъ неравенствъ вызвали со стороны землевладѣльцевъ дѣленіе крестьянъ на разряды, на дворищныхъ, полудворищныхъ и огородниковъ, которые иногда были

---

kami mieć mieli; a to my zaraz, iako ludzie wolne, dawszy jegomośći panu naszemu teraznieiszemu, który nas trzyma, po groszy dwadzieścia, wychodzim, i dokąd chcem przyidziem, a tu mieszkać niebędziemy"...Taki rozruch między sobą uczyniwszy, a wszystkie poczeli się buntować". № LXXVII, стр. 225; годъ 1593.

[1]) № CXIV, стр. 373.

и землепашцами [1]), а распредѣленіе повинностей дѣлалось уже сообразно этимъ дѣленіямъ, т. е. только съ приблизительнымъ соотвѣтствіемъ земельному надѣлу, а слѣдовательно и состоятельности. Что же касается системы волочной, то она, какъ наиболѣе искусственная и представляющая собою высшую степень землевладѣльческой регламентаціи крестьянскаго хозяйства, представляетъ болѣе цѣльности и послѣдовательности, а рядомъ съ тѣмъ отразилась и въ большемъ числѣ памятниковъ, такъ какъ требовала разнаго рода инструкцій и разъясненій.

Важнѣйшею изъ подобныхъ инструкцій является несомнѣнно «Устава на волоки господаря его милости у во всемъ великомъ князствѣ Литовскомъ», 1557 года, которою мы и воспользуемся для характеристики волочной системы [2]). Нужно замѣтить впрочемъ, что у владѣльцевъ частныхъ, хотя основанія были и тѣ же, но подробности измѣнялись, обыкновенно не къ выгодѣ крестьянъ, какъ увидимъ это изъ инвентарей волочныхъ имѣній.

Существенныя особенности волочной системы состояли въ точномъ измѣреніи земель и разбивкѣ ихъ на участки одинаковой величины, въ раздѣленіи крестьянъ на разряды, съ надѣломъ членовъ каждаго разряда поровну и съ обложеніемъ ихъ поэтому одинаковыми повинносями. За единицу мѣры принималась волока и моргъ, составлявшій одну тридцать третью

---

1) № XLVII, стр. 123, «двана̀дцать загородниковъ, которые ку огородомъ своимъ и роли маютъ».

2) Напечатана одновременно въ „Памятникахъ“ Кіев. Ком. т. II, отд. 2, и въ Ак. Зап. Рос., т. III, № 19, стр. 72—95; хотя оба изданія располагали не одними и тѣми же списками, но различія ихъ ничтожны; для удобства провѣрки, наши ссылки сдѣланы не на страницы котораго либо изданія, а на статьи самаго устава.

часть ея; въ нынѣшнихъ мѣрахъ волока составитъ около 19 десятинъ, а моргъ—около 1400 кв. сажень. Такимъ образомъ крестьянское хозяйство, поселенное на волокѣ, имѣло гораздо меньше земли, чѣмъ когда оно владѣло дворищемъ или хоть половиною его. Волоки, по мѣрѣ возможности, отмѣривались отрубными кусками, дѣлились на три смѣны по 11 морговъ каждая, и въ средней смѣнѣ опредѣлялось мѣсто для селидьбы крестьянъ (ст. 36).

Земельные участки раздѣлялись на служебные, осадные и тяглые, сообразно роду повинностей, лежавшихъ на пользовавшихся ими крестьянахъ. Служебные люди подраздѣлялись еще по ихъ спеціальнымъ обязанностямъ на нѣсколько разрядовъ, а именно:

Путные бояре, избиравшіеся исключительно изъ старинныхъ поселенцевъ того же званія, обязаны были отправлять подводную повинность, въ случаяхъ особеннаго требованія на нее; если же такого требованія не было, то они платили за землю чиншъ въ такомъ же размѣрѣ, какъ осадники. Изъ этихъ бояръ выбиралось нѣсколько *служекъ,* которые состояли постоянно при «дворахъ» для развозки писемъ, посылокъ, денегъ и т. под., и земли ихъ были свободны отъ повинностей. Тѣ и другіе получали въ надѣлъ по двѣ волоки (ст. 1).

Бортники получали тоже по двѣ волоки, и на нихъ лежала обязанность военной службы; въ мирное время они платили повинности какъ осадники и мостили въ опредѣленныхъ мѣстахъ мосты; въ случаѣ высылки ихъ на мостовую работу сверхъ указанной, таковая засчитывалась имъ въ платежи (ст. 2).

Конюхи, состоя на службѣ, пользовались двумя волоками безплатно и кромѣ того получали еще по четыре копы въ годъ (около 18 рублей нынѣшнихъ); свободные отъ службы платили за волоки подобно осадникамъ (ст. 3).

Стрѣльцы, обязанные являться на ловы и на войну, пользовались безплатно двумя волоками; по желанію, могли брать еще и третью, съ платежемъ осадницкаго чинша (ст. 4).

Дворные слуги находились на такомъ же положеніи какъ конюхи, кромѣ жалованья; тѣ изъ нихъ, которые состарились на службѣ, могли по особому разрѣшенію получать двѣ волоки безплатно (ст. 5).

Осочники, т. е. полѣсовщики, обязанные оберегать пущи и участвовать въ ловахъ, пользовались двумя волоками безъ всякихъ повинностей (ст. 6).

Сельскіе войты исполняли обязанности прикащиковъ и ближайшей полицейской власти; присматривали за работами, за обозами, доносили уряду о всякихъ происшествіяхъ, смотрѣли за цѣлостью межевыхъ знаковъ и границъ; мѣстный урядъ, хотя и судилъ ихъ за проступки, но отрѣшали ихъ отъ должности только ревизоры, назначая новаго войта съ согласіемъ самихъ крестьянъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ имъ принадлежала и власть судебная: такъ по межевымъ спорамъ между крестьянами, они собирали копу, участвовали въ рѣшеніи дѣла и приводили его въ исполненіе. Каждому войту поручался участокъ около ста волокъ. За свою службу они получали одну волоку безплатно, могли брать и другую за осадный чиншъ (ст. 7).

Лавники исполняли обязанность сельскихъ вижей, т. е. производили судебные осмотры и освидѣтельствованія, но волока ихъ не освобождалась отъ повинностей, а вознагражденіе получали по грошу «оглядного отъ школы» (ст. 8); слѣдовательно они, хотя и исполняли служебную обязанность, но въ сущности причислялись къ общей массѣ крестьянъ, которую составляли осадники и тяглые.

Осадниками назывались крестьяне, состоящіе на оброкѣ; при введеніи волочнаго хозяйства въ извѣстной мѣстности, опредѣлялось число хозяйствъ, необходимое для обработки издѣльщиною фольварочной запашки; остальные затѣмъ облагались оброкомъ, платя съ волоки по 30 грошей чинша, и по бочкѣ жита или еще по 10 грошей; они обязаны были также отбывать 12 «толокъ» или заплатить за нихъ 12 грошей и убирать половину фольварковыхъ сѣнокосовъ (ст. 16).

Тяглые крестьяне, которыхъ было всего больше, получая по волокѣ, платили чиншъ и отбывали барщину. Величина чинша зависѣла отъ качества доставшейся крестьянину земли, которой принималось три разряда; обложенные по 21, по 12 и по 8 грошей, по 2 бочки овса, съ худшей земли по одной, или вмѣсто каждой 10 грошей (5 за хлѣбъ и 5 за отвозку), по возу сѣна или 5 грошей (3 сѣно и 2 отвозка), по гусю или $1^1/_2$ гроша, по 2 курицы или 16 пѣнязей, по 20 яицъ или 4 пѣнязя, по 2 гроша «на неводы» и по $2^1/_2$ «за стацію». Съ самыхъ плохихъ, песчаныхъ или болотистыхъ земель чиншъ полагался только по 6 грошей, и не взималось ни сѣна, ни овса Барщины полагалось съ волоки по 2 дня въ недѣлю, и 4 дня толоки лѣтомъ; три недѣли въ году, на Рождество, мясопустъ и Пасху, были свободны, такъ что рабочихъ дней въ году выходитъ 102, а платежей и даней, по качеству земли, 53, 44, 30 и даже 13 грошей, т. е. почти по 4 р., 3 р. 30 к., 2 р. 25 к. и по 1 р. на наши деньги,—въ сущности гораздо больше сообразно тогдашней мѣновой цѣнности денегъ. Выражая всѣ повинности въ рабочихъ дняхъ, получимъ, что за волоку тобывалось 128, 124, 117 и 108 дней въ году при 19-ти десятинномъ надѣлѣ (ст. 15, 16, 24 78).

Порядокъ отбыванія барщины былъ такой: по воскреснымъ днимъ войтъ объявлялъ крестьянамъ, въ какой день недѣли

назначена работа и какая именно; крестьяне должны были работать съ восхода и до заката солнца, при чемъ въ длинные лѣтніе дни трижды давался отдыхъ, тяглымъ по часу, а пѣшимъ по получаса: передъ обѣдомъ, въ полдень и передъ вечеромъ. Невышедшій на работу въ назначенное время долженъ былъ отбыть свои дни послѣ и сверхъ того на первый разъ платилъ грошъ штрафу (огурного), на второй давалъ барана, на третій подвергался тѣлесному наказанію »бичемъ на лавцѣ». Если невыходъ имѣлъ уважительную причину, то слѣдовало извѣстить о томъ войта, и тогда виновный освобождался отъ взысканія, а только отрабатывалъ прогулы (ст. 20, 22).

Крестьяне, поселенные на волокахъ, были, конечно, «тяглыми» и въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова, т. е. владѣли рабочимъ скотомъ; кромѣ ихъ при «дворахъ» существовали еще такъ называемые *огородники*, пользовавшіеся лишь небольшими участками въ 3 морга ($^1/_2$ волоки, $1^3/_4$ десятины); они отбывали по одному дню въ недѣлю пѣшей барщины съ участка и кромѣ того шесть дней женской работы въ лѣто для жатвы или полотья огородовъ, что равняется 26-ти тяглымъ днямъ въ годъ, т.е. несравненно для нихъ дороже чѣмъ крестьянъ—пахарей. Впрочемъ, и денежная плата стояла гораздо выше за пользованіе мелкими участками, какіе оставались по границамъ дачъ въ отрѣзкахъ отъ цѣлыхъ волокъ (ст. 16, 17).

Изъ этого обзора видно, что вообще въ *королевскихъ* волостяхъ волочное хозяйство не представляло особенныхъ тягостей для крестьянъ. Нѣкоторыя стороны этого устройства были весьма раціональны и не лишены интереса даже и для настоящаго времени: повинности соразмѣрялись не только съ количествомъ, но и съ качествомъ земли; затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о весьма благопріятномъ отношеніи между величиною крестьянской и фольварковой запашки: постановлялось,

чтобы на каждую волоку послѣдней приходилось не менѣе семи волокъ, находящихся въ пользованіи крестьянъ, которые состоятъ на барщинѣ [1]). Слѣдуетъ, наконецъ, обратить вниманіе на нѣкоторыя особенности взысканія платежей и даней: срокъ взноса ихъ былъ опредѣленъ осенью отъ св. Михаила до дня св. Мартина, т. е. съ 29 сентября по 11 ноября; въ это время пріостанавливались всякія частныя взысканія съ крестьянъ, и никто не могъ требовать съ нихъ долговъ. Въ случаѣ неуплаты до крайняго срока, урядъ производилъ разслѣдованіе о ея причинахъ, и если онѣ оказывались уважительными, то платежъ былъ слагаемъ; уважительными причинами признавались: пожаръ, смерть или тяжкая болѣзнь рабочихъ членовъ семьи, голодъ, градобитіе и вообще бѣдность (убожство). Если неплательщикъ, имѣя средства, не платилъ по своему «недбальству», то его подвергали аресту впредь до уплаты. Рабочій скотъ признавался неотчуждаемымъ не только за долгъ или иное взысканіе, но даже и за повинности (ст. 31, 32).

Волочный уставъ королевскихъ имѣній, разобранный нами для лучшаго уясненія этой системы хозяйства вообще, едва ли былъ въ употребленіи въ Югозападной Руси въ такомъ именно его видѣ: частные владѣльцы, вводя волочную систему въ своихъ имѣніяхъ, очень часто и уменьшали крестьянскій надѣлъ, и увеличивали повинности: королевскія же имѣнія здѣсь были большею частью розданы въ частное владѣніе еще до изданія устава, а оставшіяся считались приписными къ замкамъ, въ пользу старостъ которыхъ и шли почти всѣ повинности:

---

[1]) Ст. 24: «На заробленье пашни на кождую волоку абы было оставлено по семи волокъ осѣлыхъ подданыхъ нашихъ, зъ волы и зъ клячами, поблизъ двора и пашни, которые по два дни въ тыждень служити маютъ, съ чимъ урядъ роскажетъ».

послѣднія были обратно пропорціональны той пользѣ, какую получало съ приписныхъ къ замкамъ селъ собственно государство: гдѣ продолжала еще существовать обязанность военной службы, поддержки укрѣпленій, полевой стражи и т. под., тамъ частныя повинности въ пользу старостъ были слабѣе, и наоборотъ. Для доказательства этого разсмотримъ повинности жителей въ отношеніи девяти замковъ Югозападной Руси, описанія которыхъ, составленныя также въ половинѣ XVI вѣка, въ 1545 и 1552 годахъ, извѣстны намъ по настоящее время [1]). При этомъ разсмотрѣніи будемъ держаться географическаго порядка, съ Сѣверозапада на Юговостокъ, послѣдовательно укажемъ характеръ и размѣръ повинностей съ жителей, приписанныхъ къ Владиміру, Луцку, Кременцу, Овручу, Житомиру, Кіеву, Каневу, Черкассамъ и Брацлаву.

Юридическія и бытовыя условія, въ какихъ находились различные замки, были неодинаковы. Замки Волынской земли въ значительной степени утратили свое государственное значеніе и представляли собой только безопасное мѣсто для сохраненія имущества пановъ на случай Татарскаго набѣга. Замки эти, хотя и содержавшіеся исправнѣе Поднѣпровскихъ, были однако же бѣднѣе ихъ: послѣдніе сохранили еще за собою значительную долю приписанныхъ къ нимъ королевскихъ имѣній, доставлявшихъ и доходы и военную силу, тогда какъ на Волыни почти всѣ замковыя имущества были розданы князьямъ, панамъ и земянамъ, а о военной службѣ мѣщанъ или припис-

---

[1]) Описаніе Волынскихъ замковъ въ «Памятникахъ» Кіев. Ком., т. IV, отд. 2.—Овручъ—въ Арх. Ю.-З. Р., ч. IV, т. I.—Житомиръ—въ Матер. для ист. засел. Кіев. губ.—Кіевъ, Каневъ и Черкасы, въ неизданной еще копіи изъ книгъ Лит. Метрики, снятой членомъ Комиссіи г. Лебединцевымъ.—Брацлавъ—въ наст. томѣ,

ныхъ волостей нѣтъ даже и помину; здѣсь выступаетъ на первый планъ сословіе землевладѣльческое; пользуясь своей многочисленностью и силою, оно уже успѣло скинуть съ себя бремя замковыхъ повинностей, неся ихъ лишь настолько, насколько это казалось необходимымъ каждому отдѣльному лицу для укрѣпленія принадлежащей ему замковой башни или городни. Постоянные платежи или дани въ пользу замка съ земянскихъ имѣній болѣе не существуютъ, а установляются лишь временно, въ случаѣ крайней нужды въ перестройкахъ, и то въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ [1]). Тягости, лежащія на горожанахъ и крестьянахъ возрастаютъ, такъ какъ при пожалованіи кому-либо приписныхъ къ замку селъ, новые владѣльцы перестаютъ выполнять лежавшія прежде на этихъ селахъ повинности, падающія теперь на однихъ горожанъ и на оставшіяся села; жалобы податного сословія, подтверждаемыя грамотами прежняго времени, не ведутъ ни къ чему; могущественные магнаты не хотятъ даже давать объясненій по этимъ жалобамъ, какъ поступили, напримѣръ, князья Чарторыйскіе, когда королевскій ревизоръ захотѣлъ разсмотрѣть требованія Владимирскихъ мѣщанъ о повинностяхъ съ имѣнія Литовижа, принадлежавшаго къ *Владимирскому* замку, а потомъ пожалованнаго Чарторыйскимъ [2]). Единственная оставшаяся къ половинѣ XVI вѣка при этомъ замкѣ волость, Смединская, подвергается разоренію отъ другого магната, Ковельскаго и Выжевскаго владѣльца, Семашка, захватывающаго Смединскіе поля, луга и грабящаго крестьянъ, такъ, что, по выраженію Владимирскихъ мѣщанъ, если не будетъ имъ обороны, то «оная волость на

---

[1]) Съ десяти человѣкъ по одному брусу и по работнику, съ 20 человѣкъ мѣра муки. Памятники, т. IV, отд. 2, стр. 20.

[2]) Памятники, т. IV. отд. 2, стр. 62, 65.

конецъ згинетъ, и люди розойдутся, и замокъ Володимерскій безъ той волости не будетъ ни за что стоить». Слова эти почти вполнѣ оправдались впослѣдствіи, когда новый владѣлецъ Ковля, князь Курбскій, окончательно разорилъ Смединскую волость, прямо заявляя Смединцамъ, что за сопротивленіе онъ будетъ ихъ вѣшать [1]). Между тѣмъ на мѣщанахъ, какъ упомянуто выше, лежали всѣ прежнія повинности: они платили и серебщизну, и ордынщину, да кромѣ того на нихъ же переложена обязанность доставлять продовольствіе при проѣздѣ пословъ, лежавшая прежде на приписныхъ волостяхъ, а частью выполнявшаяся посредствомъ пошлиннаго сбора. Всѣ эти налоги дѣлались еще тяжелѣе оттого, что въ нихъ принимали участіе не всѣ мѣщане: тѣ, которые поселились въ городѣ на земянскихъ участкахъ, упорно отказывались отбывать какія бы то ни было повинности и не хотѣли даже починять городской стѣны.

Въ *Луцкѣ* были не лучше, порядки и мѣстные земяне, хотя еще не вполнѣ сравненные въ правахъ съ Польскою шляхтою, мало уступали ей въ своеволіи, самоуправствѣ и неповиновеніи верховной власти; замокъ въ неисправности, постройки дѣлаются непрочно, хотя къ одной городнѣ приписано по семи и по восьми пановъ, а къ самымъ меньшимъ по четыре и по пяти, «просто немашъ на што глядити и хвалити»; деревянныя укрѣпленія растаскиваютъ на дрова, а присмотрѣть некому, «каждый собѣ старшій, и за тымъ жадное рядности и справы доброе нѣтъ»; стража у воротъ замка не приноситъ никакой пользы, ибо сторожей бьютъ и врываются

---

[1]) Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, т. I, стр. 5: «Естли ся будутъ Смединцы у кгрунтъ мой Вижовскій вступовать, тогды ихъ кажу имать и вѣшать".

силою, «сторожа одного князь Буремльскій по шыи тялъ самъ своею рукою, за малымъ ему шыя не впала». И тѣ же самые земяне, самовольствуя въ городѣ, не даютъ ничего со своихъ людей, живущихъ въ Луцкѣ, захватываютъ мѣщанскія земли, берутъ съ нихъ по дорогамъ большія проѣзжія пошлины, вопреки великокняжескимъ и королевскимъ грамотамъ, и т. под. При Луцкомъ замкѣ, лежавшемъ далѣе Владимира отъ границъ Польши, и внѣ Полѣсья, уцѣлѣло еще значительное число приписныхъ имѣній, всего 30 деревень и въ нихъ 124 дворища крестьянъ, кромѣ того 11 рыбаковъ и 3 огородника. Повинности крестьянъ въ пользу замка были различныя, но вообще имѣли значеніе исключительно хозяйственное: изъ тридцати деревень только въ двухъ еще были замковые слуги, обязанные конною службою, всего одинадцать дворищъ. Остальные крестьяне должны были возить дерево, косить сѣно, поставлять желѣзо съ рудни, давать подводы на потребности старосты и ключника, и почти всѣ ходили на барщину во все весеннее и лѣтнее время, пользуясь впрочемъ въ зимнее время льготою [1]). Когда Луцкимъ державцей былъ князь Константинъ Острожскій, то ввелъ для двухъ селъ новую повинность: прокармливать всю зиму содержимый въ одномъ изъ замковыхъ имѣній скотъ. Такимъ образомъ мы видимъ, какъ княжескіе намѣстники, державцы или старосты, вмѣсто прежняго своего назначенія — быть представителями верховной власти и начальниками военныхъ силъ повѣта, превращались постепенно во временныхъ помѣщиковъ, владѣльцевъ бенефицій, изъ которыхъ они старались извлекать только доходы въ свою пользу, къ ущербу земли, городовъ и даже фиска: не прошло еще и двадцати лѣтъ съ изданія Си-

---

[1]) Памятники, т. IV, отд. 2, стр. 161—167.

гизмунда I устава для своихъ державцевъ и урядниковъ въ Литвѣ, которымъ онъ предоставлялъ имъ только третью часть доходовъ, и то далеко не всѣхъ [1]), а между тѣмъ въ Луцкѣ находимъ такое отношеніе: съ приписныхъ къ замку селъ и людей приходится въ годъ господарю денежной дани 1 копа 36 грошей, староста же получалъ деньгами 19 копъ 40 грошей, да сверхъ того большія количества ржи, овса, куръ, яицъ, бѣлаго и чорнаго хлѣба, пряжи и питокъ, лисицу и 30 бѣлокъ, доходъ съ пашни и другіе «мелкіе» приходы. Старосты, при составленіи описаній замковъ, многіе доходы скрывали, вовсе о нихъ не упоминая; такъ Владимирскій староста перечислилъ изъ замковыхъ доходовъ всѣхъ сборовъ только на 130 копъ грошей, а комисары стороною узнали о нѣкоторыхъ пропущенныхъ статьяхъ, приносящихъ старостѣ болѣе 250 копъ въ годъ, что составляетъ, по количеству чистаго металла около 1100 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей, но по мѣновой цѣнности того времени несравненно больше.

Кременецъ и его повѣтъ, еще не вполнѣ оправившійся отъ Татарскихъ разореній въ концѣ XV вѣка, находился въ нѣсколько исключительномъ положеніи, такъ какъ здѣсь самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ была королева Бона, и потому здѣсь сохранилось еще довольно имѣній, тянувшихъ къ замку. Въ восемнадцати замковыхъ селахъ было 275 дворовъ, изъ коихъ 31 отбывали конную службу, а остальные сидѣли на тяглѣ; повинности послѣднихъ были сравнительно очень легки, такъ какъ барщины они работали всего по шести дней въ годъ со двора, а дани натурою были самыя ничтожныя.

Изъ замковъ земли Кіевской, въ *Овручѣ* повинности были также не велики; горожане, неизвѣстно по какой причинѣ,

---

[1]) № VII, стр. 11.—Акты Зап. Росс., т. II, № 159, стр. 195.

были съ нѣкотораго времени вовсе освобождены отъ барщины; за то на нихъ лежало, вмѣстѣ съ другими сословіями, содержаніе полевой сторожи; обязанность военной службы тоже лежала въ одинаковой степени на мѣстныхъ земянахъ, боярахъ, путныхъ слугахъ и мѣщанахъ. Замковые доходы заключались преимущественно въ торговыхъ, судебныхъ и питейныхъ пошлинахъ, подымщину по грошу съ дома цлатили всѣ жители города одинаково, безъ различія сословій. Ордынскіе слуги и и мѣщане паленицкіе (?), при нѣкоторыхъ другихъ повинностяхъ, ѣздили при гонцахъ въ Орду и тоже служили конемъ; военная служба падала даже и на волощанъ, т. е. на крестьянъ, приписанныхъ къ замку, другіе давали денежныя и медовыя дани, но о барщинѣ вовсе не упоминается.

Въ *Житомиръ* также путные слуги и мѣщане должны были ѣздить на войну при старостѣ или его намѣстникѣ, обязанность же давать подводы и стаціи вознаграждалась для нихъ безпошлинной питейной торговлей. Пахатною землею горожане пользовались безплатно на милю отъ замка, но земяне или ихъ крестьяне за пользованіе замковыми землями должны были давать десятину. О барщинѣ нѣтъ упоминаній и здѣсь, волощане давали только извѣстные платы и дани, притомъ безъ различія сословій.

Повинности *Кіевскихъ* мѣщанъ заключались исключительно въ военной службѣ, содержаніи стражи при замкѣ и починкѣ городской ограды; ремесленники должны были давать воеводѣ дань натурою, преимущес венно предметами одежды и вооруженія—луки, стрѣлы, топоры, сапоги. Изъ жителей замковыхъ селъ нѣкоторые должны были ѣздить при воеводѣ на службу и на ловы, другіе доставляли на замокъ дрова, сѣно, медъ, и кромѣ того работали по три дня въ годъ барщины. При описаніи замка они заявили жалобу, что воевода, князь Фридрихъ

Пронскій, вводитъ имъ «новину»,—заставляетъ работать больше прежняго и собираетъ куры и яица. Всего при замкѣ считалось 10 селъ, да кромѣ того 19, принадлежащихъ монастырю Печерскому, но дающихъ дань на замокъ, и 12 митрополичьихъ, жители которыхъ должны были отбывать военную службу. Земянскихъ имѣній въ повѣтѣ вовсе не упомянуто.

Жители *Канева* и его округа всѣ одинаково участвовали въ постройкѣ городской ограды, содержаніи стражи и военной повинности; одинаково и бояре, и мѣщане, и крестьяне давали также подводы и стаціи для пословъ или гонцовъ; заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что работать на замокъ обязаны были одни козаки, упоминаемые или какъ временно пребывающіе въ городѣ зимою пришельцы изъ степи, или какъ наемные работники у другихъ горожанъ. Пахатныя земли и пасѣки замковыхъ людей были свободны отъ повинностей, но при ревизіи заявлена жалоба, что князь Дмитрій Путивльскій сталъ требовать десятины въ свою пользу. Тѣ же повинности, какія выполняли горожане, должны были отбывать и крестьяне земянскіе, постоянно или временно живущіе при замкѣ, не исключая и военной службы. Въ пользованіи городскихъ жителей находилось множество разного рода угодій,—пасѣкъ, бобровыхъ гоновъ, рыбныхъ озеръ и т. под., раскиданныхъ на огромномъ пространствѣ, по Днѣпру, Роси, Сулѣ, Удаю, Псёлу и другимъ рѣкамъ, даже на Самари; за пользованіе этими угодьями жители давали часть получаемыхъ доходовъ натурою или платили небольшую денежную аренду.

Такими же привольями пользовались и жители двухъ южныхъ замковъ, *Черкасъ* и *Брацлава,* съ тою лишь разницею, что въ округѣ послѣдняго города, лежащаго ближ къ Польшѣ, существовало, хотя и немногочисленное, населеніе земянъ, почти отсутствовавшее въ Черкасахъ. Земельныя угодья были оди-

наково богаты; Черкасскіе мѣщане пахали, «гдѣ хотятъ», «уходы» ихъ простирались отъ Тясмина, Ворскла и Орели до Днѣпровскихъ пороговъ, Самари и Тавани. О богатствѣ Брацлавскихъ мѣщанскихъ пасѣкъ, простиравшихся нерѣдко «на три мили», упомянуто уже выше, равно какъ и о томъ, что здѣсь захватывали земли разныя личности неизвѣстнаго происхожденія именовавшія себя земянами, но самыя имена которыхъ мало подтверждаютъ такое завѣреніе [1]).

Мы изложили существенныя черты экономическаго быта городовъ Югозападной Руси, съ приписнымъ къ нимъ сельскимъ населеніемъ, въ послѣдовательности отъ Сѣверозапада къ Дикимъ Полямъ, и видимъ, что мѣстныя различія вполнѣ согласуются съ изложенными выше общими замѣчаніями: чѣмъ дальше къ Югу и Востоку, тѣмъ слабѣе преобладаніе земянъ, тѣмъ меньше различій между сословіями, просторнѣе и привольнѣе житье, а вмѣстѣ съ тѣмъ легче и повинности. То же самое повторяется и позднѣе, когда шляхетское сословіе стало усиливаться и въ Украинѣ, но никогда здѣсь экономическій гнетъ его не доходилъ до такой степени, какъ въ Полѣсьи и даже на Волыни.

Изъ помѣщичьихъ имѣній наиболѣе ранніе инвентари, т е. уставныя грамоты, соотвѣтствующія волочному уставу имѣній королевскихъ, дошли до насъ только со второй половины XVI вѣка, по крайней мѣрѣ въ Югозападной Россіи. Въ нихъ, конечно, встрѣчается только организація подворищная или волочная, такъ какъ самое составленіе инвентаря служитъ доказательствомъ, что свободное пользованіе землею уже прекратилось.

---

[1]) Напримѣръ; Мормули, Кудренки, Козары, Мишко Чортъ, Хруць, Митко Золотарь, Комары, Дмитръ Звенигородецъ и т. под. см. № VIII, стр 26.

Древнѣйшій инвентарь Югозападной Руси относится къ Заборольскому имѣнію въ Луцкомъ повѣтѣ и къ 1566 г. [1]); въ немъ нѣтъ еще ни дѣленія земель на опредѣленные участки, ни дѣленія крестьянъ на разряды, ни точнаго опредѣленія повинностей, а только перечислены крестьяне и количество ихъ рабочаго скота; это заставляетъ насъ видѣть въ немъ инвентарь такъ сказать первобытный, вопреки мнѣнію Иванишева, объяснявшаго его особенности только тѣмъ, что Заборолье было населено исключительно людьми отчизными; объ этомъ нѣтъ прямого указанія въ актѣ, и почтеннаго изслѣдователя очевидно ввело въ заблужденіе упоминаніе инвентаря, что крестьяне «на роботу повинни слухати, якъ роскажуть»; кромѣ того они давали дань—по мацѣ овса *отъ вола*, что равно указываетъ на недостатокъ регулированія поземельныхъ отношеній. Судя по количеству скота, Заборольскіе крестьяне хотя и не отличались особенной зажиточностью, но не терпѣли и нужды: на 62 хозяйства было 46 лошадей и 94 вола, т. е. 140 штукъ рабочаго скота.—Заборольскій инвентарь единственственный изъ извѣстныхъ намъ по своей первобытной неопредѣленности [2]).

Инвентари подворищные XVI вѣка, помѣщенные въ настоящемъ томѣ, а равно и изданные раньше, относятся почти исключительно къ Волынскому воеводству, и притомъ только къ повѣтамъ Владимирскому и Луцкому. что объясняется неразобранностью древнихъ книгъ повѣта Кременецкаго, по боль-

---

[1]) Памятники, т. III, отд. 2. стр. 1—16.

[2]) Иванишевъ указываетъ содержаніе еще четырехъ «подобныхъ» инвентарей имѣній, населенныхъ, по его выраженію, вотчинными людьми; но упоминаніе въ нихъ дворищъ и соотвѣтственный пріемъ обложенія повинностями—указываютъ на начавшуюся уже регуляцію хозяйства. Памятники, т. III, предисловіе, стр. IX.

шей части разбитыхъ и полуистлѣвшихъ. Кромѣ одного такого инвентаря, помѣщеннаго въ «Памятникахъ» Кіевской Коммисіи (III, отд. 2, стр. 17—59), теперь издаются еще нѣсколько, которые здѣсь и перечислимъ по мѣстностямъ, а тогда сдѣлаемъ изъ нихъ общіе выводы. Инвентарь Вышкова въ Луцк. повѣтѣ, 1572 г., Цевова, Луцк. пов., 1573 г., Григоровичъ, Луцк. пов., 1582 г., Конюховъ, Завидова и проч., Влад. пов., 1582 г., Житановъ, Влад. пов., 1585 г., и Верхова, Луцк. п., 1589 г. [1]).

Дворища въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываютъ здѣсь неодинаковой величины, сообразно съ чѣмъ измѣняется и платежъ за нихъ; но по большей части дворище принимается за извѣстную опредѣленную единицу, обложенную налогомъ одинаковымъ для всѣхъ, а поселенные на нихъ крестьяне получали названіе подворищныхъ, позднѣе тяглыхъ. Иногда, вслѣдствіе постепеннаго уменьшенія крестьянскихъ надѣловъ, встрѣчаются уже крестьяне, поселенные на дворищахъ по двое, причемъ они считаются за одно общее хозяйство, или владѣющіе отдѣльно половиною дворища; первымъ дается названіе потужныхъ, а послѣднимъ полудворищныхъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ упоминаются еще бояре, огородники, подсусѣдки, халупники и вольники. Вотъ ихъ повинности съ дворища, съ оцѣнкою по Статуту 1588 г. и съ переложеніемъ платы въ рабочіе дни; цѣну рабочаго дня мы принимаемъ въ 2 гроша, сообразно одному указанію 1583 года [2]).

Въ Черногородскомъ имѣніи, состоявшемъ изъ 15 селъ, дворища и платежи были весьма разнообразной величины; раз-

---

[1]) См. № XXXV. стр. 92—93; № XXXVII, стр. 97; № XLIII, стр. 108—109; № XLV, стр. 111; № LV, стр. 148—149; № LXVIII, стр. 200—202.

[2]) № L, стр. 133.

мѣръ барщины не былъ точно опредѣленъ; кромѣ того медовая дань опредѣлялась общею цифрою со всего села, такъ что этотъ инвентарь не можетъ служить для точнаго опредѣленія повинностей.

Въ Вышковѣ (годъ 1572) 5 дворищъ было занято 8-ю крестьянами, съ которыхъ шла «боярская служба» состоявшая частію и въ денежномъ платежѣ; остальные 6 дворищъ были заняты 13 крестьянами, состоявшими на барщинѣ, но размѣръ ея не указанъ. Огородники въ числѣ 7, названы здѣсь подсусѣдками и одинъ въ избѣ (халупѣ) безъ огорода.

Въ Девовѣ (годъ 1573) было 10 подворищныхъ крестьянъ, обязанныхъ ходить на работу ежедневно; какъ видно изъ другого акта, такая работа была въ сущности полудневною [1]. Кромѣ того съ дворища давали по 6 грошей, по 8 мацъ овса (76 гр.) и по 2 курицы (4 гр.). Это все вмѣстѣ составитъ по указанному расчету 190 рабочихъ дней.

Въ Григоровичахъ (годъ 1582) работали крестьяне съ дворища по 5 дней въ недѣлю, кромѣ того пахали на паръ и на ярину по 4 дня; давали по 4 мацы овса, по 6 грошей, по 3 курицы, по возу сѣна, что все равняется 279 днямъ работы. Огородники работали по 3 дня лѣтомъ и по 2 зимою, давали по 3 гроша и по курицѣ; все это составитъ 127 дней.

Въ Конюхахъ (годъ 1582) 8 крестьянъ владѣли полными дворищами, а 4 половинами; съ дворища шло по 8 мацъ овса, по полкопы деньгами, по 2 курицы; работать обязаны были по приказанію; дополнительныя повинности равны 55 рабочимъ днямъ. Огородники, работая по 2 дня, давали по 6 грошей и по курицѣ,—всего на 102 дня. Въ другихъ селахъ того же имѣнія повинности были почти тѣ же, а именно: въ Млыновѣ

[1]) № XLIV, стр. 110.

(1 полное дворище и 11 половинъ) тоже.—Въ Бѣлопольѣ (8 двор. и 19 полудвор.)—тоже; съ 4 огородниковъ на 103 дня, съ 12 подсусѣдковъ на 49 дней.—Въ Кутахъ дополнительная повинность равнялась 50 днямъ, огородничья—тоже 103 Въ Деречинѣ дани не превышали стоимости 15 дней.—Въ Завидовѣ онѣ стоили 60 дней.

Въ Житаиахъ (годъ 1585), гдѣ на каждомъ дворищѣ жило по 2 и даже по 3 крестьянина, вся повинность съ дворища простиралась до 207 дней, причемъ здѣсь являются и новыя названія платежей, какъ «сторожевые», «орѣховые»; съ огородниковъ приходилось по 101 дню.

Наконецъ въ Верховѣ (годъ 1589) кромѣ сторожевого упоминается еще «пороховое», и взимались еще налоги, не поддающіеся оцѣнкѣ,—десятина со свиней, овецъ и пчелъ; овесъ взимался по четверику отъ вола; остальныя дани и собственно барщина не превышали 160 дней.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что повинность огородниковъ была равномѣрнѣе, около 100 дней, или, по тогдашней стоимости работы, около 8 рублей на наши деньги; повинность же подворищныхъ колебалась—вѣроятно, сообразно удобствамъ имѣнія, между 190 и 290 днями, или по оцѣнкѣ между 15 и 23 нынѣшними рублями съ дворища. Сопоставляя, для большей ясности, тогдашнюю цѣну труда съ цѣною хлѣба, именно ржи, получимъ, что огородникъ отрабатывалъ и отдавалъ стоимость 27 нынѣшнихъ четвертей ржи, а подворищный отъ 55 до 81 четверти. Это сопоставленіе цифръ приводитъ насъ къ весьма интересному выводу, что впродолженіи послѣднихъ 300 лѣтъ цѣность хлѣба возрастала несравненно быстрѣе, чѣмъ цѣнность труда, т. е. что теперь отношеніе между этими цѣнностями гораздо менѣе выгодно для рабочаго, чѣмъ было въ концѣ XVI в. Конечно, подобный выводъ, сдѣланный нами только мимоходомъ

и приблизительно, имѣетъ пока только проблематическое значеніе и нуждается въ болѣе обстоятельной провѣркѣ путемъ изслѣдованія измѣненія цѣнностей вообще.

Замѣчательно, что ни въ одномъ изъ печатаемыхъ нынѣ инвентарей подворищныхъ имѣній не упоминаются прихожіе люди или вольники; повидимому ихъ отталкивала существовавшая здѣсь въ значительныхъ размѣрахъ барщина, такъ какъ вообще крестьяне предпочитали даже и тяжелые платежи отбыванію издѣльной повинности. Такъ мы находимъ упоминаніе, что крестьяне упрашивали своихъ владѣльцевъ «осадить ихъ на чиншѣ, а отъ работы своее вызволить» [1]). Съ другой стороны, землевладѣльцы, находя для себя гораздо болѣе выгоднымъ имѣть барщинниковъ, чѣмъ арендаторовъ земли за деньги, составляли даже формальныя стачки противъ вольниковъ и опредѣляли большія денежныя взысканія противъ шляхтичей, которые примутъ къ себѣ поселенцевъ на условіяхъ денежнаго платежа. Въ этомъ отношеніи особенно интересенъ «уставъ о похожихъ людяхъ» составленный и принятый на сеймѣ дворянствомъ воеводствъ Полоцкаго и Витебскаго въ 1551 году. Постановляя условія, какихъ однообразно должны держаться всѣ землевладѣльцы при поселеніи у нихъ вольныхъ людей, шляхтичи обязались взаимно перевести на то же положеніе и всѣхъ тѣхъ слободичей, какіе живутъ у нихъ на ту пору; для нарушителей же своего устава опредѣляютъ штрафъ въ 500 копъ или въ двѣ слишкомъ тысячи нынѣшнихъ рублей въ пользу господаря. Условія, на которыхъ постановлено принимать вольниковъ, заключались въ слѣдующемъ:

Поселенецъ долженъ былъ отдавать владѣльцу четвертую часть всего урожая, смолотить эту часть подъ надзоромъ

---

[1]) № XXXVI, стр. 94.

владѣльческаго посланнаго, кормя при этомъ послѣдняго, и свезти ее владѣльцу; меду долженъ былъ отдавать половину. Сверхъ того онъ обязанъ былъ четыре раза въ годъ работать по два дня на барщинѣ, отработать восемь дней «толоки» и ходить на ловы. Если бы онъ не захотѣлъ принять этихъ условій и предпочелъ перейти вполнѣ на барщину, то долженъ былъ работать по два дня въ недѣлю и 8 дней толоки. т. е. 106 дней въ годъ. Дальнѣйшія постановленія опредѣляютъ порядокъ выхода вольнаго человѣка изъ имѣнія, условія льготы для поселяющихся «на сыромъ корени», т. е. въ нераспаханной пустоши, и т. д. [1]). Два года спустя дворяне вошли съ представленіемъ къ королю о томъ, что на его земляхъ условія поселенія болѣе льготныя, а потому прихожіе люди бѣгутъ изъ частныхъ имѣній въ королевскія, и король согласился ввести тотъ же уставъ и въ своихъ имѣніяхъ [2]).

Естественно, что съ постепеннымъ и довольно быстрымъ распространеніемъ тяжелыхъ условій крѣпостного права съ Сѣверозапада на Полѣсье и Волынь, прихожіе люди стремились далѣе въ Украинскія воеводства, гдѣ еще въ концѣ XVI вѣка условія поселенія были гораздо легче. Въ настоящемъ томѣ находится нѣсколько инвентарей того времени, относящихся къ сосѣднимъ даже съ Волынью мѣстностямъ Кіевскаго воеводства, и ни въ одномъ изъ нихъ о панщинѣ вовсе не упоминается; за то здѣсь часто встрѣчаются поселенія слободъ съ продолжительными льготами отъ всякихъ повинностей. Такъ въ спискѣ крестьянъ м. Ловкова и с. Мократичъ, 1582 г., находимъ, что здѣсь было 7 крестьянъ отчичей или засѣдѣлыхъ, 6 данниковъ давали всего 8 ведеръ меду, а остальные 15 названы

---

[1]) Памятники, т. I, отд. 2, стр. 8—14.
[2]) Тамже, стр. 15—19.

людьми куничными, т. е. свободными поселенцами за плату [1]). Въ 1585 г. панъ Тышкевичъ, отдавши въ аренду свое имѣніе Пулины, тѣмъ не менѣе объявилъ желающимъ тамъ селиться двадцатилѣтнюю льготу, причемъ упоминается и о вкопаномъ «водлугъ обычаю» столбѣ [2]). Когда составлялся въ 1599 г. первый инвентарь Слободищскаго имѣнія, то оказалось, что только 70 жителей города Старыхъ Слободищъ платили по 20 грошей и работали было по 3 дня *въ годъ*, но и это было съ нихъ сложено владѣльцемъ; въ прочихъ же 22 мѣстностяхъ этого огромнаго и многоземельнаго имѣнія, въ которыхъ было 857 дворовъ, никто не платилъ никакихъ повинностей; мѣщане г. Кодни объясняли при этомъ, что они помогаютъ иногда въ уборѣ хлѣба, но только по своей доброй волѣ, за угощеніе, и то не больше одного дня [3]). Въ томъ же актѣ упоминается и о дани съ вышеупомянутаго села Пулинъ въ Полѣсьи: съ 50 дворовъ этого села шло всего 10 копъ грошей да 14 ведеръ меду [4]). Даже въ Полѣсьи Овручскомъ, въ инвентарѣ обширной Веледницкой волости, 1595 г. заключается только списокъ крестьянъ, но о повинностяхъ не упоминается [5]). Въ послѣднихъ годахъ XVI вѣка Кіевскій бискупъ Верещинскій селилъ слободы на обширныхъ пространствахъ Хвастова и Дорогинки [6]).

Неудивительно, что здѣсь и крестьянская состоятельность была гораздо выше; въ Житомирскомъ повѣтѣ крестьяне впрягали въ плуги по десяти быковъ [7]), а еще южнѣе, въ Брацлавскомъ воеводствѣ, стоимость имущества 26 крестьянскихъ

---

[1]) № XLVI, стр. 116—117.
[2]) № LIV, стр. 146.
[3]) № LXXVII, стр. 223—232
[4]) Стр. 226.
[5]) № LXXXI, стр 244—253.
[6]) № LXXXVI, стр. 261—262.
[7]) № LXIV, стр. 179.

семействъ показана свыше 4000 копъ, т. е. 12000 рублей,— сумма по тому времени огромная [1]).

Волочная система въ XVI вѣкѣ едва еще только начинала проникать въ предѣлы Волыни; мы встрѣтили ее только въ двухъ сѣверныхъ мѣстностяхъ этого края, и повинности оказываются здѣсь выше, чѣмъ въ имѣніяхъ подворищныхъ. Такъ въ Мытищахъ Луцкаго повѣта съ волоки работали полдня ежедневно, давали полкопы и курицу, что все составляетъ 163 дня [2]). Далѣе къ Сѣверозападу, въ Койленскомъ имѣніи Владимирскаго повѣта, панщина и стоимость повинностей доходила даже до 233 дней [3]). Для сравненія высоты этихъ повинностей съ приведенными выше подворищными, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что волока было вчетверо меньше, чѣмъ дворище.

---

[1]) № XLVII, стр. 117—126.
[2]) № XLIV, стр. 110.
[3]) № LXX, стр. 203—207.

IV.

XVII вѣкъ.—Инвентари въ первой половинѣ столѣтія.—Возстаніе Хмельницкаго.—Вліяніе козацкихъ войнъ на бытъ крестьянскаго сословія.

Девять актовъ настоящаго тома, поясняющихъ повинности крестьянъ въ первой половинѣ XVII вѣка, за исключеніемъ одного только, всѣ относятся къ Волыни, и именно къ двумъ сѣвернымъ ея повѣтамъ. Изъ нихъ мы видимъ, что волочная система получила здѣсь уже полное преобладаніе. Обложеніе по дворищамъ встрѣчаемъ только въ одномъ инвентарѣ 1626 г., относящемся къ селу Городку Владимирскаго повѣта [1]). Повидимому и здѣсь оно сохранилось только потому, что это имѣніе принадлежало не частному лицу, а Владимирской соборной Богородицкой церкви; это отразилось и на нѣкоторыхъ оговоркахъ инвентаря въ пользу крестьянъ, такъ какъ онъ былъ составленъ при отдачѣ имѣнія въ аренду шляхтичу Линевскому. Здѣсь обращаетъ также на себя вниманіе сравнительно высокое отношеніе числа крестьянъ, владѣющихъ полными дворищами, къ числу загородниковъ: первыхъ было 13, а послѣднихъ

---

[1]) № CXLIII, стр. 462—465.

только 6, полудворищныхъ совсѣмъ не было, тогда какъ въ частныхъ имѣніяхъ отношенія эти совсѣмъ другія. Подворищные работали каждый день, т. е. по одному работнику съ дворища, а загородники по три дня въ недѣлю; при этомъ оговорено, чтобы въ праздничные дни крестьяне не были принуждаемы къ работамъ; о толокахъ говорится, что ихъ должно быть въ годъ не болѣе десяти, тоже не въ праздники, и притомъ собираемыхъ безъ насилія и съ оставленіемъ необходимаго числа людей въ домахъ [1]). Ко всѣмъ крестьянамъ относится еще и такая общая оговорка относительно самаго производства работъ: «А подданъные вси кгды одну роботу роблятъ, другое роботы не повинни робити, то есть: коли пойдетъ зъ косою—зъ серпомъ не повиненъ, албо зъ плугомъ—зъ цепомъ не повиненъ; такъ же иншихъ роботъ, одну отправуючи, другое не повинни». И если, несмотря на такую видимую мягкость отношеній, повинности оказываются и здѣсь все таки выше, чѣмъ онѣ были въ XVI вѣкѣ даже у частныхъ владѣльцевъ, то это доказываетъ только, съ какою быстротою возрастала въ ту эпоху экономическая зависимость крестьянъ, и какъ легко укоренялось въ общественномъ мнѣніи сознаніе неизбѣжности такого возрастанія. Именно, по даннымъ XVI вѣка мы получили среднюю повинность съ дворища около 240 дней, здѣсь она опредѣляется въ 304 дня; для загородниковъ тамъ было около 105,—здѣсь 157 дней; вдобавокъ повинности села Городка были тѣмъ тяжелѣе, что въ составъ ихъ не входятъ какія либо дани, а онѣ во всей полнотѣ отбывались личнымъ трудомъ.

Въ имѣніяхъ, принадлежавшихъ Владимирской же уніатской епископіи, находимъ въ 1633 г. уже систему волочную, причемъ и рабочія силы крестьянскихъ хозяйствъ были весьма

[1]) „Наболшей толко десетъ толокъ быти маетъ, однакъ не кгвалтомъ и на голову всихъ вкланяти, зоставуючи челяди и подданымъ на ихъ власную работу и потребу домовую".

слабы: такъ въ селѣ Петиднахъ 10 хозяевъ могли выставить только два плуга (т. е. 8 воловъ [1]), въ Хрипаличахъ 2 плуга принадлежали 15 хозяевамъ, и въ Микуличахъ у 17 хозяевъ было 18 штукъ скота. Въ какомъ размѣрѣ крестьяне этихъ селъ были надѣлены землею, т. е. сколько изъ нихъ имѣли по волокѣ, и сколько по полволоки, изъ акта не видно. Повинности опредѣлены такія: съ волоки должны были работать по 5 дней въ недѣлю, а во время жатвы по 5 дней вдвоемъ; кромѣ того платили злотый чиншу и давали разныя дани, которыхъ мы теперь уже не будемъ приводить подробно, такъ какъ не имѣемъ руководящихъ данныхъ для опредѣленія ихъ цѣнности въ то время сравнительно съ цѣною на трудъ; съ полуволокъ все взималось въ половинномъ размѣрѣ. Самою же главною тягостью являются здѣсь толоки, которыя собирались еженедѣльно, т. е. отнимали у крестьянина его единственный свободный день, съ тѣмъ еще вдобавокъ, что въ этотъ день должна была итти на работу и вся его семья [2]).

Изъ третьяго инвентаря Владимирскаго повѣта, относящагося къ частному и мелкопомѣстному имѣнію, мы видимъ, что здѣсь повинности сильно возрасли уже въ болѣе раннее время: въ селѣ Ружинѣ, еще съ 1606 года, когда было произведено измѣреніе земель, ни одинъ крестьянинъ не владѣлъ полной волокой, такъ что и за единицу обложенія принята была полуволока. Съ этого то участка отбывали барщины по 4 дня въ недѣлю, а въ жнива по пяти, сверхъ того 5 толокъ, платили по 12 грошей, давали рожь, куръ и яица, пряли на 3 локтя холста и обязаны были ѣздить за 10 миль въ подводу [3]).

---

1) № CXX, стр. 395.
2) № CLII, стр. 488—491.
3) № CI, стр. 337.

Въ числѣ инвентарей Луцкаго повѣта одинъ, 1606 года, выдается тѣмъ, что въ немъ барщинная и подводная повинность были замѣнены денежнымъ платежемъ; высота послѣдняго, въ сравненіи съ прочими повинностями, показываетъ, что владѣльцы больше всего дорожили именно даровой работой. Въ селѣ Витковичахъ взамѣнъ работы и подводъ платилось по восьми злотыхъ съ волоки, а чинша только по 10 грошей; кромѣ того крестьяне давали десятину со свиней, сѣно, ленъ, пеньку, куръ, яицы, медъ и даже жолуди, замѣняемые, въ неурожайные на нихъ годы, половиннымъ количествомъ ржи [1]).

Остальные инвентари Луцкаго повѣта представляютъ главную общую черту, именно ежедневную работу съ волоки, измѣняются только предметы и размѣръ остальныхъ даней; въ въ одномъ инвентарѣ, села Бѣлаго Стока (годъ 1619), требовался между прочимъ еще денежный платежъ по ползлотого [2]); по другому, села Шпакова (годъ 1631), крестьяне обязаны были пахать 8 дней въ году не въ счетъ ежедневной барщины; въ послѣднемъ наконецъ, села Богурина (годъ 163[illegible]), упоминается о повинности бояръ—ѣздить конемъ по приказанію за 4 мили, или ходить пѣшкомъ не далѣе одной мили, сельскіе ремесленники обязаны были работать безъ вознагражденія, имъ давались только матеріалы и кормъ во время работы; въ числѣ зависимаго населенія этого села находимъ и нѣсколькихъ безземельныхъ шляхтичей, повинностью которыхъ было стеречь лѣсъ, а равно являться къ началу и концу работъ по полевой уборкѣ: здѣсь мы въ первый разъ встрѣчаемъ въ инвентарѣ названія: закоски, обкоски, зажинки, обжинки [4]). Необходимо еще замѣ-

---

[1]) № CII, стр. 337—338

[2]) № CXX, стр. 395.

[3]) № CXLXI стр. 479—481.

[4]) № CL, стр. 481—486.

тить, что во всѣхъ этихъ имѣніяхъ крестьяне на волокахъ обладали значительнымъ количествомъ скота, въ чемъ, очевидно, при ежедневной барщинѣ заключался прямой интересъ владѣльцевъ.

Въ эту раннюю эпоху появляется, въ числѣ прочихъ доходовъ землевладѣльцевъ, и такъ назыааемое право пропинаціи, состоявшее не только въ исключительномъ правѣ торговли напитками, но и въ запрещеніи своимъ крестьянамъ покупать ихъ гдѣ либо на сторонѣ; вмѣстѣ съ пропинаціею владѣльцы монополизировали и помолъ. Отдавая оба эти права въ аренду, они установляли значительные штрафы за ихъ нарушеніе [1].

Возрастаніе повинностей населенія въ пользу шляхты замѣчается и въ направленіи територіальномъ: единственный извѣстный намъ инвентарь этой эпохи изъ Кіевскаго воеводства, именно города Бердичева и селъ Быстрика и Жидовецъ, 1611 года, показываетъ, что не прошло еще и двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ здѣшнее населеніе такъ энергически протестовало противъ введенія инвентарей и измѣренія земель,— а волочная система успѣла уже проникнуть и сюда. Конечно, повинности здѣсь были пока очень легки, а сравнительно съ Волынью ничтожны, и барщины еще не было. Такъ въ Бердичевѣ съ волоки платили копу деньгами, по мѣркѣ жита и овса, по шести возовъ сѣна, по гусю и двѣ курицы, и обязаны были сходить въ извозъ до Львова или Западнаго Буга. Невладѣвшіе пахатной землею давали отъ дыму по полтора злотаго и по 4 курицы [2].

Недостатокъ данныхъ не позволяетъ намъ прослѣдить, насколько далеко вглубь Украины успѣла проникнуть волочная

[1] № CIV, стр. 343; годъ 1607.
[2] № CXIV, стр. 373.

система, хотя бы и въ такой смягченной формѣ. Но шляхта рассѣлялась въ эти годы уже и по Заднѣпровью, захватывая огромныя пространства земель, мирясь вначалѣ со свободой земледѣльческаго населенія, чтобы потомъ, усилившись и окрѣпнувъ на мѣстѣ, мало по малу узурпировать эту свободу. Здѣшнія земли, на которыя еще не распространилось право владѣнія шляхты, считались, по ея взгляду, пустыми, т. е, подлежащими раздачѣ. Такъ въ 1632 г король жалуетъ своему скарбовому писарю Филону—Петру Мировицкому два городища надъ рѣкою Ворсломъ, и грамота выражается о нихъ такимъ образомъ: два *пустыя* городища, называемыя Глинскъ и Бѣльскъ, лежащія на Украинѣ, въ воеводствѣ Кіевскомъ, за рѣкою Ворсломъ, подлѣ могилы, называемой у Скоробора [1]). И однако далѣе, въ той же грамотѣ, въ перечисленіи угодій этихъ «пустыхъ» городищъ, упоминаются «мельницы и корчмы».—Въ 1639 году король жалуетъ полковнику Станиславу Потоцкому имѣніе за Днѣпромъ: «Максимовку съ городищемъ и съ слободами, граничащую съ рѣчками Пивами, Германомъ, Іорданкой, и озерами; Курославомъ и Бѣлозеромъ да къ тому слободки Бужинъ и Вороновку, граничащія съ озерами Кривымъ и Домановкой, по рѣку Быстрикъ, по Старецъ, Стрѣльниковъ перевозъ, и по Савиночи, со всѣми прочими слободами, островами, уходами, селами, теперь существующими или имѣющими основаться въ будущемъ, крестьянами (poddanemi), и т. д. [2]). Изъ акта 1640 г. видимъ, что Домонтовымъ, Песчаной и Золотоношею владѣлъ въ ту пору коронный стражникъ Самуилъ Лащъ-

---

[1]) Horodyszcza puste dwie, Hlinską y Bielską nazwane, wyżey Połtawy nad rzeką Worskłem, podle mogiły, u Skorobora nazwaney, za rzeką Psłem, na Ukrainie, w woiewodztwie Kiiowskim leżące». № CLI, стр. 487.

[2]) № CLXXX, стр. 513—515.

Тучапскій [1]). Въ 1646 г. панъ Гурскій жалуется, что какіе-то хлопы Омелянъ Ивановичъ и Радко Васильевичъ незаконно присвоили себѣ право распоряжаться его имѣніемъ надъ рѣкою Ворскломъ у Шандбарова перевоза [2]). Подъ 1647 годомъ находимъ арендный листъ князя Іереміи Вишневецкаго на отдачу города Лубенъ коронному стражнику Александру Замойскому, гдѣ упоминается и монастырь бернардиновъ въ Лубнахъ. Изъ акта видно, что здѣшніе жители не только не несли почти никакихъ повинностей, но даже нѣкоторыя пошлины, какъ мостовое и ваговое, шли въ пользу мѣщанъ [3]).

Вотъ это-то распространеніе шляхетской власти въ степи Украины, гораздо болѣе чѣмъ угнетеніе ею крестьянъ, сюда еще не достигшее, и было главною причиною всеобщаго возстанія при Хмельницкомъ: крестьянство Волыни и Полѣсья было на столько уже задавлено постепенно возраставшимъ гнетомъ, что не представляло активнаго отпора или ограничивалось частными вспышками, а главнымъ образомъ искало спасенія въ бѣгствѣ. Эта бѣжавшая, наиболѣе энергическая часть населенія, не могла сносить самого присутствія въ своей средѣ шляхты, отъ которой именно она бѣжала, натерпѣвшись вдоволь. И дѣйствительно, мы видимъ, что наиболѣе живую поддержку Хмельницкій нашелъ не среди сильно страдавшаго Волынскаго крестьянства, а напротивъ, въ тѣхъ именно мѣстностяхъ, гдѣ шляхетскій элементъ не успѣлъ еще пустить крѣпкихъ корней и вполнѣ выказать свои истинныя стремленія: дѣло въ томъ, что эти стремленія были достаточно близко знакомы здѣшнему населенію—по старой памяти.

Что касается вліянія на крестьянъ возстанія 1648 года,

---

1) № CLX, стр. 520—521.
2) № CLXVII, стр. 543—545.
3) № CLXX, стр. 549—551.

то возстаніе это приняло характеръ крестьянскаго движенія самой силою вещей, безъ всякаго предвзятаго плана. Главный козацкій предводитель, по крайней мѣрѣ въ первое время возстанія, относился къ крестьянамъ даже очень несочувственно, преслѣдуя цѣли національныя, религіозныя, отчасти даже личныя, но никакъ не соціальныя. Это лучше всего доказывается знаменитымъ универсаломъ Хмельницкаго, отъ 20 сентября 1650 года, гдѣ онъ строго предписываетъ крестьянамъ находиться въ послушаніи у пановъ, а панамъ дозволяетъ «жебы сами панове, весполъ съ полковниками нашими, Белоцерковскимъ або Киевскимъ (тыхъ своволъниковъ) сурово, бы и на горле, карали; а тые зась, которые кровъ невинную пролели и покой нарушили, горловаго караня не уйдутъ, якожъ и тутъ за тое не одного на горло скарали есмо» [1]. Такое именно отношеніе его къ крестьянскому движенію и было причиною того, что народъ приписалъ свои бѣдствія отъ Татаръ въ 1653 г. именно Хмельницкому и до сихъ поръ проклинаетъ въ пѣснѣ «Хмеля» за то, что онъ велѣлъ Ордѣ брать въ ясыръ дѣвушекъ и женщинъ [2].

Возстанія временъ Хмельницкаго и послѣдующія усобицы отразились на крестьянахъ двоякимъ образомъ: въ частныхъ случаяхъ они вызвали насилія, убійства, грабежи иногда даже самоправную расправу съ сосѣдями крестьянами же [3]. Но болѣе общее и повсемѣстное вліяніе войнъ заключалось въ возбужденіи въ народныхъ массахъ сильнаго движенія въ смыслѣ территоріальномъ: одни убѣгали отъ козаковъ, другіе шли къ

---

1) № CLXXVIII, стр. 573—574.—Памятники, т. II, отд. 3, стр. 57—63

2) Антоновичъ и Драгомановъ, Ист. пѣсни малор. нар., т. II, стр. 116—118.

3) См. напр. № CLXXIV, стр. 565—567.

нимъ, третьи вообще пользовались случаемъ перемѣнить мѣсто-жительства, иногда очень неудачно. Такъ въ концѣ 1619 г. около 500 крестьянскихъ семействъ изъ Звягольской волости Луцкаго повѣта бѣжали въ повѣтъ Житомирскій въ мѣстечко Вильскъ, но здѣсь были ограблены дотла мѣстнымъ арендаторомъ, шляхтичемъ Цеклинскимъ, и потомъ выгнаны вонъ [1]). Сильное передвиженіе населенія доказывается появленіемъ именно съ этого самаго времени въ актовыхъ книгахъ многочисленныхъ заявленій о бѣгствѣ крестьянъ и даже о запустѣніи цѣлыхъ селъ, въ примѣръ чего можно привести заявленіе Кіевскаго подкоморія Юрія Немирича о числѣ бѣжавшихъ изъ его Лугинскаго имѣнія. Оказывается, что изъ города Лугинъ и селъ: Тесновки, Глуховой, Тереховъ и Дывлина ушло 275 крестьянскихъ семействъ, а въ тоже время прибыло 80 новыхъ поселенцевъ [2]). Въ актовой книгѣ Житомирскаго гродскаго суда за 1650 годъ находится семдесятъ девять такого рода документовъ [3]). Въ Паволочской волости изъ 68 мѣстностей, бывшихъ прежде заселенными, къ 1683 году, подъ вліяніемъ козацкихъ войнъ, жители остались только въ двухъ мѣстечкахъ, въ числѣ 76 дворовъ [4]). Въ Иванковской волости, лежавшей ближе къ Полѣсью, изъ 22 мѣстностей заселенными оказалось только 5, и въ нихъ дворовъ 133 [5]).

Не касаясь того вліянія, какое военныя дѣйствія, постоянные переходы войскъ и самое это шатаніе населенія — должны были имѣть на благосостояніе крестьянъ вообще, — слѣдуетъ

---

[1]) № CLXXII. стр. 558—562.

[2]) № CLXXX, стр. 576—579.

[3]) По списку Центральнаго Архива — № книги 19, — Подробная выборка изъ этихъ документовъ въ Мат. для ист. заселен. Кіев. губ. стр. 20—27.

[4]) Приложеніе, № LII, стр 1[illegible]—151.

[5]) Приложеніе, № LIII, стр [illegible]—156

упомянуть, какъ отразилось все это собственно на величинѣ крестьянскихъ повинностей. Инвентарей южныхъ воеводствъ здѣсь снова недостаетъ, такъ какъ здѣсь и не было въ ту пору никакой надобности въ ихъ составленіи. Во Владимирскомъ повѣтѣ въ селѣ Житанахъ (годъ 1661) повинность опредѣлена съ волоки въ 6 дней лѣтомъ и въ 3 зимою, всего въ 234 дня, кромѣ того по 3 четвертки овса и по $7^1/_2$ грошей съ хозяина [1]). Въ селѣ Русновѣ (годъ 1667) работали съ полуволоки по 3 дня тяглыхъ и 1 день пѣшій; при этомъ изъ 17 хозяевъ только 4 имѣли по полуволокѣ, остальные 13—всего по четверти [2]). Въ Добратинѣ и Букоймѣ (годъ 1671). оказывается между крестьянами очень много прихожихъ, поэтому повинности здѣсь не высоки, не превосходятъ 3 дней, а большинство работало только по 1 дню въ недѣлю [3]). Несовсѣмъ таковы были повинности въ Луцкомъ повѣтѣ: въ Пашовѣ (годъ 1655) работали съ полуволоки по 1, по 2 и по 3 дня; но здѣсь замѣчательно перечисленіе инвентаря крестьянъ: почти о каждомъ говорится, что у него нѣтъ ничего, даже яица перестали давать, потому что нѣтъ и курей; объ одномъ хозяйствѣ сказано: сидѣлъ на полуволокѣ, но какъ теперь у него ничего нѣтъ, то и на зиму ничего не посѣялъ [4]). Въ Каменной Горѣ (годъ 1655) повинности отличались высотой и разнообразіемъ: здѣсь работали по 6 дней въ недѣлю и седьмой день женскій, чинша платили по 2 злотыхъ и 3 гроша; сверхъ того давали полмацы хмѣлю, гуся, 2 каплуна, 12 связокъ (повисомъ) прядева, 100 грибовъ, 20 яицъ, полмацы жолудей и 2 ложки червеца [5]). Одна бар-

---

1) Прил. № XXIII, стр. 69—70.
2) Прил. № XXXVII, стр. 103—105.
3) Прил. № XXXIX, стр. 107—115.
4) Прил. № II стр. 5—8.
5) Прил. № III, стр. 8—10.

щина, не считая всѣхъ этихъ даней, составляетъ 356 рабочихъ дней. Къ сожалѣнію не указана величина надѣла.—Въ единственномъ изъ овручскихъ инвентарей означено по 2 и по 3 дня работы въ недѣлю [1]).

На первый взглядъ, приведенныя данныя противорѣчатъ другъ другу и не могутъ служить ни для какого общаго вывода. Но это кажущееся противорѣчіе легко объясняется. Во все предыдущее время мы замѣчали стремленіе повинностей къ повышенію; понятно, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, на которыя военныя дѣйствія до извѣстнаго времени почему либо не оказали своего вліянія,—онѣ продолжали повышаться. Наоборотъ, въ мѣстностяхъ, подпавшихъ вліянію событій, хотя бы и косвенно, повинности, въ виду уменьшенія числа и потому вздорожанія рабочихъ рукъ, въ виду появленія захожихъ рабочихъ и стремленія удержать ихъ,—должны были нѣсколько понизиться. Такое пониженіе, или вѣрнѣе задержка повышенія повинностей и была главнымъ общимъ результатомъ козацкихъ войнъ. На сколько впрочемъ она, въ связи съ обусловившими ее событіями, могла способствовать благосостоянію крестьянъ,—это другой вопросъ, на который едва ли можно отвѣчать положительно, тѣмъ болѣе, что самая задержка была очень кратковременна: уже въ самомъ началѣ XVIII вѣка замѣчается довольно высокая норма повинностей, повышающаяся и дальше, какъ это изложено уже въ изслѣдованіи г. Антоновича, составляющемъ вступленіе къ слѣдующему (II) тому настоящей VI части «Архива Югозападной Россіи» [2]).

---

[1]) Прил. № XVI, стр. 37—40, годъ 1664.

[2]) И отдѣльною брошюрою, подъ заглавіемъ: „Изслѣдованіе о крестьянахъ въ Юго-Западной Россіи по актамъ 1700—1798 г.". К. 1870.

V.

Злоупотребленія владѣльцевъ,—вліяніе аренды и заставы.—Реакція со стороны крестьянъ: бѣгство и постоянные переходы; открытые бунты и аграрныя преступленія.

Если изложенныя выше условія быта крестьянъ, признававшіяся за нормальныя дѣйствующимъ законодательствомъ или установившимся обычаемъ, были очень тягостны,—то дѣйствительность, очень часто несоотвѣтствовавшая ни закону, ни обычаю, оказывалась еще тяжелѣе. Къ сожалѣнію, мы не можемъ имѣть данныхъ для точнаго опредѣнія *среднихъ* условій этой дѣйствительности, такъ какъ признаніе помѣщичьяго полновластія надъ крестьянами и лишеніе послѣднихъ права самостоятельной жалобы на владѣльцевъ, не только узаконяли произволъ и отнимали у судебной власти всякій поводъ ко вмѣшательству въ экономическое устройство и доминіальную юрисдикцію помѣщиковъ, но даже не допускали возможности сохраненія въ актовыхъ книгахъ какихъ либо рѣзче выдающихся фактовъ помѣщичьяго самоуправства, если таковое падало всею своею тяжестью исключительно на крестьянъ. Факты такого рода дѣлались достояніемъ судебной хроники только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ нихъ сталкивались интересы двухъ или нѣсколькихъ лицъ привиллегированнаго сословія, и кто нибудь

изъ нихъ, ради своихъ личныхъ выгодъ, долженъ былъ косвенно защищать и входившіе съ ними въ такую или иную коллизію интересы крестьянъ. Мы не можемъ, конечно, включать сюда тѣхъ случаевъ, когда владѣлецъ являлся заступникомъ крестьянъ вслѣдствіе причиненныхъ имъ совершенно посторонним лицомъ убытковъ или насилій, такъ какъ эти случаи, хотя и весьма важные для характеристити нравовъ и быта извѣстнаго общества, оказывавшіе, по своей обыденности, весьма значительное вліяніе на положеніе крестьянъ, были все же только проявленіями ни на чемъ не основаннаго произвола. Гораздо важнѣе въ данномъ отношеніи тѣ случаи, когда интересы крестьянъ и шляхтичей соприкасались на основаніи какой либо юридической сдѣлки шляхтичей между собою, т. е. когда фактическое владѣніе крестьянами временно переходило изъ рукъ собственника къ другому лицу, какъ напр. при отдачѣ имѣній въ аренду или заставу. Оба эти способа пользованія были весьма распространены въ Польшѣ; застава представляла собою особый видъ залога недвижимости, доселѣ сохранившійся въ Малороссіи между козаками и крестьянами подъ тѣмъ же названіемъ, при которомъ имущество находилось во владѣніи не заемщика, а кредитора, пользующагося доходами имѣнія въ уплату процентовъ на занятую сумму. Застава, какъ и аренда, чаще всего дѣлалась на три года, но невыкупъ имѣнія не имѣлъ послѣдствіемъ его потери, а только время выкупа отдалялось снова на тотъ же трехлѣтній срокъ, и т. д., такъ что въ сущности застава была залогомъ безсрочнымъ. Распространенности ея способствовала какъ мѣстная осѣдлость шляхетскихъ родомъ вообще, съ ихъ традиціонной привязанностію къ своимъ «гнѣздамъ» [1]), такъ еще

---

[1]) Этимъ именемъ, gniazdo, польскіеи сторики и генеалоги обыкновенно называютъ первоначальное родовое имѣніе какой либо фа-

болѣе зависимость нѣкоторыхъ политическихъ и гражданскихъ правъ отъ землевладѣнія: занимать какія либо должности по мѣстному управленію могъ только шляхтичъ осѣдлый (bene natus et possessionatus) шляхетское habeas corpus (neminem captivabimus, nisi jure victum) распространялось тоже только на нихъ, тогда какъ безземельные шляхтичи, привлеченные къ суду, должны были представлять поручителя, а иначе могли подвергаться и предварительному заключенію. Подъ вліяніемъ такихъ законовъ, владѣльцы предпочитали заставу отчужденію имѣній, такъ какъ она сохраняла за ними хотя юридическую фикцію землевладѣнія, на самомъ дѣлѣ имъ непринадлежавшаго иногда уже впродолженіе нѣсколькихъ поколѣній.

Основаніемъ для опредѣленія какъ арендной платы, такъ и даваемой подъ залогъ имѣнія суммы, служилъ обыкновенно инвентарь, содержавшій въ себѣ исчисленіе и оцѣнку крестьянскихъ повинностей и даней; къ общей ихъ стоимости прибавлялся еще доходъ съ корчемъ и мельницъ, гдѣ онѣ были, и полученный итогъ составлялъ годичную плату аренды, при заставѣ же стоимость имѣнія опредѣлялась по капитализаціи указаннаго дохода изъ десяти процентовъ. Такимъ образомъ, въ обоихъ случаяхъ угодья и доходы собственно съ хозяйства не

миліи давшей иногда ему названіе, а еще чаще—отъ него происшедшей. Примѣры перваго случая: Новый Верещинъ, Н. Ружинъ—отъ Верещинскихъ, Ружинскихъ, и т. д.; фамиліи то прямо производились отъ названія мѣстности. какъ Острожскіе, Ружинскіе. Заславскіе, Порицкіе—князья, или Букоемскіе, Лещинскіе, Трипольскіе и проч., то имя производное отъ мѣстности присоединялось къ первоначальному родовому для различенія отраслей рода, а потомъ иногда и совсѣмъ вытѣсняло первое имя, напр .Гавсовичи—Кукольскіе и Гавсовичи—Шостаковскіе, Гулевичи--Воютинскіе и Гулевичи Перекальскіе, Кисели—Дорогиницкіе и Кисели--Низкиницкіе; Оранскіе—первоначально Войны—Оранскіе, Боротинскіе—перв. Вороны-Боротинскіе, и т. д.

принимались въ расчетъ, а чистымъ доходомъ считался только даровой трудъ крестьянъ и платимыя ими дани въ формѣ прямыхъ или косвенныхъ (пропинація, помолъ) налоговъ. Понятно, что въ правильности составленія и выполненія инвентаря были заинтересованы и крестьяне, и обѣ договаривающіяся стороны; нерѣдко однако возникали злоупотребленія той или другой изъ нихъ, и настоящій томъ заключаетъ довольно много документовъ, касающихся подобнаго рода дѣлъ. Общая черта всѣхъ ихъ—это угнетенное положеніе крестьянъ, но источникъ этого угнетенія бывалъ различенъ: оно исходило то отъ вотчинныхъ владѣльцевъ, преимущественно въ случаяхъ заставы, то—при арендѣ—чаще отъ владѣльцевъ временныхъ. Сравнительно рѣже документы, касающіеся злоупотребленій со стороны управляющихъ или опекуновъ имѣнія [1]). При отдачѣ имѣній въ заставу, владѣльцамъ было выгодно исчислять доходъ возможно въ большемъ размѣрѣ; поэтому они обозначали въ инвентаряхъ не только всѣ дѣйствительно отбываемыя повинности, но и прибавляли новыя, никогда несуществовавшія; заставный владѣлецъ, конечно, требовалъ отъ крестьянъ отбыванія всего согласно инвентарю, причемъ иногда оказывалось, что крестьяне не имѣютъ къ этому даже и физической возможности. Такъ мы встрѣчаемъ ложное показаніе барщины въ двойномъ размѣрѣ, обозначеніе числа крестьянскаго рабочаго скота болѣе существующаго, и т. под. невѣрности [2]). Нерѣдко, заставивши имѣніе, т. е. выручивъ приблизительную стоимость его, самъ же владѣлецъ начиналъ разорять и угнетать крестьянъ, нимало не

---

[1]) Приложеніе, № XXVIII, стр. 82, вымогательства управляющаго и насилія надъ женщинами; № C, стр. 319, истязанія крестьянъ; № LXII, стр. 218, разореніе имѣнія опекунами.

[2]) Приложеніе, № CL, стр. 481; № CLVII, стр. 495; № CLXIII, стр. 518; № CLXVIII, стр. 532.

заботясь, что это можетъ послужить причиною разброда послѣднихъ; одинъ актъ передаетъ намъ такой отвѣтъ подобнаго владѣльца обижаемымъ имъ же крестьянамъ: «Ступайте, куда хотите,—и васъ и ваше имущество я спряталъ уже въ сундукъ» [1]). Что касается «заставныхъ владѣльцевъ», залогодержателей, то отъ нихъ чаще всего доставалось крестьянамъ къ концу срока заставы, когда предвидѣлся скорый выкупъ имѣнія вотчинниками, такъ что послѣдніе нерѣдко получали имѣніе въ разоренномъ видѣ и съ значительно уменьшившимся населеніемъ, вслѣдствіе ухода крестьянъ [2]). При отдачахъ имѣній въ аренду, злоупотребленія владѣльцевъ были сравнительно рѣже, чѣмъ угнетенія со стороны арендаторовъ; они имѣли мѣсто преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣлецъ, оставивъ часть имѣнія за собою, селился въ ней самъ и заставлялъ работать здѣсь и тѣхъ крестьянъ, которые были заарендованы другому лицу, при чемъ, конечно, не послѣдняя роль принадлежала угрозамъ жестокой расправы по истеченіи срока аренды, а иногда такія угрозы и немедленно приводились въ исполненіе [3]). Что касается угнетенія крестьянъ арендато-

---

[2]) Житомирскій мечникъ Михаилъ Прушинскій отдалъ свое имѣніе въ заставу и потомъ „poddanym swoim woły pozabierawszy, na kuchnię swoią porznąć kazał, przez co pańszczyzny odbywać iakoż y sobie robić nie maią czym, y iuż na zimę nie sieli, y tylko z duszami siedzą, y quis scit—ieżeli precz nie póydą obwinionego przymuszaniem, ponieważ iniculpatus, ażeby precz poszli, varios adinvenit modos, haec formalia enucleando, że wy idzcie precz, ia iuż was y waszą chudobę mam w szkatule“! Приложеніе, № CX, стр. 342.

[2]) № XCV, стр. 395; Приложеніе, № V, стр. 12; № XLV, стр. 126; № IC, стр. 317; № CLVIII, стр 499; № CLXVII стр 530; № CLXXIV, стр 551.

[3]) Такъ помѣщикъ говоритъ заарендованнымъ крестьянамъ: «Ja to tu pan, a nie kto inny, co zechcę, to uczynie z wami“; Прилож. № CLXV, стр. 525.—«Хлопе, вынийдеть арендa,—буду тебе умелъ карать и не одного на шибеницю пошлю«; № CVIII, стр. 352.—»Трохъ подданныхъ, южъ въ посессіи протестантовъ будучихъ, жоны

рами, то таковое представляло явленіе самое обыкновенное, и о немъ упоминается во множествѣ актовъ, дающихъ возможность, хотя косвенно, опредѣлить, насколько фактическое положеніе крестьянъ отличалось отъ нормъ, выработанныхъ закономъ или установленныхъ обычаемъ. Такъ мы видимъ, что арендаторы, вопреки правилу, принуждали крестьянъ работать по праздникамъ, неисключая даже перваго дня пасхи [1]); заставляли отбывать крестьянскія повинности сельскихъ священниковъ [2]); высылали иногда крестьянъ на работы въ оковахъ, а кому это оказывалось не по силамъ, — ставили на его счетъ наемнаго рабочаго [3]); принуждали оставшихся крестьянъ отбывать повинности за бѣжавшихъ [4]), и т. под. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, показывающихъ, до какой степени доходила въ нѣкоторыхъ случаяхъ тягость повинностей у арендаторовъ: такъ мы встрѣчаемъ возвышеніе барщины въ шесть разъ противъ обозначенной инвентаремъ нормы; так. обр. вмѣсто работы по

ихъ забравши и до везеня своего прыватного, до двору Турычанъ, осадивши, и муками албо тортурами ихъ страшачи, одпудили»: Прилож. № XXVI, стр. 76.-Ср № CXXII, стр. 398; Приложеніе № XCIV. стр. 308.

[1]) «Въ неделю и въ свята иншие, которые суть интерцизою вароване, наостатокъ и въ самый день Великои Ночи робити росказуетъ и примушаетъ; а кгды хлопъ прочъ для незносной кривды идетъ, теды, што бы мелъ оного шукать, и овшемъ другимъ мовитъ: вси идьте, я и квиты вамъ дамъ". № CXLVII, стр 474; годъ 1630.

[2]) „Popa do swych posłuszeństw przyniewolają i przyniewolili". № CLXXXII, стр. 581. Замѣчательно, что этотъ фактъ относится ко времени разгара козацкихъ войнъ, при Хмельницкомъ, — 1652 г.

[3]) „Jeżli by który z poddanych rozkazaniu dosyć nie uczynił, takowy swoią lubo karę lubo winę odniosł, w ostatku y w kaydany zakowywano dla nieposłuszeństwa, nad zwyczay w kaydanach robienie, a niewydołaiącemu do robienia robotnika, — co musieli". Приложеніе, № XIII, стр. 41.

[4]) „Poddanych dwóch wypędził, ale y teraz ostatniego poddanego, pociągaiąc do nienależytey pańszczyzny za tych dwóch zbiegłych, do ucieczki przymusił". Приложеніе, № LXXXVIII, стр 296. Ср. тамъ же, № XCIV, стр. 309.

три дня въ недѣлю съ хозяйства, высылали на работу по три души со двора ежедневно [1]); въ такой же степени отягощались крестьяне и другими повинностями; въ одномъ актѣ 1619 г. крестьяне заарендованнаго имѣнія изображаютъ свое положеніе, принудившее часть ихъ къ бѣгству, такимъ образомъ: при своемъ панѣ мы не работали такъ, какъ теперь работаемъ: зимою по два человѣка съ волоки каждый день, лѣтомъ и по трое, съ полуволоки зимой работаемъ ежедневно, а лѣтомъ и по двое, такъ что для себя некогда посѣять и убрать хлѣбъ; дрова возимъ за нѣсколько миль безъ зачета въ барщину; сторожу прежде отбывали одни только пѣшіе загородники, поочередно и съ зачетомъ дней, а теперь требуютъ со всѣхъ по очереди два сторожа каждый день, помимо барщины; въ извозъ посылаютъ за пять-шесть миль безъ зачета; дадутъ смолоть мѣру хлѣба, а требуютъ съ нея полторы мѣры муки; когда ѣздили во Львовъ съ хлѣбомъ, должны были платить пошлину изъ своихъ денегъ, а продавши по разнымъ цѣнамъ, должны были внести деньги сообразно самой дорогой продажѣ; и хоть были мы въ ту пору въ извозѣ, а барщина за насъ отбывалась, и т. д. [2]). Злоупотребленія арендаторовъ

---

[1]) „Въ инвентару повинность тыхъ подданыхъ—робити въ тыждню по дний три, а онъ што день въ тыждень по трое выгоняетъ, же собе небожата робити, коли и поживенья взяти откуль, презъ тяжкие роботы не маютъ, которые... прочъ пошли". № CXXX, стр. 420; годъ 1620. Ср. № CXLVI, стр. 473; № CLXVI, стр. 538, и мн. др.

[2]) „Пыталъ подданыхъ, што бы за причина была и за тежаръ одъ арендаторовъ, же ихъ двадцать и килка прочъ пошло? Которые хлопы съ плачомъ поведили, же тая причина, ижъ зъ волоки и зиме по двое робимъ, лете зъ волоки и по трое, а съ полволочка зиме и теперъ что день робимо, а лете по двое,—немашъ собе коли ани засеяти, а ни хлеба уробити, а передъ тымъ, за пана своего, теды есмо такъ не робляли; до того дрыва за килка миль безъ дня возили есмо; сторожу, которую передъ тымъ загородники тилко,

въ экономической сферѣ были, судя по количеству документовъ этого рода, весьма обыкновенны, сопровождаясь нерѣдко разнаго рода насиліями, самоуправствомъ, жестокими истязаніями и даже казнями подъ видомъ доминіальнаго суда или просто въ видѣ проявленія грубой силы [1]).

Весьма естественно, что фактическій гнетъ, испытываемый крестьянами въ далеко большей мѣрѣ, чѣмъ этого можно бы ожидать по существовавшимъ законодательнымъ и обычнымъ опредѣленіямъ,—вызывалъ, конечно, энергическое стремленіе освободиться отъ подобныхъ условій, выражавшееся то пассивно—въ бѣгствѣ поодиночкѣ, семьями и даже цѣлыми селами, то иногда и активно—въ формѣ крестьянскихъ волненій и преступленій противъ владѣльцевъ или ихъ довѣренныхъ лицъ.

што кони не имили, и одправовали, и то колеею, а коли одправовали, теды дни не робили, а панове арендарове погнали и подданыхъ, потягли колеею, зачимъ хоць паисчизна припала, предсе стеречы казано по два сторожи, тые жъ сторожи въ почи стерегли, а въ день пасли, што передъ тымъ пастухове одправовали; подводу за пять, шесть миль безъ дня до того, и то съ тежаромъ; мацу жита дано зъ двора на мелене, а пувторы мацы муки съ тое мацы казано оддавати; коля и хворосту пикгды дармо на огорожене урубати не позволено, ажъ муселъ килкоро куръ дати; фуру попелную мусели мы отправовати, которое передъ тымъ не бывало; до Львова зе збожемъ коли ездили, мыта муселисмы давати, а пристава при насъ не было; што есмо дали померного, нехотено приняти, яко то вещъ бываетъ, же не однаково на торгу ценятъ, мусели и продати: теды, яко который найвысшую цену продалъ, такъ вси мусели платити; и хотя есмо въ подводе были, предсе паисчизну мусили есмо робити; безъ паисчизны робене кроеенъ, робене полотенъ и прядива накидали, наветъ и гуси занявши мужицкие, пани Кгапецкая подскубовати казала. За такими тежарами пошли прочъ, але было ли бы такъ должей,—и остатокъ пойдетъ", № CXXIV, стр. 409—411.

[1]) См. напр. № XXV, стр 64; № XXVI, стр 66; № XXIX, стр. 74; № XXXII, стр. 88; № LXXIV, стр. 217; № XCV, стр. 295; № CVIII, стр. 353; № CXXII, стр. 398, и многіе другіе.

Бѣгство крестьянъ, обусловливавшееся въ значительной степени неравномѣрностью повинностей и силы помѣщичьей власти въ разныхъ частяхъ Польскаго государства, существованіемъ на юговосточной его окраинѣ пустынныхъ степей, а потомъ сравнительно льготныхъ условій въ Заднѣпровской Малороссіи, вызываемое наконецъ иногда случайно-мѣстными причинами, въ родѣ нападеній сосѣдей, разореніемъ отъ Татаръ или туземныхъ и союзныхъ войскъ,—было въ продолженіе слишкомъ двухъ вѣковъ хроническою болѣзнью Рѣчи-Посполитой, пережившей и ее самое на довольно долгое время. О разбродѣ крестьянъ вслѣдствіе притѣсненій вотчинныхъ или временныхъ владѣльцевъ упоминается почти въ каждомъ изъ цитированныхъ выше актовъ, и злоупотребленія владѣльцевъ чаще всего являются причиною бѣгства, по словамъ самихъ бѣглецовъ. Направленіе, въ какомъ шли бѣжавшіе крестьяне, бывало, конечно, различно, опредѣляясь случайными и мѣстными условіями, но чаще всего, вслѣдствіе зависимости этихъ условій отъ болѣе постоянныхъ и общихъ причинъ, переселенцы направлялись къ югу и востоку; во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ переходы совершались на болѣе или менѣе далекое разстояніе, изъ одного повѣта въ другой, указанное направленіе обнаруживается вполнѣ ясно. Такъ въ настоящемъ томѣ находимъ примѣры бѣгства: изъ Владимирскаго повѣта, с. Моковичъ, въ Луцкій,—сс. Киселинъ и Твердынь [1]); оттуда же, с. Калусова, на Подолье, къ Каменцу [2]); изъ Пинскаго повѣта, с. Цминь, въ Луцкій, с. Березницу [3]); изъ Рѣчицкаго повѣта—въ Кіевъ [4]); изъ Корецкой волости Луцкаго повѣта,—въ повѣты Житомир-

[1]) № XIII, стр. 36.
[2]) Приложеніе, № ХСIII, стр. 305.
[3]) № С, стр. 311.
[4]) № LXXIX стр. 240.

скій (Бараши, Вильскъ) и Кременецкій (Острополь, Любартовъ [1]); изъ Звягольской волости того же повѣта,—въ Житомирскій [2]); изъ Овручскаго пов., с. Ноздриша, въ м. Бѣлогородку Кіевск. пов. [3]), и т. д. Единственный примѣръ переселенія въ противоположномъ направленіи, изъ Овручскаго повѣта въ предѣлы великаго княжества Литовскаго, нисколько не противорѣчитъ общему ходу бѣгства и колонизаціи, такъ какъ самое переселеніе въ этомъ случаѣ произошло насильственнымъ путемъ [4]). Размѣры бѣгства бывали очень значительны,—иногда уходили всѣ жители села,—и оно не носило характера бездомовнаго бродяжества, а имѣло видъ полнаго переселенія, по возможности со всѣмъ имуществомъ. Понятно, что подобныя передвиженія не могли производиться внезапно, подъ вліяніемъ минуты,—крестьяне дѣлали заблаговременныя къ нимъ приготовленія, вывозя по немногу изъ дому свои пожитки, особенно хлѣбъ, представлявшій наиболѣе затрудненій при перевозкѣ. Это обстоятельство вызывало необходимость пріисканія сообщниковъ въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, гдѣ чаще всего бѣглецы и скрывались нѣкоторое время, пока продолжались розыски со стороны владѣльца, и не утихала опасность погони. Пособничество къ бѣгству нерѣдко выражалось личнымъ участіемъ въ вывозѣ крестьянскаго имущества, сопровожденіи ихъ до новаго мѣста и даже въ вооруженной защитѣ ихъ отъ преслѣдователей. Случалось нерѣдко, что такое пособничество превращалось въ своего рода промыселъ, которымъ и занимались спеціально такъ называемые выкотцы, хотя это имя придавалось и всякому,

---

1) № LXVII, стр. 152.
2) № CLXXII, стр. 558.
3) № LXV, стр. 188.
4) Приложеніе, № CXXXVIII, стр. 440.

кто чѣмъ бы то ни было способствовалъ побѣгу. Что такой промыселъ имѣлъ значительные размѣры и нѣкоторую организацію, видно изъ обширнаго района, на какой распространялись дѣйствія выкотцевъ; такъ напримѣръ, они забирались съ Украины въ довольно далекія мѣстности Волыни, къ Межирѣчу Корецкому и т. д. [1]). Перѣдко въ роли выкотцевъ выступали сами помѣщики, владѣвшіе имѣніями въ различныхъ мѣстностяхъ; они сманивали льготами крестьянъ сосѣднихъ владѣльцевъ и давали имъ средства къ переходу въ свои отдаленныя имѣнія. Для характеристики самыхъ пріемовъ переселенія и образа дѣйствій выкотцевъ могутъ служить слѣдующіе два случая [2]):

Брестскій чашникъ Янъ Куровицкій владѣлъ имѣніями въ Подоліи, а также и во Владимирскомъ повѣтѣ, гдѣ ему принадлежало село Замличи; отсюда-то онъ снаряжалъ переселенцевъ изъ числа сосѣднихъ крестьянъ. Однажды владѣлецъ недалекаго села Калусова, Кіевскій чашникъ Вацлавъ Стецкій, желая распросить поутру своего прикащика (dozorcę) о назначенныхъ на тотъ день хозяйственныхъ работахъ, съ удивленіемъ увидѣлъ, что ни въ усадьбѣ, ни въ селѣ нѣтъ нигдѣ ни души, и «не съ кѣмъ даже перемолвить слова»: и прислуга, и крестьяне бѣжали поголовно, не захвативъ однако же ничего изъ помѣщичьяго имущества,—фактъ повторяющійся и въ большинствѣ другихъ подобныхъ случаевъ. Обратившись за помощью къ сосѣдямъ, Стецкій разослалъ погоню въ разныя стороны, особенно къ юговосточномъ направленіи, къ переправамъ черезъ рѣку Стырь, но бѣглецы не отыскивались; на об-

---

[1]) № CXXXIV, стр. 438.

[2]) Ср. также о выкотцахъ у Антоновича, Изслѣд. о крестьянахъ, стр. 32—37.

ратномъ пути, проѣзжая черезъ лѣсъ и замѣтивъ въ сторонѣ дымъ, одинъ изъ преслѣдователей завернулъ туда и наткнулся на бѣжавшихъ крестьянъ, скрывавшихся здѣсь со своими семействами и имуществомъ. При видѣ погони, они бросились въ разсыпную, такъ что были захвачены только двѣ женщины съ дѣтьми, показавшія, что часть бѣглецовъ въ Замличахъ, перемалываютъ въ тамошней мельницѣ хлѣбъ, вывезенный заранѣе и хранившійся въ господскомъ амбарѣ, а крестьянскій скотъ находится тоже во дворѣ Куровицкаго. Изъ мельницы бѣглецы успѣли скрыться, а въ это время мѣстные крестьяне успѣли захватить и припрятать ихъ имущество, находившееся на взятыхъ въ лѣсу возахъ, такъ что Стецкому удалось выручить только часть крестьянскаго скота; Куровицкій же, передерживавшій бѣглецовъ съ ихъ имуществомъ, указавшій безопасное мѣсто въ лѣсу и дѣлавшій имъ предостереженія относительно погони, притворился какъ бы ничего не замѣчающимъ и, прибывъ домой какъ разъ къ сценѣ обыска и отобранія скота,—молча, надвинувъ шапку, отъѣхалъ прочь [1]).

Въ другомъ случаѣ выкотца дѣйствовалъ прямѣе и откровеннѣе. Управляющій Лабунскимъ имѣніемъ графа Любомирскаго, шляхтичъ Гржибовскій, ночью послалъ вооруженный отрядъ изъ тридцати человѣкъ надворной милиціи въ имѣніе Букшинъ, откуда они увезли нѣсколько зажиточныхъ крестьянскихъ семействъ со всѣмъ ихъ скотомъ и движимостью, согласно заранѣе сдѣланному уговору; бѣглецы уходили не скрываясь, но какъ бы отступая предъ непріятелемъ, такъ что даже былъ устроенъ изъ возовъ, по козацкому обычаю, таборъ, а нѣсколько человѣкъ изъ отряда прикрывали отступленіе; догнанные преслѣдовавшимъ бѣглецовъ владѣльцемъ, они навели его на

---

[1]) Приложеніе, № XCIII, стр. 305—308.

таборъ, откуда погоня была встрѣчена ружейнымъ огнемъ и обращена въ бѣгство, причемъ многіе изъ преслѣдователей были жестоко избиты, изранены и ограблены, такъ что возвращаться имъ пришлось буквально въ нагомъ видѣ, не имѣя даже, какъ говоритъ жалоба, «чѣмъ прикрыть стыдъ человѣческій» [1]).

Разсказанные примѣры относятся уже къ первымъ годамъ XVIII столѣтія, но акты о бѣгствѣ крестьянъ тянутся непрерывно, начиная со второй половины XVI вѣка, ранѣе даже Люблинской уніи, а выкотцевъ и вооруженныя стычки бѣглецовъ съ преслѣдователями встрѣчаемъ какъ тогда же, такъ и въ первой половинѣ XVII вѣка [2]). Увозъ и препровожденіе крестьянъ, какъ предметъ промысла, должны были прекратиться только со времени возврата Югозападнаго края въ составъ Русскаго государства въ концѣ прошлаго вѣка, равно какъ и самое бѣгство должно было измѣнить свой характеръ, изъ переселенія оно превратилось въ бродяжество, продолжавшееся почти до самой отмѣны крѣпостного права. Не подлежитъ сомнѣнію, что введеніе русскаго законодательства и административнаго порядка, облегчивъ зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ въ отношеніи подсудности по уголовнымъ дѣламъ и ограничивъ предѣлы доминіальной юрисдикціи вообще, въ то же самое время стѣснило свободу переселеній посредствомъ примѣненія ревизскихъ сказокъ, паспортной системы и, главное, возложеніемъ на правительственныя власти той заботы по преслѣдованію бѣглецовъ, какая прежде всецѣло падала на средства самихъ владѣльцевъ.

---

1) Тамже, № LXXVI, стр 261—265.

2) № XX, стр. 40; № XXXIII, стр. 89; № LXIV, стр. 170; № XC, стр 274; № CIX, стр. 355; № CXXXIV, стр. 438; № CXL, стр. 451 № CLXXII, стр. 558, и т. д.—Мат для ист. засел Кіев. губ., стр. 14—20.

Все это въ сложности усиливало временно фактическое подчиненіе крестьянъ, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ прежде переходы были легки и обыкновенны; Польское законодательство, съ его господствомъ частнаго права, предоставляло каждому отстаивать свои интересы собственными усиліями, тѣмъ болѣе, что крайняя слабость исполнительной власти дѣлала невозможнымъ дѣятельное вмѣшательство съ ея стороны; необходимое упорядоченіе края и регламентація государствомъ сословныхъ отношеній вели къ тому, что въ Россіи права, передвиженіе и мѣстожительства каждаго отдѣльнаго лица должны были разсматриваться также не съ частной, а съ государственной точки зрѣнія, и нарушители законодательныхъ постановленій по этому предмету подвергались преслѣдованію со стороны властей, хотя бы они не причиняли при этомъ никакого вреда частнымъ солицамъ Историческое безпристрастіе требуетъ признать, что соблюденіе указанныхъ требованій отзывалось очень тягостно въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ на крестьянахъ, иногда вовсе этого неожидавшихъ и даже неподозрѣвавшихъ повода къ преслѣдованію. Не слѣдуетъ забывать однако, что только введеніе строгой государственной регламентаціи взаимныхъ отношеній крестьянъ и помѣщиковъ и одинаково неуклонн е требованіе повиновенія предписаніямъ закона съ обѣихъ сторонъ— одно и могло, хотя бы и цѣною многочисленныхъ жертвъ, привести въ концѣ концовъ къ отмѣнѣ крѣпостного права путемъ мирной реформы, а не кровавой революціи, какія потрясали край въ теченіе ста слишкомъ лѣтъ безъ всякаго прочнаго результата, тогда какъ организованная реформа, начавшись введеніемъ инвентарныхъ правилъ 1846 года, провозглашена черезъ пятнадцать лѣтъ, 19 февраля 1861 года, во всей ея полнотѣ.

и наконецъ завершена Высочайшимъ повелѣніемъ 30 іюля 1863 года объ обязательномъ выкупѣ [1]).

---

(1) Для уясненія нашихъ замѣчаній о вліяніи Русскаго законодательства и административныхъ порядковъ прежняго времени на свободу передвиженій крестьянъ, за недостаткомъ соотвѣтственныхъ данныхъ изъ послѣднихъ лѣтъ прошлаго столѣтія, находимъ нужнымъ привести примѣры изъ судебной практики болѣе поздняго времени, извлеченные нами изъ мѣстныхъ архивовъ и представляющіе факты уголовнаго преслѣдованія крестьянъ въ такихъ случаяхъ, когда интересы ихъ владѣльцевъ и вообще частныхъ лицъ вовсе того не требовали.

I. Крестьянинъ Кіевской губерніи, м Кагарлыка, владѣнія помѣщика Трощинскаго, Яковъ Юрченко, вслѣдствіе притѣсненій со стороны приказчика, по его показанію, бѣжалъ съ цѣлью „искать лучшей жизни“. Придя въ Москву, онъ прожилъ здѣсь на работѣ два года, потомъ ушолъ въ Казань и наконецъ въ Тобольскую губернію, гдѣ и проживалъ до 1833 года. Задержанный въ Курганскѣ за неимѣніе письменнаго вида, онъ былъ посаженъ въ острогъ, гдѣ содержался около года, а тѣмъ временемъ, на основаніи его показаній о своемъ происхожденіи, возбуждена была о немъ переписка съ Богуславскимъ земскимъ судомъ. Мѣстныя власти, недожидаясь отвѣта, рѣшились освободить Юрченка изъ заключенія, и онъ былъ даже опредѣленъ въ ночные дозорщики по городу; воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, онъ ушолъ изъ Курганска, намѣреваясь возвратиться на родину, гдѣ у него были жена и сынъ, оставленный еще ребенкомъ. Въ Троицкомъ уѣздѣ Оренбургской губерніи Юрченко былъ задержанъ вторично и отправленъ по этапу въ Кіевъ. При производствѣ здѣсь дѣла о немъ, никакихъ подозрѣній въ совершеніи имъ какого либо преступленія никѣмъ заявлено не было; бывшими своими односельцами онъ также былъ одобренъ въ поведеніи, но такъ какъ помѣщикъ не изъявилъ согласія принять его обратно, то Юрченко и былъ судимъ какъ бродяга. Архивъ Кіевскаго уѣзднаго суда; по описи № I дѣло № 957, годъ 1836.

II. Въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія Ржищевское имѣніе, въ Кіевскомъ уѣздѣ, принадлежало графинѣ Дзялынской, а въ составъ его входило и с. Липовый Рогъ. Крестьянка м. Ржищева, Марьяна Буркаливна, вышедши замужъ за крестьянина с. Липоваго Рога, Ведмеденка, жила здѣсь до 1829 года, а около этого

Противодѣйствіе крестьянъ непомѣрному гнету и злоупотребленіямъ—не всегда ограничивалось такой чисто пассивной мѣрой, какъ переселеніе; въ нѣкоторыхъ случаяхъ реакція вы-

---

времени, оставшись совершенно одна, вслѣдствіе бѣгства ея мужа, возвратилась на родину, отстоящую всего въ 7—8 верстахъ, гдѣ и жила до 1836 г. Тѣмъ временемъ с. Липовый Рогъ перешло во владѣніе помѣщицы Ротермундъ, и поэтому Ведмеденкова, оказавшаяся живущею въ чужомъ владѣніи, въ ноябрѣ 1836 г. была арестована въ м. Ржищевѣ за неимѣніе письменнаго вида, препровождена по этапу въ Кіевскій земскій судъ и судима за бродяжество. Судъ приговорилъ ее къ наказанію пятью ударами розогъ при полиціи и отослалъ подъ карауломъ для водворенія „на мѣстѣ жительства" т. е. въ с. Липовомъ Рогѣ. Это постановленіе послужило поводомъ къ злоупотребленію со стороны мѣстнаго шляхтича—управляющаго.—Въ началѣ января 1837 г. священникъ с. Липоваго Рога донесъ рапортомъ Кіевскому земскому суду, что въ это село была прислана за карауломъ находившаяся „въ бѣгахъ" крестьянка Буркаливна, сужденная и наказанная въ Кіевѣ за бродяжество; хотя въ предписаніи земскаго суда, при которомъ она была препровождена, было сказано, по словамъ священника, что такъ какъ Буркаливна уже наказана, то затѣмъ никакому вторичному наказанію подвергать ея не слѣдуетъ, тѣмъ не менѣе экономъ, однодворецъ Францъ Гавсевичъ, приказалъ ее жестоко высѣчь передъ корчмою, а на другой день вторично, въ присутствіи крестьянъ, работавшихъ на господскомъ гумнѣ. Вслѣдствіе этихъ истязаній, Буркаливна получила падучую болѣзнь и лишилась разсудка, почему и отправлена въ больницу въ м. Ржищевъ,—то есть, въ то самое мѣсто, гдѣ она родилась, прожила теперь нѣсколько лѣтъ, и откуда именно была взята за неимѣніе письменнаго вида. При производствѣ слѣдствія по этому дѣлу, Гавсевичъ, не отрицая наказанія имъ дважды Буркаливны, „для общаго посрамленія", объяснялъ, что сдѣлалъ такое распоряженіе, не распечатавъ даже, за отсутствіемъ аренднаго владѣльца, бумаги, при которой она была прислана; но послѣ наказанія Буркаливны прочелъ однако „изъ любопытства" предписаніе земскаго суда, не дождавшись возвращенія арендатора, и увидя, что судъ *не велѣлъ* ея наказывать, раскаявался, что не прочелъ бумаги раньше". Въ находящемся однако при дѣлѣ подлинномъ (?) предписаніи суда не только нѣтъ этого требованія, но даже вовсе не упоминается объ осужденіи и наказаніи Буркаливны.

ражалась болѣе прямо—возстаніями или аграрными преступленіями отдѣльныхъ личностей, не находившихъ болѣе законнаго исхода изъ своего невыносимаго положенія и срывавшихъ справедливо накипѣвшую злобу на владѣльцѣ, управляющемъ или арендаторѣ. Не касаясь возстаній, принимавшихъ болѣе или менѣе общій народный характеръ и осложнявшихся поэтому, кромѣ соціально-экономическаго, еще національно-политическимъ и религіознымъ элементомъ, мы ограничимся изложеніемъ нѣсколькихъ болѣе частныхъ фактовъ, передаваемыхъ документами настоящаго тома.

Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что наиболѣе ранніе по времени случаи самоуправства со стороны крестьянъ, о которыхъ дошли до насъ свидѣтельства актовъ, не имѣютъ ничего общаго съ первыми козацкими возстаніями въ XVI вѣкѣ и даже значительно имъ предшествуютъ, совпадая съ эпохою передѣлки перваго статута, клонившейся къ большему стѣсненію крестьянъ, и съ порою подготовки Люблинской уніи, приведшей къ тѣмъ же результатамъ. Такъ уже въ 1563 г. возстаютъ въ Кременецкомъ повѣтѣ крестьяне мѣстечка Ляховецъ и селъ Войнегова, Янкова, Кащинецъ и Вариводинецъ противъ своего помѣщика, пана Матвѣя Сенюты; напавши на

Такъ какъ самый фактъ истязаній былъ достаточно выясненъ свидѣтельскими показаніями, то Кіевскій уѣздный судъ постановилъ: удаливъ Гавсевича отъ должности эконома, выдержать его подъ карауломъ въ городскомъ острогѣ и обязать подпискою воздерживаться впередъ отъ подобныхъ наказаній. Тотъ же Архивъ, по описи № I дѣло 1349; годъ 1837

Приведенные случаи, имѣющіе множество аналогій, достаточно, надѣемся, поясняютъ, какія невыгодныя для крестьянъ послѣдствія имѣло признаніе за бѣгствомъ характера не одного только частнаго правонарушенія, но и преступленія противъ государства, подлежащаго уголовному наказанію помимо даже частнаго обвиненія.

дворъ, они вломились въ свѣтлицу (комору), гдѣ находился владѣлецъ, и убили его, а сами въ ту же почь неизвѣстно куда бѣжали со своими семействами и всѣмъ имуществомъ; въ числѣ бѣжавшихъ были и «атаманы» всѣхъ названныхъ селъ [1]), а это даетъ поводъ думать, что преступленіе было вызвано жестокостями самого Сенюты.—Еще болѣе вѣроятія заслуживаетъ такое объясненіе по отношенію къ нѣкоему пану Матысу Хорковскому, которому князь Марко Сокольскій уступилъ въ владѣніе село Кобче въ Луцкомъ повѣтѣ, и котораго не разъ поджигали то свои же крестьяне, то ихъ сосѣди, Рожищане. Такъ онъ жалуется въ концѣ 1582 г, что въ его отсутствіе человѣкъ пятнадцать крестьянъ пришли въ его дворъ, заперли снаружи комору, гдѣ были его жена и дѣти, а прислугу по ея избамъ, и тогда подожгли дворъ; хотя люди и успѣли спастись, но всѣ постройки и имущество погибли, а поджигатели тѣмъ временемъ ушли съ имуществомъ и семьями, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ душъ, такъ что сельцо совсѣмъ опустѣло; бѣглецы захватили также съ собою часть скота Хорковскаго, а жители и урядники мѣстечка Рожищъ не только пропустили ихъ черезъ свой мостъ на р. Стырѣ, но еще и провожали болѣе мили, за что получили подарки [2]). Едва успѣлъ Харковскій кое какъ обстроиться вновь, какъ черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ его снова подожгли, и это, по его словамъ, былъ уже пятый поджогъ, и въ пятый разъ сгорала усадьба; собиравшаяся по этому дѣлу копа «вела слѣдъ», по которому и пришла до принадлежащаго къ Рожищскому имѣнію сельца Синюхъ, гдѣ жили пастухи (чабаны); но ни тамошніе жители, ни Рожищане вообще—на копу не вышли, ни слѣда дальше не отвели, почему и было копою присуждено взыскать съ нихъ

[1]) № XVIII, стр 45.
[2]) № XLIX, стр. 128.

убытки [1]).—Съ развитіемъ возстаній козацкихъ, стали чаще бунтовать и крестьяне на Волыни, гдѣ они не подымались однако цѣлыми массами, какъ на Украинѣ и въ Подоліи. Такъ въ 1664 г. крестьяне с. Пекалова, около Дубна, вмѣсто исполненія приказаній арендныхъ владѣльцевъ, открыто собрались переселяться въ Украину, а когда экономъ хотѣлъ вернуть ихъ,—обезоружили его и дали ему до сотни палочныхъ ударовъ, грозя тѣмъ же и вмѣшавщейся въ дѣло женѣ арендатора [2]).—Возвратившійся послѣ ухода козаковъ и Русскихъ войскъ заставный владѣлецъ с. Котова Луцкаго повѣта, шляхтичъ Куберскій, былъ схваченъ своими крестьянами, ограбленъ и выданъ козакамъ, а ими уже отданъ въ плѣнъ русскимъ [3]). Въ 1707 г. нѣсколько крестьянъ с. Матыекъ, Луцкаго повѣта, окружили въ лѣсу управляющаго имѣніемъ Баховскаго, подъ предлогомъ какой-то просьбы, стащили съ лошади, изрубили топоромъ и здѣсь же зарыли трупъ, засадивъ могилу мелкимъ соснякомъ и верескомъ, въ надеждѣ уничтожить всякій слѣдъ преступленія, подробности котораго отличаются особеннымъ звѣрствомъ [4]). Подобнымъ же

---

[1]) Иванишевъ. О древн. сельск общинахъ, стр. 45.

[2]) Приложеніе, № XVII, стр. 52.

[3]) Приложеніе, № XXI, стр. 63.

[4]) Приложеніе, № LXXXV, стр. 284—288:.... „Rękę prawą obuchem przetrącili, tandem zwlokszy z konia, wszyscy do siekier rzuciwszy się, na ziemi rąbali, głowę z mózgiem tymiż siekierami na sztuki rozniеśli, piersi pogruchotali obuchami, aż po śmierci gdy się piersi palcem kto dotknął, kości za skurą iako orzechy rozsypane odzywali się, że zaś za gardło znać dusili, szyia wszystka y gardło iak węgl czarne zostało; co sprawiwszy, złomawszy go y zwinowszy wedwoie, z plec głowe do nóg przywiodszy, iamę w tymże lesie wykopali y tego trupa rozsiekanego, wedwoie zwinionego, w te iamę storczma wepchali, y na tey mogile, żeby nie znać było, choiny młódey y wrzosu nasadziwszy, odeszli; co zaś ci zabóycy za okrucieństwo czynili, iako dokazywali,—groza słuchać, iak sami teraz przed ludźmi głoszą y iako się męztwem swoim zalecaią.

характеромъ отличалось и убійство шляхтича Погребецкаго, задержавшаго было бѣглыхъ крестьянъ изъ с. Костюхновки[1]).

Заключеніе.

Резюмируя вкратцѣ все изложенное, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ относительно судьбы крестьянскаго сословія Юго-западной Россіи подъ Литовскимъ и потомъ Польскимъ владычествомъ:

1. Феодальная система Литовско-Русскаго великаго княжества обязана своимъ происхожденіемъ не столько заимствованію, а развилась главнымъ образомъ изъ отношеній князей къ дружинникамъ, путемъ замѣны жалованья денежнаго—земельнымъ, т. е. имѣетъ аналогическое происхожденіе съ помѣстною системою Руси Восточной, хотя въ дальнѣйшемъ развитіи совершенно съ нею расходится;

2. Подъ вліяніемъ этой системы, въ періодъ ея господства, междусословныя отношенія не были точно опредѣлены, большинство земледѣльческаго населенія сохраняло личную свободу, подчинялось общему суду или пользовалось судомъ общиннымъ, несло податныя тягости въ пользу государства и не было лишено права землевладѣнія, одинаково впрочемъ условнаго для него, какъ и для выше стоящихъ классовъ;

3. Экономическія условія быта крестьянъ были обратно пропорціональны степени заселенности страны и оказывались тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ болѣе возрастало населеніе въ той или другой области государства, и потому въ каждую данную эпоху были легче въ его юговосточной части, подъ вліяніемъ обилія незаселенныхъ земель, сосѣдства Татаръ и козаковъ, и продолжавшейся колонизаціи лѣваго берега Днѣпра;

---

[1]) Приложеніе, № LXXXIX, стр. 297—299.

4. Ограниченіе правъ крестьянъ началось прежде всего съ суда, потомъ выразилось въ переходѣ къ землевладѣльцамъ налогового права и наконецъ въ отрицаніи крестьянскаго права землевладѣнія и личной свободы;

5. Указанныя ограниченія замѣчаются со второй половины XV вѣка и особенно развиваются въ слѣдующемъ столѣтіи, въ эпоху общихъ законодательныхъ реформъ, и окончательно опредѣляются третьимъ Статутомъ, уничтожившимъ по имени рабство, на дѣлѣ же обратившимъ въ несвободное состояніе весь земледѣльческій класъ, тогда какъ землевладѣльцы съ этой именно поры получили равноправность между собою и всю государственную власть;

6. Вслѣдъ за окончательнымъ закрѣпощеніемъ началось постоянное возвышеніе крестьянскихъ повинностей, особенно являвшееся тягостнымъ подъ вліяніемъ временныхъ владѣльцевъ, арендаторовъ и заставниковъ, что вызывало въ свою очередь усиленное бѣгство крестьянъ и аграрныя преступленія;

7. Общая реакція крестьянскаго сословія въ видѣ открытыхъ возстаній проявлялась преимущественно не въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ положеніе этого сословія было болѣе тяжолымъ, а именно тамъ, гдѣ оно представляло большій просторъ для самостоятельнаго развитія народной жизни и состоятельности земледѣльцевъ;

8 Крестьянскія возстанія XVII вѣка дали болѣе или менѣе прочные результаты только для тѣхъ мѣстностей, которыя вслѣдствіе ихъ отошли къ Русскому государству; въ предѣлахъ же Польши, послѣ многократныхъ разореній страны съ 1648 по 1720 годъ, возникли снова прежнія условія, и повинности крестьянъ стали снова и постоянно возвышаться;

9. Наконецъ, съ возвращеніемъ края къ Россіи, помѣщичья власть была ограничена въ своихъ размѣрахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ получила въ оставленныхъ ей предѣлахъ бо́льшую противъ прежняго обезпеченность, вслѣдствіе обязательнаго содѣйствія ей со стороны исполнительной власти; и только общее развитіе Русской государственной жизни повлекло за собою ея дальнѣйшія ограниченія и наконецъ совершенную отмѣну.

Ив. Новицкій.

Примѣчаніе. Акты первой книги настоящаго тома и начальные 14 листовъ »Приложенія« отпечатаны подъ редакціею члена комиссіи К. Е. Козловскаго, нынѣ умершаго; редактированіе же остальной части Приложенія, а равно составленіе вступительной статьи и указателей къ обѣимъ книгамъ, выполнено И. П. Новицкимъ.

ОПЕЧАТКИ:

				напечатано:	должно быть:
Стран. 7,	строка	15	сверху	Жнгомонтъ	Жигимонтъ
— 20	—	1	—	землевладѣцамъ	землевладѣльцамъ
— —	—	1	снизу	ирава	права
— 23	—	4	—	позднѣйшепу	позднѣйшему
— 31	—	10	—	приездяючн	приездяючи
— 66	—	4	—	ее	се
— 74	—	2	—	*вко*	*яко*
— 77	—	12	сверху	XVIII столѣтія	XVII столѣтія
— 84	—	3	снизу	породившися	порадившися
— 88	—	16	—	нхъ	ихъ
— 91	—	6	—	Потемкиъ	Потемкинъ
— —	—	5	—	которыхъ	которыя
— —	—	4	—	1872 г. № 8	1869 г., стр. 920
— 100	—	2	—	етр.	стр. 41, 51
— 111	—	15	—	1/12	1/11
— 115	—	14	—	не лучше, порядки и	не лучше порядки, и
— 117	—	1	сверху	Сигизмунда I	Сигизмундомъ I
— 141	—	7	—	характеристити	характеристики
— 144	—	11	снизу	iniculpatus	inculpatus.